

ВЯЧЕСЛАВ САМАРДАК

ОФИЦЕР
ЗВАНИЕ И СУДЬБА
1967 - 1991



КИШИНЕВ

2025

ВЯЧЕСЛАВ САМАРДАК

ОФИЦЕР
ЗВАНИЕ И СУДЬБА
1967 - 1991



КИШИНЕВ

2024

Автор, составитель, компьютерный макет и обработка иллюстраций
Вячеслав Самардак.

Книга посвящается офицерам, которые всю свою жизнь связали с армией и защитой Отечества. Это его профессиональное дело, его доля и его жизнь. И всегда, во все времена офицеры гордились своим званием, выше жизни ценя офицерскую честь.

Далеко не многие знают через, что приходилось пройти офицерам и их семьям. Нас было очень много, и все мы служили своей стране с достоинством и честью.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОДЕССКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ	6
ГРУППА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ	29
МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ	54
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ	72
ЗАПАДНАЯ ГРУППА ВОЙСК	102
ЭПИЛОГ	136
ВООРУЖЕНИЕ И БОЕВАЯ ТЕХНИКА	137

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мысли, мысли, не оставляют в покое заставляя возвращаться назад во времени».



Советский Союз имел мощный военный потенциал. Вооруженные Силы СССР состояли из: Ракетных войск стратегического назначения, Сухопутных войск, Войск противовоздушной обороны страны, Военно-Воздушных Сил. Основу, костяк Вооруженных Сил СССР составляли офицерские кадры.

Окончив школу, я принял решение стать офицером, с детства я проявлял желание быть военным, это заметно по детским фотографиям. Начиная с пятого класса начал заниматься спортом, сначала легкой атлетикой, а затем борьбой и боксом, все это в последствии пригодилось. Пришло время и задуманное свершилось, я стал курсантом

артиллерийского училища, а затем офицером. Было временами не легко, но теперь по прошествии лет вспоминаю об этом прекрасном времени.

Для того, чтобы постичь военную науку пришлось много учиться. Прежде всего стать курсантом Одесского артиллерийского училища. По окончании его получить первое офицерское звание лейтенант. Затем начать службу в войсках, получить опыт управления первоначально взводом, батареей. Добиться успехов, получить повышение в воинском звании и должности. И снова учиться, но уже в военной академии, после окончания вновь продолжить службу в войсках, меняя военные округа и все время совершенствовать свои знания.

Рассказывая об эпизодах своей службы, в кругу гражданских или военных получал от них пожелания написать о своей службе книгу. И я решился написать правдиво о службе и жизни армейской.



ОДЕССКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ

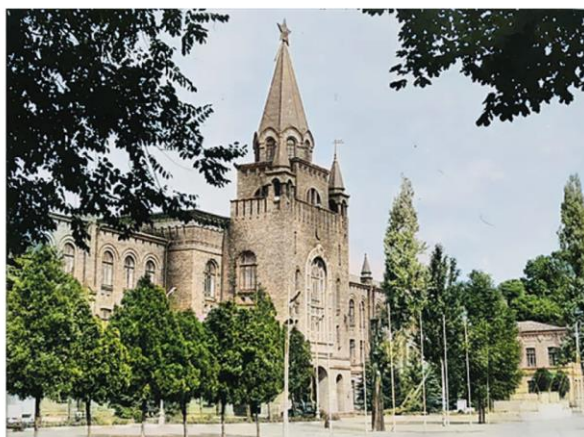


*«ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ СТОЛЬ ПОЧТЕННО, ЧТО НЕ ДОЛЖНО
СОДЕЛЫВАТСЯ УДЕЛОМ НЕДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА».*

П.И. ПЕСТЕЛЬ



НАЧАЛЬНИК УЧИЛИЩА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Н.В. ЛИТВИНОВ



1967 – 1970



КОМАНДУЮЩИЙ
РАКЕТНЫМИ ВОЙСКАМИ И
АРТИЛЛЕРИЕЙ
СУХОПУТНЫХ ВОЙСК
МАРШАЛ АРТИЛЛЕРИИ
К. П. КАЗАКОВ

*«Каждый знает, как красивы погоны, но
не каждый знает, как их тяжело носить».*

Февраль 1991 года, покидаем советский военный гарнизон, возле немецкого города Гарделебен. Мы были последними представителями Советской армии. Что нас ждет впереди? Невозможно было предугадать свою судьбу в будущем. Моя судьба и моей семьи тесно связана с моей службой в вооруженных силах Советского Союза.

По окончании 10 класса мне предложили поступать в Одесское артиллерийское училище, я согласился.

Так почему же было принято решение стать офицером, что повлияло на меня. В нашей семье профессиональных военных не было. Два деда воевали в Первую Мировую войну. Отец в годы Великой Отечественной войны был подпольщиком, был арестован румынскими оккупантами и осужден на двадцать лет каторги, был освобожден Красной армией.

В детстве, до школы, по рассказам матери, я все рисовал какие-то планы, все кого-то окружал. Если вернуться в мое детство, то в нем много связано

с военной темой. В послевоенные годы мы играли в военные игры. На моих детских фотографиях я всегда с оружием (игрушечным) в руках. Было много фильмов о Великой Отечественной войне. Потом у меня были друзья, у которых отцы воевали или были военными. И меня восхищала военная форма и ордена, и медали на ней. Несколько раз на меня одевали парадный китель с медалями и орденами, это вызывало у меня море восторга.



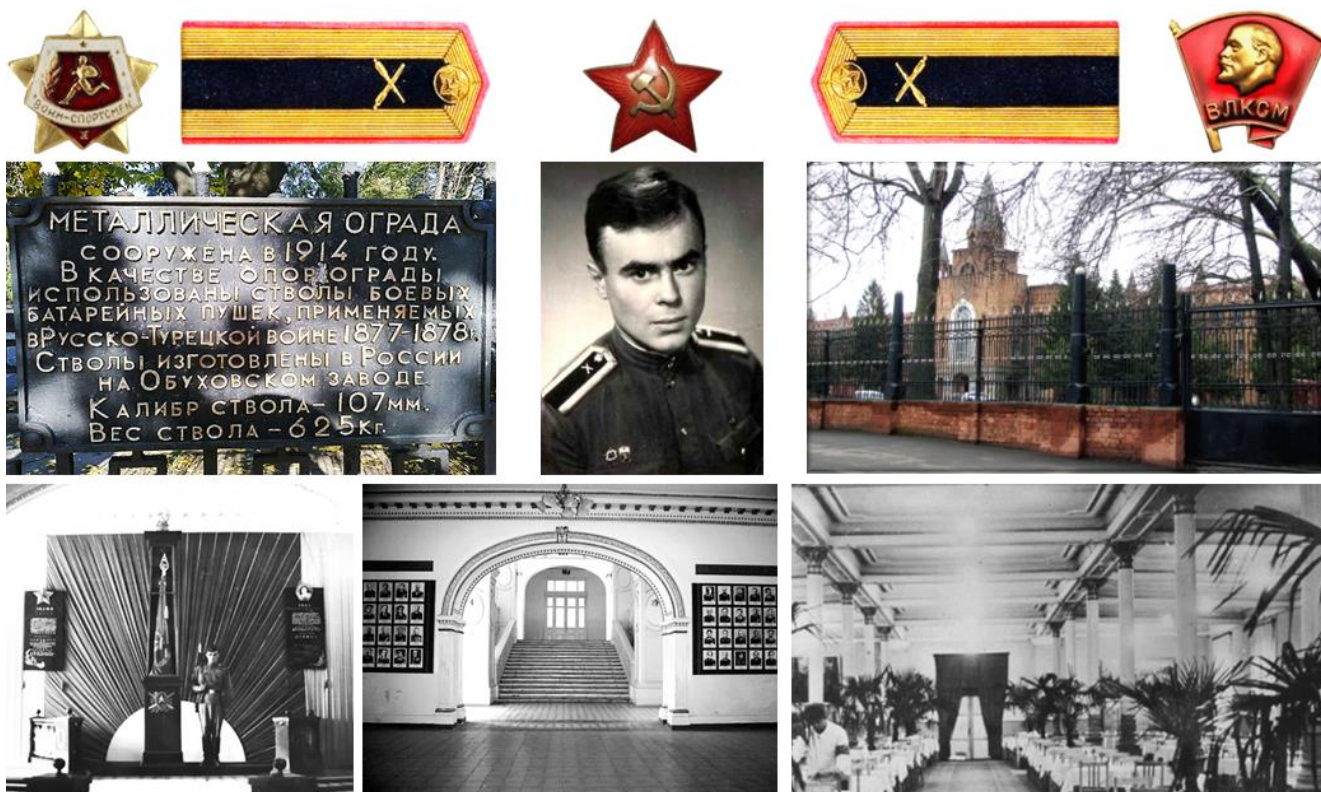
Так, что я, недолго думая, собрал документы и пошел в Военный комиссариат, единственно, что мне посоветовал комиссар это вступить в комсомол. А это было время подготовки к выпускным экзаменам. Пришлось побегать в поисках должностных комсомольских лиц, но все прошло удачно, и до окончания школы я получил комсомольский билет.

Закончилась школа и мы с отцом едем в Одессу, но вот незадача. Проехав километров шестьдесят, вдруг вспомнили, что документы остались на столе, дома. Пришлось возвращаться, в народе в таких случаях говорят, не повезет. Видно, не всегда это срабатывает – повезло. Приехав в училище, сдали документы, а затем меня, после чего отец уехал, началась моя новая, теперь уже армейская жизнь. Все страсти улеглись, и у меня появилось время посмотреть, куда же я попал.

Внешний вид училища, бывшего юнкерского, построенного в 1915 году, гипнотизировал интересным необычным забором, в котором колонны состояли из артиллерийских стволов орудий русско-турецкой войны 1877-1878 годов между стволами проходили ряды острых железных пик.

Здание училища мне казалось огромным, оно напоминало большую букву и состояло из нескольких корпусов, соединенных между собой коридорами. Если смотреть на училище со стороны 3-й станции Большого фонтана, то перед основным зданием огромный плац, опоясанный кустарником, за плацем вход в здание, а перед входом два огромных орудия 2-й мировой войны.

На 1-м этаже, основного здания находились следующие помещения, слева от входа знамя училища, справа дежурный по училищу. Поднимаясь по широкой, центральной, лестнице на второй этаж, попадаешь в столовую.



Столовая – это рай для курсанта, но не только для желудка, но и для души, зал широкий, светлый, огромные окна. Колонны, подпирающие высокий потолок, между колоннами огромные зеленые растения, посередине зала ковровая дорожка, чистота слепит глаза, столы, на 4-х человек накрытые белыми скатертями, официантки, не хватало только музыкального ансамбля. Более в жизни не приходилось встречать таких великолепных армейских столовых. Великолепный и замечательный человек был заместитель начальника училища по тылу. Выходим из столовой, хотя не



очень хочется, и поднимаемся выше на третий этаж по лестницам, идущим вдоль обеих стен и заходим в музей училища, мы как-то помогали закатывать 45 мм. пушку, по лестницам, в музей. Справа и слева от музея длинный коридор, в котором находятся учебные классы и библиотека. И снова вверх на четвертый этаж по широкой центральной лестнице

попадаем в огромный зал – клуб училища. Поднимаемся еще выше, на последний пятый этаж, по двум лестницам. Справа и слева жилые помещения для курсантов. Справа от основного здания артиллерийский парк, за артиллерийским парком находился Одесский ипподром. Куда-либо пойти, по началу, не мог, из-за боязни заблудиться. Вокруг меня были такие же, как и я, ребята, большей частью деревенские, немного городских и несколько солдат, которые так же пытались понять, куда же они попали. Когда все начали приходить в себя, то познакомились, я быстро сошелся с двумя ребятами, один был сыном офицера, второй внуком генерала и до поступления в военное училище был отчислен из морского училища. Нас распределили по взводам. В казарме определили каждому кровать, тумбочку, все домашние вещи сдали в каптерку. Из дома я приехал с большим дерматиновым чемоданом, который впоследствии прошел всю службу, в качестве *«тревожного чемодана»*.

До обеда нас разводили по классам для подготовки к экзаменам. А после обеда отправляли на уборку территории училища. Одного из солдат, абитуриента, поставили командиром над нами. Обладая очень низким образовательным уровнем, он всегда нас веселил, подавая смешные команды, у меня с ним постоянно были споры. Вероятно, его заслуга состояла в своевременном докладе начальству о поведении будущих курсантов, за что видимо и был принят в училище.

В свободное время мы готовились к экзаменам, но иногда удавалось побывать в городе по другую сторону забора училища. Один из новых знакомых, одессит предложил нам посетить его знакомых в городе. Один из знакомых второго товарища, курсант второго курса забирал нас у солдата, якобы на работы. Под этим прикрытием мы втроем не однажды покидали училище.

Первым экзаменом был письменный, писали сочинение, я писал тему *«Почему я решил стать офицером»*, получил отличные оценки по русскому и литературе, хотелось бы сегодня прочесть его. Трудным был экзамен по математике, но справился, остальные не помню, но необходимые для поступления баллы я набрал.

В день моего рождения 15 августа началась аттестационная комиссия, решалась судьба абитуриентов. Каждого вызывали персонально. Председатель комиссии начальник училища генерал-майор Литвинов поздравил меня с поступлением, но предупредил по поводу выбора друзей, видимо информация о наших прогулках дошла до начальства. На радостях я дал домой телеграмму *«Мама я курсант!»*. Так с воинского звания курсант началась моя военная служба. Впереди было три года учебы, училище было средним.

Одессит не был принят в училище. Оказывается, он был исключен из высшего морского училища за подделку оценок в зачетках, и даже то, что его дед был генерал-майором в запасе ему не помогло.

Курсанты распределялись по учебным артиллерийским дивизионам, которые состояли из артиллерийских батарей. В 1967 году в батарее было по одному взводу – 2-го, 3-го и два взвода 1-го курса, так как было принято курсантов в два раза больше, чем обычно. Меня определили во 2-й дивизион, в 4-ю батарею. Командиром дивизиона был подполковник Боков, щеголь, был примером для курсантов, всегда чистый, отглаженный, фуражка шитая. Строевым шагом ходил великолепно. При выезде на боевые стрельбы в руках у него был планшет с различными отделениями, в которых находились различные приборы для облегчения стрельбы, самодельные. Руководил дивизионом, не мешая своим подчиненным. Заместитель командира дивизиона по политической части майор Белоглазов очень мало понимал в артиллерии. Рассказывал нам, как он служил в укрепленном районе, где на вооружении были пулеметы с кривыми стволами, и прочую ерунду. На боевых стрельбах, подойдя к нам, спросил это 75 мм пушка, на, что преподаватель стрельбы, не оборачиваясь, сказал – «76 *Мать*». После такого обмена информацией на боевых стрельбах замполит более не показывался. Запомнился он мне по проведению судов, в клубе училища, над «зеленым змеем», т.е. над курсантами, прибывшими из увольнения нетрезвыми, больше о нем вспомнить нечего. Командир батареи капитан Гусев, высокий подтянутый, волосы слегка кучерявые. На вид бесшабашный и добрый мужик. Он имел свой коронный номер, видимо украденный у него американским певцом Майклом Джексонем. Перед тем как подать какую-либо команду Гусев левой рукой, ладонью наружу, касался ширинки, а правой ладонью касался брюк сзади, после чего одновременно подтягивая, руками брюки вверх производил плевков сквозь зубы, Джексон вместо плевка, вероятно, на сцене было бы неприличен такой жест, дергал головой. Командир взвода молодой и очень стеснительный, светловолосый, лицо бледное и унылое, невысокого роста лейтенант, что в этой фигуре выделялось так это нос и несоразмерно роста большой размер сапог. Ругаться он не мог, сказав вместо ругательства «*рядовой Пупкин*» краснел, общего языка, с коллективом взвода он не нашел. Общаться с курсантами, без крика он не умел и ничего человеческого в нас не видел. Заместителем командира взвода назначили курсанта 3-го курса, сержант Гармидер был намного старше нас, серьезный мужик. После распределения повзводно были назначены командиры отделений. Всех не прошедших по конкурсу, отправили в Тбилисское артиллерийское училище. Вероятно, в связи с недобором в этом училище.

16 августа мы начали проходить «*Курс молодого бойца*», нас переодели в форму б.у. (бывшее в употреблении), повседневная форма состояла из гимнастерки и брюк х/б, шерстяной пилотки и яловых сапог и полевого ремня, кожаный ремень, с бляхой, одевался при повседневной и парадной форме одежды.

Курс молодого бойца (КМБ) — начальный период прохождения службы в учебных заведениях Министерства обороны СССР. Курс молодого бойца призван подготовить бойца к выполнению боевых задач. Он учит тому, что должен уметь каждый солдат — основам обращения с оружием, уставному поведению, действиям в тех или иных ситуациях. Он приучает молодого человека к условиям жизни в армии, даёт общее представление о ней.



Курс молодого бойца проходил в летних лагерях, на берегу Черного моря, в Чебанке. Первый день этого курса, оборона, я простоял в наряде дневальным, на второй день начались занятия, мы должны были наступать, объяснений по пользованию автоматом я не получил. Построились в боевой порядок и начали наступать, при прохождении проходов в минных полях я дал автоматную очередь, холостыми, а так как впереди меня бежал командир взвода, то его гимнастерка слегка подпалилась. С серьезными намерениями он двинулся ко мне, но я вырос на улице, там всегда за себя могут постоять. Мне ничего не оставалось, как взять автомат и приготовиться к отражению нападения, командир взвода, поняв это, отошел в сторону. Построив взвод, он объявил мне месяц не увольнения. Великое дело мы все равно были на «карантине», т.е. без права увольнения в город до принятия присяги. Дальше все занятия прошли без эксцессов тем более, что далее курс проходил уже в училище.

Не успели мы пройти курс молодого бойца, как нам выдали парадную форму, при моем 48 размере выдали где-то 52 или 54. Хорошо, что в училище был портной, который всем за три дня и 10 рублей перешивал форму. После его шитья форма сидела чудесно. Парадная шерстяная форма состояла из зеленого мундира, со стоячим воротником и застегивающегося на два крючка, синих брюк и хромовых сапог (выглядел я примерно так, только на брюках «галифе» было ушито и почти незаметно) После выдачи парадной формы нас начали готовить к параду на 7-е ноября — День Октябрьской Революции. Тренировали нас в соседнем общевоинском училище, на 5-й станции Большого фонтана, наше училище находилось на 3-й. В тренировках участвовали все войска, но мы ходили хорошо и нас отпускали, самое больше через второе прохождение, а солдаты оставались долго. Были и ночные тренировки в городе, на площади Куликовом поле.

Приняли присягу, она для меня была единственной до увольнения в запас.

С момента нахождения в училище вся моя короткая прошлая жизнь была переоценена. Все мои школьные друзья и товарищи остались в прошлой жизни. Поначалу мы еще переписывались, но впоследствии отсутствие

общности интересов разъединило нас, и мы потеряли связь и больше никогда уже не встречались. Каждый из школьных друзей выбрал свой путь, кто-то стал инженером, кто-то врачом, кто выбрал другую специальность. Мой жизненный путь оказался, вероятно, самым трудным, но зато интересным.

Начался учебный год. Утром подъем в 6.00, зарядка с голым торсом, такое мучение, затем мылись, брились, подшивались, застилали постель, приводили в порядок закрепленную территорию. Паркетный пол в нашем училище это самое святое, на все годы учебы каждому курсанту был выделен участок, который надо было успеть натереть утром, после зарядки и перед завтраком, за это время надо успеть помыться, побриться и заправить кровать, а также привести в порядок свой внешний вид. Курсантское время это волшебное время, так за три минуты курсант мог сделать то, что гражданский человек делал за три часа. Натерли паркет, построились и после осмотра внешнего вида завтрак и наконец-то занятия. Занятия по общеобразовательным предметам и физической подготовке проходили как в школе, да и преподаватели были гражданские. Новыми были предметы по профессиональной подготовке, методы преподавания, поведение преподавателей также были для нас новыми, надо было как-то привыкать к этому. Преподавательский состав у нас был замечательным. Артиллерийско-стрелковую подготовку преподавал майор, которого мы все три года звали, между собой Юрой, он поразил нас с первого раза. Если во время ответа курсант ошибался, то следовал громкий крик, матом, у курсанта, от испуга выпадал мел из рук, но потом мы быстро к этому привыкли. Правда, учил нас он очень хорошо. Таких оценок как три или четыре у него не было, либо пять, либо два. По Материальной части артиллерии лекции читал подполковник, которого мы звали «Милочка»,



различные наименования частей орудия, имевших иностранное название, он называл одним и тем же русским матерным словом, но нам было понятно. Были у нас занятия по связи и Оружью массового поражения, истории военного искусства. Все офицеры химии, начиная с нашего преподавателя по ОМП (оружие массового поражения), я заметил с училища, как правило, имели большие носы, наверно просто совпадение.

Наступило 7-е ноября. После прохождения трибуны, на Куликом поле, курсантами все зрители хлопали. Приходилось идти парадным шагом до самого училища, так как на улицах было множество народа, не все могли попасть на площадь. Но военное училище – это не только занятия, но и служба. Начали ходить в караул. Мой «любимый» бывший солдат, ставший сержантом, любил проверять часовых нестандартно. Для меня, во время стояния на посту, было самым интересным подловить его и в самый

неожиданный, для него момент крикнуть «*Стой, кто идет!*» и испугать его. Со временем он потерял охоту нас поддавливать. Кроме караула мы еще несли службу дневальными по батарее, иногда приходилось выполнять хозяйственные работы. Так однажды с часу дня до 2-х часов ночи разгружали картошку, на 6 курсантов пришлось 20 тонн. В один из дней вместо учебы ломали какое-то помещение, разобрали потолок и стены. Стояли в нарядах на кухне, много работали, но и много кушали.

Осень и зима в Одессе самые плохие времена года, утром выходишь на зарядку туман сильнейший, но командиров это не смущало, и нас заставляли бегать, многие простуживались. Но это не самое худшее, при подъеме по тревоге вскакиваешь, еще не проснувшись, одеваешься, выносишь оружие, приборы. На улице сыро, холодно, ручки металлических ящиков приборов холодные, пальцы не двигаются. Нести не возможно, но и бросить нельзя, а помочь некому. После такой утренней встряски на занятиях ничего не воспринимается. Вначале службы, при получении денежного довольствия нам предлагали купить лотерейный билет, сдать деньги на газеты и журналы, на тетради, для выхода в город ничего не оставалось. В первое увольнение я все-таки вышел с деньгами, приезжал отец и дал мне 10 рублей, по тем временам это были большие деньги. Будучи директором городской электросети, отец получал в месяц 180 рублей. Домашнее воспитание для армии не подходит, дома меня учили честности, но в армии это оказалось лишним. Если предо мною ставили задачу, то я ее выполнял добросовестно и быстро, потом отдыхал. Так, в один из дней, поставили меня обслуживать артиллерийское орудие, я все выполнил, но так как я в присутствии начальства отдыхал меня, не разобравшись, наказали. Пришлось перестраиваться, выполнив большую часть работы, слегка запачкав руки при появлении начальства изображать работу. Впоследствии это научило меня правильно оценивать работу подчиненных. В оружейной комнате, при проверке противогозов заместитель командира взвода обвинил меня в повреждении коробки противогаза, я доказал ему, что это не моя коробка и нашел по номеру свою исправную, но был все равно наказан, за то, что возмущался. Опять пришлось переучиваться. Когда приезжал мой отец заместитель командира взвода все время жаловался ему, что я поступаю не как все и невозможно предвидеть, как я могу поступить – «*темная лошадка*», как он говорил. Служба и учеба в училище давала не только теоретические знания, но и учила жизни. Новый товарищ, показавшийся вначале отличным, оказался не очень приятным человеком. Он был себялюбом, все остальные ему были безразличны. Он мог сделать им любую подлость, а кроме этого, он был очень жадным. Пришлось общаться, держа его на расстоянии. Для развития культуры в воскресенье курсантов повели в театр, но спектакль был неинтересным, и все немного выпили, спектакль не запомнился.

В первых числах декабря состоялся полевой выход на неделю, в учебный центр, который располагался на берегу моря в Чабанке. Разместил нас в казарме, но жарко не было. Занятия проходили в сложных погодных условиях, холод, грязь и очень свежий и холодный воздух, так как учебный центр располагался в степи возле моря, и земля местами промерзла, передвигали пушки в противогазах, однажды орудие попало в яму. Для обеспечения полевых занятий нам выделялись автомобили, но антифриза не было. Чтобы завести машину необходимо было, наливать в радиатор горячую воду, которая сразу же вытекала снизу из него, и одновременно факелом прогревать масло, снизу в картере. Водитель один не мог готовить машину к выходу, и мы помогали ему, таская горячую воду. После этих процедур машина заводилась, и двигатель работал до начала занятий. После подготовки транспорта мы шли в холодную столовую, садились за стол на 10-х человек и завтракали, кто успевал первым тот и наедался.

ЗИМНИЕ ЛАГЕРЯ. ЧАБАНКА



БЕРЕГ У ЧЕРНОГО МОРЯ, МОРОЗ И ВЕТЕР



После завтрака выезд на занятия. На наше счастье, были замерзшие лужи, которые позволяли нам в перерывах согреваться, играя в так называемый хоккей. На занятиях по связи для разогрева мы начали сражаться на

антеннах, пока преподаватель не прервал наш поединок, проиграли оба. В казарму возвращались грязные, обувь и одежда мокрые, сменной одежды и обуви не было. Утром вставали, в холодной казарме, надевали мокрые сапоги, даже не понятно как и снова на занятия. В первые три дня даже не было света. Свободными вечерами мы дискуссировали о любви, о жизни. Наверно, как все в этом возрасте. Помимо учебы один день мне пришлось побыть в наряде на кухне, весь день мыл посуду. В последнюю ночь стоял в карауле, охранял орудия. После Чабанки училище для нас было лучшим местом. И снова в поход, 1-е боевые стрельбы. Готовились к ним сутки, как всегда строевые смотры. Как в старом армейском анекдоте *«Пришел министр обороны США к президенту и говорит, я придумал, как выиграть войну с СССР, президент спрашивает, как? и министр говорит, – объявим СССР войну, но начинать ее не будем, почему спрашивает президент, а они себя замучат строевыми смотрами, отвечает министр»*.

Смотр, с обязательной проверкой содержимого вещевого мешка и особенно фляг, на предмет спиртного, продолжался с 15 часов до отправки в эшелон. Ночью нас посадили в поезд, и мы прибыли на полигон под Николаевым – Широкий Лан. Хорошо, что перед отправкой нас одели в ракетные меховые комбинезоны, с меховым воротником, который застегивался как капюшон. Так как в казармах, в которых нам определили жить, на койках были лишь голые сетки. Но, что делать легли спать. Утром встали, помылись снегом, на сухую поскребли лицо безопасной бритвой, что-то поели и выехали на огневые позиции. Ветер, снег по колено, дали нам лопаты, кирки и начали мы, инженерное оборудование позиций, прогрызая замерзшую землю. Для обогрева поставили одну палатку, но в нее нам не удалось попасть. Наш взвод определили на оборудование огневых позиций для стрельбы с закрытых огневых позиций. После установки артиллерийских орудий мы обслуживали боевую стрельбу с закрытых огневых позиций. Пришлось, немного потрудится, потаскать снаряды. Но этот труд не тяготил, а радовал. Стрельбы для нас закончились и нас забыли, такое ощущение, что у нас нет ни командира взвода, ни командира батареи и даже замполита. Мы слонялись за огневыми позициями до ночи, потемнело и мы легли, кто, где пристроился на улице. Я лег на ящиках, из-под снарядов. Когда меня разбудили, то еле оторвался от ящиков, одежда примерзла, благо комбинезоны теплые. Привезли опять в ту же казарму, те же удобства. Рано утром нас привезли на огневые позиции. Для стрельбы прямой наводкой нам приготовили 57-мм. и 85-мм. противотанковые пушки. При выстреле звук у 57- мм. пушки очень резкий и сильный, вдобавок она еще и высоко подпрыгивает. 3-й курс, как знатоки, посоветовали нам широко открыть рот, чтобы не оглохнуть, мы по наивности при выстреле окрыли рот, не оглохли, но рот был полон земли, удачная была шутка. Затем начались боевые стрельбы на оценку, 1-е в моей жизни.

Как стрелять, как стоять нас никто не научил. Меня назначили наводчиком на 85-мм противотанковую пушку. Первый выстрел – станиной меня ударило под задницу и откинуло в сторону от орудия, заодно и оглушило, так как я сел, по совету, на станину, в лицо полетели куски картона, пыль, запах горелого пороха я не забыл и сегодня. Второй выстрел я пережил нормально и даже поразил цель, по этой методике я стрелял всю свою военную жизнь. Боевые стрельбы прошли с пользой, мы получили небольшой опыт по стрельбе прямой наводкой и с закрытых огневых позиций, а главное мы не боялись стрелять из артиллерийских орудий.

БОЕВЫЕ СТРЕЛЬБЫ



На следующее утро нас определили в караул по охране склада боеприпасов. Началась вьюга. А мы третьи сутки в карауле. На 3-й день в связи с вьюгой машины не могли подъехать к складу с боеприпасами, и мы вынуждены были носить снаряды к машинам, около 100 метров. По окончании работы стали мокрыми от пота. Боевые стрельбы закончились, а наш взвод оставили наводить порядок и сдавать казарму, вероятно наш командир взвода не нравился и командованию, а это отражалось на нас. Сдали казарму, сели в кузов грузового автомобиля КРАЗ, большой грузовой дизельный автомобиль и поехали в Одессу, само это слово нас согревало. На середине между Николаевым и Одессой, вблизи одного из лиманов дорогу

затопило, но КРАЗ большой и мы переехали свободно и прибыли в училище без потерь. 20 февраля 1968 года нам вручили первые медали – «50 лет Вооруженным Силам СССР».

Реальная армейская жизнь отличалась от придуманной мною ранее, армейская несправедливость достала меня, и к концу первой половины учебного года я отказался учиться и хотел уйти из училища. На занятиях перестал отвечать, контрольные работы не писал. Срочно приехал отец он, и его знакомый преподаватель вмешались в мою жизнь, убедили меня, и я продолжил учебу. Свой первый отпуск, в феврале я провел в училище, из-за неуспеваемости домой не пустили. Зато научился циклевать паркет.

Пол в нашем училище это самое святое для курсанта, так как он был паркетным, то его надо было натирать ежедневно. А кто это может сделать, без перерыва на выходной – курсант. Посему каждый курсант с момента поступления в училище получал, на все время учебы, для нас три года, участок, мой был на этаже около учебных классов. Свой выделенный участок, на каждого было закреплено по пол пролета, необходимо было натирать утром во временной промежуток между зарядкой и завтраком. За это время необходимо было еще успеть помыться, побриться, заправить кровать и привести в порядок свой внешний вид. Сколько квадратных километров отшлифовал каждый курсант? Жаль, что мы этого не считали.

Каникулы закончились, и началась учеба. В учебе и других заботах проходили дни и месяца. Случались в курсантской жизни и светлые дни. Иногда нас выпускали в увольнение. С приходом тепла отпускали даже на сутки. Город Одесса, как писали многие писатели, город особенный, тем более для курсанта, вырвавшегося на свободу. Воздух свободы пьянит, и не каждый был в состоянии, вернуться в училище трезвым. В городе переодевался в гражданку, и можно было посещать запрещенные, для нас места.

В Одессе много кафе и ресторанов, в центре на Дерибасовской был бар «Аksamит Украина», в котором я впервые попробовал спиртные коктейли,



они были очень вкусными. Ходили мы с друзьями и в пивной бар «Гамбринус». Этот бар можно было найти легко, туда всегда стояла огромная очередь. Каждого выходящего на улицу из бара хор желающих попасть в бар спрашивали, куда он идет, так как туалет был на улице, а пиво есть пиво. Внутри бара дубовая мебель, сделанная из обрезков целого дерева, дым столбом, запах пива и сушеной рыбы, но самое замечательное это музыка. Два старых еврея один на скрипке, другой на пианино играли, почти без перерыва все старые одесские мелодии, получая постоянно заказы и деньги. Такого удовольствия более получить невозможно было нигде.

Иногда в увольнении посещали знакомых, у них была овчарка. Я и вероятно овчарка с удовольствием гуляли по городу. В киоске я покупал ей пачку печенья, и она сама брала ее с прилавка. Еще одно удовольствие достигалось посещением библиотеки. Там было очень много книг, что даже трудно было выбрать. За три года учебы мною было прочитано много книг, особенно на 3-м курсе. Иногда приезжали родители и любимая девушка. Посетив училище и осмотрев самый красивый «уголок» в нашем училище – клуб девушка сказала, что ей все понравилась, но выдержать такую жизнь она бы не смогла. Самое трудное было прощаться, они уезжали, а я снова оставался в казарме. Мое желание жениться, встречало со стороны родителей сопротивление, они предлагали мне закончить учебу и получить лейтенантское звание и только после этого принимать решение. Эти разговоры несколько не поколебали мои чувства, я любил и не думал, что мои чувства изменятся через три года, так оно и было.

Как я упоминал ранее, кроме учебы и увольнений мы ходили в караул. В один из караулов кто-то, вероятно доброжелатель, украл из ружейной пирамиды, из моего подсумка, два магазина с патронами. Начались разборки, прибежал командир взвода, но что-либо объяснить никто не мог. После караула меня вызвал командир батареи и дабы избежать скандала, он выдал мне два магазина с патронами и попросил ночью положить в наш класс, чтобы утром они нашлись. Наш класс находился отдельно от общего корпуса училища. Одному мне, было, не справиться, я попросил своего товарища, у нас у обоих день рождения 15 августа, помочь с ним мы дружили до окончания училища. Ночью, где-то около часа ночи, мы вышли из казармы и, прокравшись мимо часовых, аккуратно вынули в окне стекло, открыли окно, и я положили два магазина на стол, у входа. После чего я вылез, поставил стекло на место, после этого мы пошли спать. Когда утром взвод, во главе с командиром взвода зашел в класс, магазины были найдены. Командир взвода несколько дней пытался узнать у меня, откуда магазины появились в классе, обещал даже в случае моего признания перевести в другую батарею, но так он ничего не узнал. Я тоже до сегодняшнего дня не знаю, кто же украл в карауле эти магазины, ведь это, кто-то с нашего взвода.

В училище было еще одно светлое место это чайная. На 1-м курсе мы получали в месяц 10 рублей, иногда отец давал мне еще 10 рублей, деньги не большие, но хватало. В основном они уходили на чайную, т.е. на что-нибудь вкусное – сгущенное молоко и булочки. В начале 1-го курса еды катастрофически не хватало, мы постоянно были голодными несмотря на то, что кормили нас отлично. Но режим дня, физические нагрузки отличались от домашних условий. Мы в перерывах между занятиями, зная, когда привозят, свежий хлеб в столовую, прибегали к машине, и нам удавалось урвать одну или пару булок хлеба, которые разрывались на куски и исчезали в наших карманах, ну а после этого в наших желудках. От курсантов, после перерыва пахло свежим хлебом, так как им были забиты все карманы. Постепенно организм освоился с новым образом жизни, и ходить за хлебом мы перестали.

Вся наша батарея размещалась в одном спальном помещении, койки стояли в один ярус. Если подниматься вверх по лестнице и зайти в нашу казарму, то справа у окна шел один ряд коек, с проходом вдоль стены, за ним стоял второй ряд – это располагались 2 взвода 1-го курса. Затем широкий проход посередине казармы и снова два ряда коек – это располагались взвод 2-го курса и вдоль окон взвод 3-го курса. На 3-м курсе были курсанты старше нас намного, из бывших солдат, некоторые успели побывать и на целине, серьезные ребята. Старшина батареи был с 3-го курса. Был в этом взводе и призер Советской Армии по боксу. Нам командир взвода рекомендовал перед сном качать пресс, лежа на кровати. Занятие этими упражнениями для нас оказались вредными, так как кровати скрипели. Однажды 3-й курс не вынес скрипа и наш призер, будучи ответственным, за бытовую комнату, предложил нам встать и пройти с ним, никто не возражал. В бытовой комнате нам выделили по три медных крана и поставили задачу отполировать их, после чего доложить. Справившись с этой задачей, через несколько часов, мы разбудили ответственного, после чего он, проверив нашу работу, отпустил нас спать. Что было хорошо, так это то, что в дивизионе никого и никогда физически не оскорбляли. Однажды это попробовал сделать 2-й курс, перед выпуском 3-го курса, но мы быстро поставили их на место, и более этого не повторялось. Мы, будучи третьекурсниками, никогда не оскорбляли физически младшие курсы. Этого я всегда добивался в своих подразделениях всю свою службу. Но бывали праздники и на нашей улице. Когда старшина сильно достал нас, мы решили пошутить над ним. У старшины была привычка, он после отбоя не ложился в кровать как все, старшина откидывал резко одеяло и резко прыгал в кровать. Мы взяли несколько банок зубного порошка, и рассыпали его на простыни, после чего аккуратно накрыли одеялом. Отбой, вся казарма в ожидании, приходит старшина и как всегда резко прыгает в кровать, взметнулось белое облако, из него появился белый старшина, вся казарма взрывается от смеха.

В мае поехали в лагерь, опять в Чабанку, готовились к боевым стрельбам. Получил 5 по артиллерийско-стрелковой подготовке на имитационных средствах и был допущен к боевой стрельбе. В лагерях у нас были практические занятия по топографии. Ночью нас посадили в кузов грузового автомобиля, закрыли кузов тентом и куда-то повезли. После остановки автомобиля нас высадили, разбили по группам и вручали нам компас, фонарик, кроки маршрута (кроки это чертеж участка местности), на котором были указаны расстояния, и углы по ориентирам, по которым мы должны были прибыть в конечный пункт. С задачей все группы справились успешно, учили нас очень хорошо.

В июне поехали на боевые стрельбы. Ехали в эшелоне, с боевой техникой. Наш взвод стоял в карауле, мне повезло, я стоял в начале эшелона. На платформе стоял грузовой автомобиль ГАЗ 69, и я всю дорогу сидел в нем. Прибыли на станцию Арциз. Перво-наперво мы оборудовали, в инженерном отношении, окопы для орудий, затем обслуживали стрельбу. Наше орудие, 76-мм пушка выпустило 181 снаряд, и к концу дня мы были черные, замученные, но веселые. В ходе стрельбы я немножко устал и сел в окоп, возле орудия и заснул. Орудийные выстрелы мне не мешали, разбудили ребята. На следующий день мы выполняли огневые задачи с наблюдательного пункта. Места для отдыха у нас были на свежем воздухе, кто как смог оборудовать, для этого предоставлялись свои шинели и плащ, палатки.

Ночь в степи не очень теплые, не разоспишься, а в 5 часов утра подъем, завтрак и вперед. На третий день боевых стрельб нас разбудили в 4 часа утра, погрелись у костров и в 6 утра привезли нас на железнодорожную станцию, посадили в пассажирские вагоны, мы уселись в мягкие и удобные кресла и проспали до Одессы.

Ровно год я не был дома. В конце июня были взяты все рубежи, на подступах к отпуску и вот отпускной билет в кармане и с 1-го июля отпуск. За полгода я выровнял свою успеваемость и стал хорошистом.

Лето 1968 года, начались события в Чехословакии, но отпуск нам дали догулять. Возвращение в училище, и я курсант 2-го курса. В училище все по повышенной боевой готовности, были из курсантов сформированы артиллерийские дивизионы, мы на 152-мм. гаубицах Д-1. Были отправлены на склады округа автоколонны за боеприпасами. Но потом все отменили. Вновь занятия, наряды, караулы. Тяжелей всего на занятиях летом, пока преподаватель по Материальной части боевых машин противотанковых ракет проходит указкой по схеме с одного конца до другого, больше половины курсантов засыпают. Преподаватель указкой слегка бьет по голове одного из спящих, все смеются, просыпаются и вновь продолжается бой со сном.

Иногда нас отправляли нести службу в гарнизонный караул. Гарнизонный караул располагался в центре города, в одном квартале от Дерибасовской улицы, на этой гауптвахте была камера Котовского. Основа службы заключалась в охране гарнизонной гауптвахты и сопровождении арестованных военнослужащих на работы в городе. Однажды меня назначили выводным, т.е. сопровождать арестованных на работу. Согласно уставу гарнизонной и караульной службы, выводной имеет право сопровождать не более пяти человек, но мне дали сопровождать восемь солдат. По прибытию на предприятие один из арестованных поставил мне условие, что они сходят на пивзавод, за забором, а потом придут и будут работать. Я отказал в посещении пивзавода и приказал им приступить к работе, один из арестованных пытался меня ударить, не знаю, сколько прошло времени. Для меня время как бы остановилось, я увернулся, достал магазин из подсумка, вставил его в автомат, передернул затвор и навел автомат на арестованных и приказал им не двигаться, при малейшем движении буду стрелять, кроме восьми арестованных я в этот момент ничего не видел. Сколько времени это длилось, не знаю, но потом все вокруг проявилось, я разрядил автомат и приказал арестованным работать. Все работы были выполнены, и мы благополучно прибыли на гарнизонную гауптвахту, начальству о происшествии не доложил. С тех пор, когда я назначался конвойным с арестованными, на работах проблем не было.

Так прошел 2 й курс быстро и почти незаметно. В декабре опять поехали в Чабанку, опять грязь, машина села в грязь по самые оси. На следующий день ударил мороз, это все-таки лучше. Отстреляли зачетные стрельбы и вернулись в Одессу, получив не плохую закалку.

В феврале вновь на боевые стрельбы. За отличную боевую стрельбу зимой я получил две пятерки и в подарок две книги.

После боевых стрельб долгожданный отпуск. Дома в зимнем отпуске, вырезали аппендицит. На следующий день после операции я уже ходил. Когда был дома, умудрился даже перелезть через забор, спешил на свидание.



Отпуск закончился, учеба и вновь боевые стрельбы. Эшелон разгрузился на станции Арциз и колонна выдвинулась на Тарутинский полигон. Наша

батарея выполняла огневые задачи из 152-мм гаубиц Д-1 химическими боеприпасами, их было очень много. Я как дальномерщик находился на командно-наблюдательном пункте командира дивизиона с дальномером ДС-2. Все, кто находился на КНП, были в противогазах и химической защите. На огневых позициях были предъявлены такие же требования, но было очень жарко и все лишнее было снято. Снаряды в ящиках были очень плотно закреплены, и курсанты еле их вынимали, затем они решили проблему и разбивали укупорку топором. Офицеры химики, приехавшие на огневую позицию, чуть не тронулись умом, от такого обращения с химическим боеприпасами, но все обошлось. С КНП были видны разрывы снарядов, затем облака газа таяло.

Когда мы перемещались на следующие КНП, то видели желтую траву, мертвых сусликов и ворон, висящих на деревьях. Никто нам ничего не объяснял. В один из дней меня отправили с каким-то поручением в лагерь. Возвращаясь назад, среди поля я попал в сильную грозу. Молнии срезали верхушки деревьев, одна из молний ударила в телеграфный столб. Дождь лил так сильно, что образовались глубокие ручьи, перепрыгивая один из них, я подскользнулся и упал в этот ручей. Пока пытался вылезти, вдруг время как будто остановилось, и вспомнилось, как в детстве выбирался из проруби. До школы я зимой, да и летом, проводил очень много времени у дедушки в деревне, север Молдавии. Рядом с домом дедушки протекала река Куболта. Река замерзла, и кто-то вырубил квадрат во льду, вокруг проруби было много детей, деревенских и они спорили кто может прыгнуть на квадрат льда, плавающий посередине проруби, ну я решил показать себя и прыгнул, ледяной квадрат перевернулся, и я оказался в воде, дети с испуга разбежались, каким-то образом, пока прибежал дед я вылез на лед. Время снова пошло вперед, и я с новыми силами вонзая свои руки в скользкую землю все-таки выбрался, мне повезло. Правда все документы, военный и комсомольский билет промокли, чернила поплыли, при вступлении в партию пришлось объяснять, почему у меня такой комсомольский билет, его храню по сегодняшний день. Прибыл в батарею, доложил, никого из офицеров не беспокоило мое состояние, я весь от ног до головы вымок. Пришел в свой взвод насобирал травы – «*перекати поле*» завернулся в шинель и заснул, благо было лето. И основа каникулы, и я дома, последний день рождения на Родине.

Летний отпуск, к сожалению, всегда кончается и опять родное училище – 3-й курс, последний перед стартом в офицерскую жизнь. Курсант 3-го курса – это сразу видно – форма ушита, весь отглаженный, чистый, сумка офицерская, ремень которой опущен, и сумка висит на уровне брючных карманов, сапоги блестят как зеркало. В чайной 3-й курс в очереди не стоит.

Еще не начался учебный год, сидим в курилке, делимся впечатлениями от отпуска и вдруг глухой звук взрыва, а затем сверху посыпались какие-то осколки мелких камешков и стекол и со стороны столовой в панике бегут курсанты. Мы стали и пошли к столовой. Вид был ужасный, из окон и кочегарки, которая находилась под столовой, валит дым, пар. Из окон выпрыгивают курсанты, стены кочегарки разворочены взрывом, вокруг столовой валяются куски стены, на разном расстоянии от столовой. Мы спокойно зашли в столовую – одна четвертая зала провалилась в кочегарку, а все еще мечутся в панике. Что же случилось? Незадолго до взрыва кочегарку, она располагалась под помещением столовой, посетил зам по тылу училища и когда он выходил его ударила стена, он упал и над ним пролетели куски, вырванные из стены. В это же время около столовой стоял в строю дивизион второго курса, командир успел скомандовать «ложись» и все кирпич и куски стен пролетели над лежащими курсантами, было легко ранено осколками кирпичей два человека. Перед взрывом в столовую, на место, которое провалилось в кочегарку, должна была зайти батарея абитуриентов, только, что экзамены, но старшина заставил их чистить сапоги. В это момент и произошел взрыв. Чудеса бывают. Но без жертв не обошлось. Котел, размером с паровозный, который обслуживал кочегар, взорвался и как ракета полетел вверх, пробив потолок и раздвинув двутавровые железный балки, разрушил 1/4 столовой, ударился в потолок 3-го этажа и затем упал в кочегарку, кочегар погиб. В той части столовой, разрушенной впоследствии, накрывали на стол обед официантка и один абитуриент, они погибли.

Все подробности я узнал потому, что, когда обратились к 3-му курсу вынести погибших из завалов, согласился только я и еще один курсант. Затем через два часа прилетела комиссия из Москвы, несколько генералов. Зам по тылу уволили, несмотря на то что он писал в рапортах, о замене котлов, они были 1905 года выпуска, кто-то должен был ответить. Что это было случайность или диверсия мы не знаем. Знаем только одно, что всю зиму в училище отсутствовала котельная. Газовую котельную построили только к весне. Ночью не помогали и два одеяла, но ничего выжили.

В училище к нашему прибытию кое-что изменилось. Был набран 1-й курс для получения среднего образования и для получения высшего образования. Дивизионы сделали курсовыми, в нашем дивизионе были собраны все батареи 3-го курса, в других в одном дивизионе 1-го и в другом 2-го курса. В наряде по батарее стояли все одного курса, а туалет мыть не хотелось. Во время перерыва ловили курсантов 1-го курса и заставляли их убирать, но однажды переборщили, и молодые курсанты на занятиях отсутствовали. Пришлось 3-му курсу выполнять все работы самим. На 3-м курсе у нас поменялся командир батареи, не очень приятный тип, называемы за глаза «крокодилом», прибыл к нам после заграничной командировки из Африки.

Благодаря использованию комбижира в рационе питания, в Советской армии, он использовался вместо, практически любого масла я вторично попал в госпиталь для лечения своего желудка и печени. (Комбижир – комбинированный жир или Транс жир, вреден для здоровья. Он состоит из смеси растительного масла и свиного жира). На первом курсе я лежал в палате с полковником сомалийской армии, он учился в военном училище на пятой станции Большого фонтана, после окончания учебы собирался учиться в Москве в военной академии. Он говорил на русском языке, и мы как-то подружились. Свою военную службу он начал во французской армии, воевал во Вьетнаме, на лице виднелись шрамы. Во второй раз я попал в палату с курсантами из Сомали, они тоже учились в военном училище на пятой станции Большого фонтана, на артиллеристов. Но понятия в стрельбе артиллерии не имели, хотя учились на втором курсе. От безделья начал обучать их артиллерийско-стрелковой подготовке. Так, что время прошло быстро.

Будущих офицеров готовили к работе с личным составом. На 2-м курсе мы ходили проводить политические занятия с солдатами в бригаду связи.

В феврале 1970 года нас отправили в войска на стажировку. Я поехал курсантами не своего взвода, по моей просьбе, в армейскую артиллерийскую бригаду сокращенного состава в городе Унгены, Молдавия. Первая встреча курсантов с командиром бригады, он был по национальности армянин. Встреча была очень короткой. В то время я носил баки и усы. Одни курсанты были отправлены стричься, мне было приказано баки сбрить, усы было разрешено оставить. Я, конечно же сбрил и баки, и усы, кстати с тех пор не носил ни баки, ни усы. После устранения недостатков состоялась вторая встреча. Нас распределили по подразделениям. Командир бригады решил провести сборы с офицерами бригады, а мы должны были самостоятельно управлять подразделениями. Так я на месяц был назначен командиром батареи 152-мм гаубиц – пушек МЛ-20, мне подчинялось два курсанта, назначенные командирами взводов. Определили нас жить в ленинской комнате. Все бы было хорошо, но так как железнодорожная станция Унгены, находилась на границе с Румынией. Утром в 5.00 с Румынии на станцию приходил паровоз и издавал громкий свист, а подъем только в 6.00.

Приступил к командованию батареей. Управлять без опыта не просто, хорошо, что сержанты были толковые, ведь тогда служили по три года в сухопутных войсках и Авиации, а на Военно-Морском флоте четыре. Проводили занятия с личным составом батареи, я составлял расписание занятий батареи на неделю, но не без помощи настоящего командира батареи, он был по национальности армянин. Командир бригады запретил офицерам бригады приходить в подразделения, но он вечером приходил и помогал, подсказывал. Все проходило ровно, без проблем. Но были странности в этой бригаде. При следовании подразделений на завтрак

военный духовой оркестр играл «Турецкий марш», а командир бригады стоял на трибуне, каждое утро. Кормили в бригаде солдат очень хорошо. По прибытию в воинскую часть командира бригады, дежурный по части встречал его и докладывал. Иногда дежурному по части приходилось докладывать по несколько раз, это походило на издевательство. В один из выходных дней я поехал в Бельцы к родителям. Вечером пришел в казарму, соответственно с тремя литрами хорошего вина, а курсантов нет нигде. Спрашиваю у дневального, что случилось, оказалось ребята, весь взвод пошел на танцы. Командир бригады узнав, приказал всех арестовать и посадить на гауптвахту. Был вызван начальник училища. На следующий



день приехало руководство училища для разбора полетов. Командир батареи, спрашивает меня, как я не попал под раздачу, я ему честно рассказал, где был в этот вечер.

В одно из воскресений прибывший в расположение командир бригады подал команду «пожар в спальном помещении». Посыльные убили за офицерами, а мы с личным составом вытащили все кровати, мебель и

имущество на улицу. Прибывший командир батареи сказал *«теперь он объявит пожар в парке»*. Так и случилось и мы все строем побежали в парк где располагалась боевая техника и вооружение. Видимо командир бригады периодически позволял себе такие мероприятия, ну да зачем подчиненным отдыхать с семьями в выходной день, в то время был один выходной в воскресенье.

Стажировка окончилась, мне единственному вручили грамоту за умелое командование батареей, командир бригады выразил желание видеть меня офицером бригады, после окончания училища. Я его поблагодарил его, но после отъезда грамоту выбросил, а желания служить с таким офицером не имел. Но через много лет встретился еще с одним таким подобным, но тогда было уже проще.

Незадолго до окончания училища командир батареи записывал желания будущих офицеров, где они желают служить, меня почему-то он старательно избегал. Изловил я его в библиотеке и изъявил желание служить в Группе Советских войск в Германии, он сказал *«таких желающих слишком много»* я ответил *«Ваше дело записать мое желание, а мое служить там»*. У меня был товарищ в школе, отец его был военным, и они приехали из ГСВГ, у меня была мечта со школы поехать в Германию.

Учеба закончилась, готовимся к государственным экзаменам, особенно никто не переживал, но вот некоторые боялись экзамена по физической подготовке. Ко мне подошел один курсант из нашего взвода и попросил сломать ему ногу, он считал, что не осилит экзамен на тройку, что делать,

как его отговорить от этой глупой затее. Пригласил его на полосу препятствия, нашел толстую ветку, кусок металлической трубы, завернул ветку в газету, поставил ее, уперев одним концом на камень, вторым в землю и с силой ударил по ветке, она с сильным хрустом сломалась. После этого примера у курсанта пропало желание ломать ногу, сдал он свой экзамен по физической подготовке на тройку.

Подготовка к экзаменам проходила в классах, но иногда мы, перемахнув через забор, уходили на море, на пляже в Аркадии было интересней. Иногда вечером, после отбоя, через класс, на втором этаже, уходили, спускаясь по водосточной трубе, на море. Искупавшись, возвращались все по тем-же путем.

Начались государственные экзамены, все хорошо. Последний экзамен физическая подготовка. Полоса препятствий, кто-то пошутил и закрыл пробку на бачке моего противогаза. 1/3 полосы надо пробежать в противогазе, хорошо, что здоровье позволяло и я, не сойдя с дистанции, преодолел ее на пятерку, второй раз появился мой «доброжелатель», кто это был, не знаю, и по сей день. Второй этап кросс три километра, бежать пришлось на Одесском ипподроме три круга. Мой товарищ был невысокого роста, и кросс не был его «коньком». Пришлось что-то придумывать, когда не было видно комиссии, я посадил его на качалку с наездником, после того как он слезал с качалки он бежал, а я его толкал кулаком в спину, так мы сдали кросс на четверку. Нельзя было бросать товарища, все три года оценку по марш - броскам на 10км, ставили по последнему курсанту взвода. Нас так натаскали, что мы на третьем курсе марш – бросок в полной экипировке на десять километров успевали преодолеть взводом даже лучше, чем на пятерку, успевая по ходу нарвать в поле морковку.

Все двадцать восемь курсантов нашего взвода государственные экзамены сдали успешно. Все, ждем вручения офицерских погон, золотая неделя, ни курсант, ни офицер. После завтрака мы отправлялись на море, в Аркадию. Так проходили дни. В одно утро построили нас, и повели на вещевой склад, выдали огромное количество разнообразного обмундирования, летнего, зимнего, парадного. Надо было куда-то все убрать, загрузил чехол, из-под матраса, во всю длину. Перелез через забор, со стороны еврейского кладбища, взял такси и отвез полученную форму к знакомым.

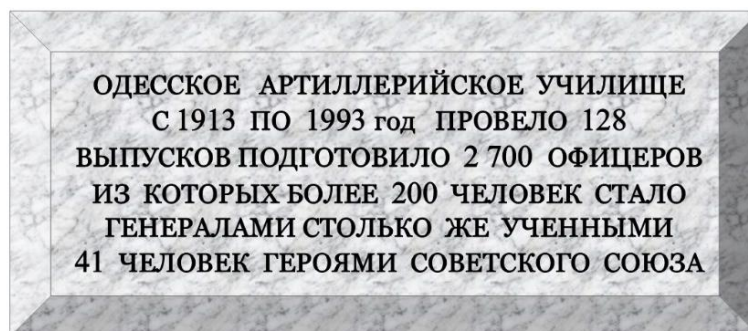
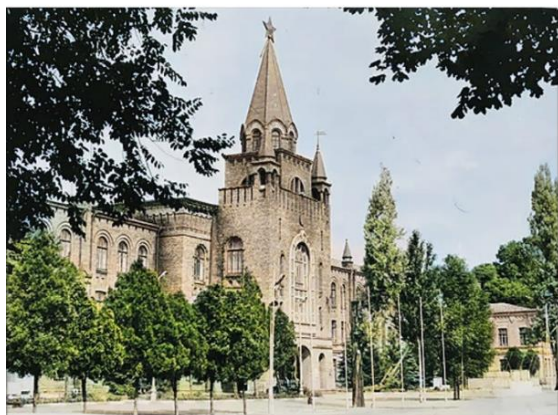
Построение молодых выпускников лейтенантов для вручения дипломов и знаков, много родственников, девушек. В строю стоят десантники в синей форме, морская пехота в черной форме, и мы в форме цвета морской волны (мы первыми получили новую парадную форму). Итого выпуск 400 человек, 400 молодых офицеров готовых служить Родине. Братья, родственники ожидают и волнуются. А одесское солнышко нас припекает. Началось! Слышу свою фамилию, выхожу из строя получаю диплом и поздравление с присвоением офицерского звания лейтенант, в душе кричу ура! Офицерские погоны, это стало главным событием моей жизни. Затем

последнее прохождение торжественным маршем в нашем, ставшем нам родным, Одесском артиллерийском училище.

Торжественная часть закончилась и все разошлись разобранные родственниками и любимыми, но только до вечера. Мы стали офицерами. Вечером состоялся выпускной, все прибыли в форме со своими девушками. Выпускной вечер, наши преподаватели научили нас многому. Простились со своими любимыми преподавателями. Юра – преподаватель Стрельбы и Управления огнем артиллерии, мы его любили, командир дивизиона Боков настоящий артиллерист и командир батареи капитан Гусев и много других настоящих офицеров, благодаря которым мы стали офицерами. Простились с остальными, и мы с любимой пошли через весь город пешком, от 3-й станции Большого фонтана до Дерибасовской. Я получил назначение в Группу Советских войск в Германии и должен был прибыть через месяц в училище, так почти 1/3 выпускников отправлялась в ГСВГ, нас должны были собрать и всех вместе отправить к новому месту службы. Собрал свой багаж, а его было много, и убыл домой к родителям.



«ЕСЛИ ОФИЦЕР НЕ СДЕЛАЕТ, НИКТО НЕ СДЕЛАЕТ» М.И. ДРАГОМИРОВ



По штату в Одесском артиллерийском училище было четыре дивизиона, в каждом дивизионе было три учебные батареи. В учебной батарее было четыре учебных взвода по три отделения в каждом.

Численность одного взвода составляла от двадцати пяти до тридцати курсантов. Численность батареи составляла около ста курсантов, а дивизиона около трехсот курсантов. В процессе учёбы происходило отчисление курсантов, из-за низкой успеваемости, за нарушения воинской дисциплины или по собственному желанию, что было очень редко.

Выпускники Одесского артиллерийского училища всегда в Вооружённых Силах ценились за высокий уровень подготовки. Одесское артиллерийское училище в 1970 году было одно из лучших военных артиллерийских училищ Советского Союза.



СОВЕТСКАЯ АРМИЯ

ГРУППА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ

3-Я ОБЩЕВОЙСКОВАЯ АРМИЯ



1970 – 1974

«Чтобы носить погоны, нужны железные нервы, и безграничное терпенье!»

Для офицеров Советской Армии, принявшим присягу, служба Родине была священна. Мы служили Родине по призванию, а не по контракту. В нашей службе дорожке всего была офицерская честь. От количества и величины звезд на погонах офицерская честь не менялась. Награды Родины мы получали за то, что заслужили своей службой. Офицер – это честь и другой судьбы мы не желали.



«Советской Армии полпреды,
Великой Родины сыны
Стоим под Знаменем Победы,
Чтоб в мире не было войны».
Марш-гимн ГСВГ (первый).

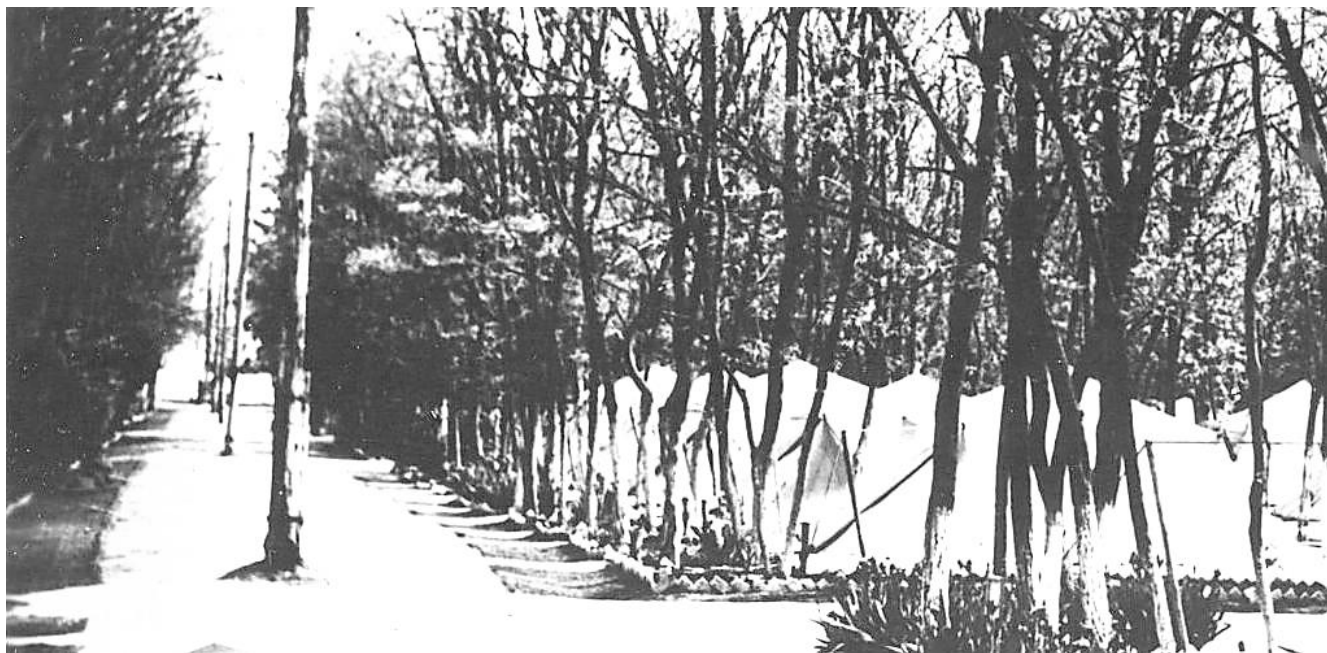
Перед отъездом к месту службы, первым делом приехал домой в город Бельцы, к родителям. Оставил все свое военное обмундирование и поехал в

Одессу. Приехал в Одессу встретился со своей невестой, мы решили пожениться. Но вот незадача, в городе началась эпидемия холеры. По домам ходили врачи и раздавали таблетки, не помню какие, но мне после приема этих таблеток стало плохо, и я их больше не принимал.

Времени на раздумье не было, и мы расписались 12 августа, была сильная гроза, вероятно на счастье. Свадьбы как таковой не получилось, но так сложились обстоятельства. Все мои вещи, да и документы в городе Бельцы, а необходимо было прибыть в указанный срок в Одесское артиллерийское училище, для отправки к новому месту службы. Вариант только один, надо выбраться из Одессы. В связи с эпидемией холеры в Одесской области был объявлен карантин. Военские части были выставлены в оцепление вокруг области. Изучив район и возможный путь выхода к железнодорожной станции Раздельная, мы двинулись в путь. До станции Выгода доехали на дизеле. Далее пешком, пошел дождь, вышли к кукурузному полю, чернозем прилипает к подошвам и толщина их, увеличивается вдвое, втрое. Вышли к краю поля, смотрю телефонный кабель, армейский, смотрю на право, виднеется армейская палатка, налево через метров 50 вторая, ясно оцепление. Слышу звук легковой машины, команду ложись и мы с женой падаем в грязь кукурузного поля. Как только проехал командирский ГАЗ 69 мы встали и пошли в обратную сторону. Дождь, вероятно нас выручил. В хорошую погоду летал вертолет и всех нарушителей ловили возвращали обратно. Вышли на дорогу, едет телега, попросили и нас довезли до села Первомайское. Идем грязные вдоль села, и вдруг нас окликают пожилая женщина и вместе с мужем приглашает нас к себе в дом. мы рассказали им все. Они предложили нам отдохнуть. Пока мы спали, женщина почистила нам одежду и обувь, затем пришел ее сосед, молодой парень и сказал, что можно пройти через оцепление в соседнее село, там у него родственники, но нужно на два литра водки, я сказал, что ради этого можно и больше дать. Вечером, как стемнело, я положил свой портфель в мешок, и мы двинулись в путь. Прибыли в село Партизанское. Зашли в дом, нас поместили к одной из комнат и сказали, что рано утром будет автобус до Раздельной. Сидим, радуемся удаче, вдруг в комнату заходит пожилой мужчина огромного роста и мощного телосложения, посмотрел на нас и вышел. Таких богатырей мне больше увидеть не пришлось, только в фильмах. Рано утром встали, сели в автобус и прибыли на железнодорожную станцию Раздельная, на поезде доехали до города Бельцы.

Дома собрал свое военное обмундирование и одев военную форму отправился в Кишинев, откуда на самолете вновь прибыл в Одессу. Жена улетела к родителям. Для того, чтобы она приехала ко мне в Германскую Демократическую республику я прибыв на место службу должен был сделать ей вызов, и только получив вызов она могла приехать ко мне.

Приехал в Одессу и направился в училище. Ну, здравствуй родное военное училище. Нас, прибывших лейтенантов из отпуска, в связи с эпидемией



холеры, собрали и вывезли в летние лагеря, в Чабанку. Опять наши знакомые палатки, в них мы провели две недели. Карантин закончился, все здоровые, нас привезли к месту посадки, в пол, на железнодорожных путях стояло несколько пассажирских вагонов. Мы заняли свои места в вагонах, подъехал тепловоз и маленький состав тронулся в путь. Прибыли в Киев, затем пересадка и Брест. Прошли таможеню и в опять в вагоны, проехали Польшу, ну вот и Германия – Франкфурт на Одере. На железнодорожном вокзале нас встретили, посадка в машины и прибываем на распределительный пункт. Начинают нас распределять по местам службы, предварительно выдали аванс по триста марок ГДР. Едем дальше в 3-ю общевойсковую армию в город Магдебург, из Магдебурга в 207 мсд. в город Стендаль, 207 мсд. (мотострелковая дивизия), во время Великой Отечественной войны прошла славный боевой путь и закончила его в Берлине, штурмуя Рейхстаг. Далее нас отправили 41 мсп. (мотострелковый полк), который располагался вблизи города Гарделеген.

Приехали в военный городок. Почти вся жизнь советских солдат и офицеров протекала в советском военном городке, специально созданном для минимизации внеслужебных контактов с немцами. Полк, в это время был на учениях, определили нас шестерых артиллеристов, из разных училищ, в общежитие, комната на шесть человек. Пока полк был на



учениях, решил ознакомиться, с гарнизоном. Помимо мотострелкового полка в гарнизоне находились отдельный танковый полк тяжелых танков т-10, полк размещался на окраине Гарделегена, а один батальон располагался в городке, отдельный противотанковый дивизион, дивизион ПВО страны, ремонтный батальон 207 мсд. На территории гарнизона был Дом офицеров, Большой солдатский клуб, офицерская столовая, солдатская большая 2-х этажная столовая, кафе, продовольственный магазин, через некоторое время построили промтоварный магазин, книжный киоск, магазин для солдат, в районе казарм. Семьи сверхсрочников, прапорщиков, офицеров гарнизона проживал в домах, часть которых осталась от немцев с наименованием «крейсера», часть была построена советскими войсками. Были дома кирпичные для начальства с обыкновенными квартирами и деревянные с наименованием «подлодки», это были деревянные одноэтажные бараки, имеющие два подъезда. Каждый подъезд имел две кухни к каждой кухне приписывалось 6 комнат и того в нем располагалось 12 семей. Гарнизон располагался в 3 км. от города. Военный городок, в котором располагался гарнизон, находился на месте немецкого авиационного завода, выпускавшего бомбардировщики. Все цеха находились под землей и были затоплены. Какие же задачи в случае угрозы агрессии стран НАТО стояли перед воинскими частями и подразделениями нашего гарнизона. По плану прикрытия государственной границы ГДР воинские части и подразделения должны были выйти в районы сосредоточения. И затем, по приказу занять оборону. В случае начала боевых действий прикрывать развертывание войск второго эшелона армии.

Отдыхали три дня, на четвертый день прибыл полк с учений. На пятый день отправились в штаб полка, в парадной форме, представляться командиру полка о прибытии к новому месту службы. Командиром полка был молодой майор, заместители были подполковниками. После представления, нас собрал начальник артиллерии полка подполковник и повел нас на винтовочный полигон (имитация артиллерийской стрельбы). Каждый из нас выполнял одну из артиллерийских задач, я получил, единственный 4 балла, остальные тройки, а то и двойки. Распределение по подразделениям производилось исходя из полученных оценок, внешнего вида и результатов собеседования. Так я был назначен в отдельную гаубичную батарею, кто получил тройки, были назначены в минометные батареи и в отдельную батарею ПТУРС, ну а кто двойку в противотанковый взвод.

Примерный Штат мотострелкового полка (боевые подразделения):

Командир полка

Управление полка

Рота связи; Разведывательная рота

1-й; 2-й; 3-й; мотострелковые батальоны

МСБ - 3 мотострелковые роты, минометная батарея, противотанковый взвод

Танковый батальон

Отдельная гаубичная батарея

Отдельная батарея ПТУРС

Зенитно-ракетная артиллерийская батарея

ГАРДЕЛЕГЕН. 41 МСП



Начальник артиллерии привел меня в гаубичную батарею, где я представился командиру батареи, им был капитан Тур. Начальник артиллерии сказал командиру батареи *«ну вот тебе и помощник»*, командир батареи ответил *«помощник или вредитель посмотрим»*. Познакомился с командирами взводов и старшиной. После представления меня личному составу батареи первым делом я в штабе полка оформил вызов своей жене.

И вот на следующий день я лейтенант стою перед вверенным мне взводом, три командира орудия, один из них заместитель командира взвода, и орудийные номера, теперь я в ответе за здоровье и жизнь 22 человек. Предомной стоят солдаты, некоторые из них старше меня, им до увольнения осенью осталось совсем мало, последний призыв, служивший три года,

следующие призывы уже служили по два года. С чего начать, чем удивить, помимо знаний, решил – физической подготовкой, сначала показать, а затем добиться выполнения нормативов от каждого подчиненного. А это гимнастика, подъем переворотом на перекладине, прыжки через коня, кросс и рукопашный бой. Вспомнил как на первом курсе училища у меня не получалось сделать подъем переворотом. Пришлось в любую свободную минуту бежать на спортивный городок и тренироваться, где-то через месяц получилось сделать подъем переворотом, продолжив тренировки уже делал количество переворотов достаточных для отличной оценки. Если умел сам делать, то и подчиненных научил. Затем были занятия по специальной подготовке так, что добиться взаимопонимания с подчиненными удалось со временем. Так началась моя офицерская служба.

По началу все было просто, я приходил в казарму, задач никаких не получал, проводил занятия, согласно расписаниям. После этого можно было идти в общежитие. С солдатами проблем не было. В общежитии жили холостяки, в 12 часов дня на столе стояла бутылка водки, которая выпивалась, затем игра в баскетбол и на обед в офицерскую столовую. Затем обратно к спиртному. По окончании рабочего дня опять распитие спиртного и т.д. Нам, вновь прибывшим, такой распорядок не понравился, мы обратились к командиру полка с просьбой дать нам комнату в другом общежитии, он улыбнувшись пошел нам на встречу. Жить стало спокойней, но не тише. Каждое утро, когда личный состав полка выдвигался в столовую на завтрак напротив общежития выстраивался полковой духовой оркестр и играл. Нам это надоело, надо было, что-то придумать и вспомнил как это сделать. В одной из прочитанных книг описывалось как лишить духовой оркестр звука. Как только оркестр начинал играть мы открывали окно и начинали кушать лимоны, через несколько минут у музыкантов начинали течь слюни и трубы замолкали. Проблема была решена, духовой оркестр выбрал другое место для утренних маршей.

Через некоторое время было построено многоэтажное общежитие для всех холостяков гарнизона. Общежитие называли «*барабан*», так как в 18 часов напротив него производился каждый день развод караулов. Там было весело. Так однажды я пришел в общежитие, когда кто-то приезжал из Союза он обязательно привозил водку и поэтому собирались офицеры. Посидели, выпили, поговорили, смотрю, а один лейтенант танкист все время стоит и от предложения сесть отказывается категорически. В конце концов мы его разговорили, и он рассказал свою историю. Поехал танковая рота на учения и как всегда, взяли с собой ружья, на Магдебургском полигоне много живности дикой, козы кабаны. Находясь в районе расположения решили поохотиться. Во время продвижения по местности наш лейтенант решил сходить посидеть. Сел приспустил штаны и в это время раздался выстрел из ружья, дело в том, что у козы задняя часть белая. Наш лейтенант закричал «*убили*» а в ответ радостный крик охотника «*я убил, я убил*», наш лейтенант кричит «*меня убили*». Так с большим

количеством дроби в заднице он оказался в санитарной части и после того, как его лишили лишнего свинца, сидеть он долго не мог.

Хожу каждый день на службу и не понимаю почему командир батареи не ставит мне задач. Опыт у меня работы был, ведь на стажировке я месяц командовал батареей, за что единственный из 28 курсантов получил грамоту. Обиженный невниманием ко мне командира батареи решил приступить к командованию 2-м огневым взводом, у своего заместителя, сержанта узнал задачи на следующий день и приступил к подготовке к занятиям. Через некоторое время командир батареи стал меня вызывать и ставить задачи, все стало на свои места, признал во мне помощника.



Командир батареи был уже в возрасте, настоящий служака, для него основой служил сержантский состав. В ГСВГ солдатам увольнение было запрещено, чтобы старослужащие могли купить что-то на память о службе, в Германии я выходил с ними в город, в свое свободное время. Благодаря этому суровому командиру батареи я понял, что солдата нужно обучать, с солдатом нужно как можно больше времени находиться кому-то из офицеров; он не должен быть предоставлен самому себе. Сержантов также надо обучать, руководить ими, контролируя их деятельность. Только так

можно усилить дисциплину в подразделении. Обучение необходимо, собственно, и для улучшения навыков солдата. Солдат должен ощущать заботу и внимание командира. Тогда в подразделении не возникнут неуставные взаимоотношения в подразделении. Все это способствует дружбе в воинском коллективе, и старослужащие будут помогать молодым солдатам. Этим я руководствовался всю свою воинскую службу. Пришло время, и он уехал по замене, на его место прибыл старший лейтенант.

В ожидании приезда жены я обратился к заместителю командира полка по тылу с просьбой выделить мне квартиру. Мне выделили комнату в подлodge (так называлось семейное общежитие, деревянный одноэтажный дом), с кухней на 6 семей и всеми удобствами. В комнате стояла немецкая кафельная печка, топить надо было брикетированным бурым углем (прессованный торф). На кухне стояла большая немецкая печь, которая топилась также брикетированным бурым углем. Топили ее согласно графика дежурств, для чего надо было заблаговременно заготовить топливо на сутки.

РАЗГРУЗКА УГЛЯ



Брикеты привозили и сгружали на улице. Во время дежурства надо было заготовить топливо в ящик на кухне. Ну а если уезжали в лагерь, на месяц, то надо было таскать женам. Но в молодости тебя ничего не смущает. Я начал готовиться к встрече жены, купил тюль, занавески. Побелил комнату, получил на складе полуторную кровать, шкаф, пару тумбочек стол и два стула.

Котельная, находящаяся в гарнизоне, работала на том же прессованном торфе. В городке была железнодорожная ветка, вагоны с углем паровоз заталкивал в городок и уезжал, до котельной солдатам приходилось его толкать, после чего они приступали к разгрузке. Вдоль железнодорожной ветки у котельной лежали горы угля. Служить было интересно, каждый день занятия, согласно расписаниям занятий, мы выкатывали свои гаубицы за пределы автопарка в поле. Рядом занимался взвод управления батареи.

Командир взвода управления был старше меня, да и крупнее, решил со мной побороться. Борьба для него кончилась не удачно, после моего броская он упал на ногу и потом долго хромал. Через некоторое время он стал командиром батареи ПТУРС и решил побороться со своим командиром взвода, но опять упал на ту же ногу и сломал ее.

Дел в том, что я, начиная с 5 класса, занимался спортом, сначала легкой атлетикой, а с 8 класса борьбой и боксом, да еще и велоспортом, все это мне пригодилось в армии.

Приехала жена в новой обстановке ее все устраивало, и мы потихоньку обживали свою комнату и познакомились с соседями.



В конце ноября вся артиллерия полка выехала на Магдебургский полигон, на месяц. Перед отъездом заготовил уголь на неделю, полигон был в десяти километрах от нашего городка и нас на выходные, по очереди отпускали домой, когда пешком, когда на машине подвозили. Но что в таком возрасте десять километров, когда ждет любимая. Магдебургский учебный центр (полигон): общая площадь 1150 га, фронт 5 км, глубина 12 км. Самый большой полигон на территории ГДР.

Вся артиллерия дивизия выходила на месяц в Магдебургский учебный центр. Итогом полевого выхода были боевые артиллерийские стрельбы. Соответственно артиллерия 41 мсп. вышла, в полном составе на полевой выход на один месяц.

Это был мой первый полевой выход. Прибыв на место, начали осваиваться. Первым делом поставили палатки для личного состава и построили землянки для командного состава. Обустроили парк для боевой техники. Начались занятия с выездом на полигон, занятием огневых позиций и так до вечера. Вечером играли в карты, иногда ходили на охоту. Я ранее никогда не охотился на дичь, отец не занимался охотой. Иногда с друзьями выезжал на рыбалку и брал меня с собой. У меня во взводе были сибиряки, один из них сказал, что видел следы кабанов, вероятно, они ходят на водопой. Я загорелся желанием, поохотиться, но так как ружья у меня не было, я взял ручной пулемет Калашникова. Когда стемнело, я с двумя солдатами выдвинулся к тропе, по которой кабаны ходят на водопой. Залегли и стали ждать. Прошло некоторое время, и мы увидели кабанов, подпустив поближе я выстрелил, но так удачно, что кабан упал как подрезанный с первого выстрела, остальные убежали, а нам больше и не

надо было. За офицерскими землянками была вкопана бочка и все охотничьи трофеи складывались туда. Мне как победители досталась задняя нога, а так как это был перед новым годом, решили все развести по домам. По рассказу жены, в два часа ночи ей стучат, она проснулась, открывает дверь, и ей передают эту кабанью ногу, она ее еле подняла двумя руками и затащила в комнату. Окончание лагерей ознаменовалось боевыми стрельбами, и мы вернулись в гарнизон.

Мы дома и 26 декабря отпраздновали день рождения жены, кабанья ножка, была кстати. Затем встреча Нового года, какие были вкусные шашлыки из мяса дикого кабана. Гуляли со всеми соседями, было весело.

После Нового года мы получили новые тягачи автомобили ЗИЛ 131, на замену ЗИЛ 157. На новых автомобилях не было тентов, а время шло к зиме. Я обратился начальнику артиллерии полка с просьбой снять тенты с ЗИЛ 157 и поставить на новые тягачи, мне разрешили.

В один из зимних вечеров нас подняли по тревоге, перед выездом я успел загрузить в тягачи старые резиновые скаты.

Почему же вдруг по тревоге был поднята целая армия? Оказалось, что НАТО проводило учения с привлечением больших сил, они двигались на север Германии к Балтийскому морю и мы двигались параллельно им с другой стороны границы.

Как только полк покинул пределы гарнизона, пошел снег и шел несколько дней. Вот тут и пригодились тенты. Мы ехали в колонне полка без остановок, карт нам не выдали, только регулировщики на перекрестках указывали нам дорогу. На привале мы вытаскивали старые скаты и поджигали их солдаты, ехавшие в кузове, они успевали погреться, затем тушили их и забирали с собой, по окончании учений у нас не было ни одного заболевшего.

Едем и днем, и ночью, тылы потерялись, сухой паек запретили трогать, а кушать хочется. Колонны идут в два ряда, им нет начала и нет конца, немецкие автомобили стоят по обочинам, не пытаясь ехать. Ночью колонна остановилась, стоим долго, вышел из машины, смотрю, далеко впереди переезд железнодорожный открыт, а колонна стоит. Пришлось побежать к переезду, открываю дверцу со стороны водителя, он и старший машины спят, ткнул его в бок, он проснулся, поехал, и так пришлось проделать, пока не добрался до своей машины. Колонна вновь остановилась и нам определили район расположения в лесу, а кругом густо растут деревья, пришлось валить лес, проделывая дорогу и места для боевой техники.

Ночью ходил немец, и что-то бормоча, видимо возмущался, помечая поваленные деревья. Утром опять в путь, по ходу движения стояли бензовозы, и мы заправились. Едем дальше, бесконечные колонны, на обочинах перевернутые машины, прицепы, бронетранспортер врезался в дерево, а в нем никто даже не проснулся, но главное все целые. Далее машина с прицепом, перевернутая, валяются ящики с боеприпасами.

Такого больше в жизни видеть не пришлось. Картина такая идут бесконечные колонны с боевой техникой, автомобили. А так как техники много колонны идут в два ряда. Немцы, которые хотели бы проехать, стоят на обочинах дороги. Нам вновь определили район расположения и въезжаем в лес, но пилить ничего не пришлось. Вышел из машины, снега по пояс, такого снега в Германии я больше не видел. Учитывая отсутствие еды, взял пулемет и пошел искать дичь, но кто-то из командиров взводов батареи доложил начальству, меня вернули. Через некоторое время привезли сало и хлеб на батарею, кухню по-прежнему, не было. Дело в том, что мы должны были питаться с управлением полка, а зам по тылу пропал вместе с кухнями. В батальонах все было в порядке, они свои кухни не теряли. Но тут в батарее случился непредвиденный случай, один из сержантов, украл часть сала и хлеба и с голодухи съел, оставшиеся продукты разделили в батарее, но я побоялся за его жизнь. На марше он мог упасть «случайно» под гаубицу, пришлось посадить его одного в кузов запасного тягача. В полку не обошлось без происшествий, в пехоте на вооружении гранатометчика, помимо гранатомета был пистолет Стечкина, один из гранатометчиков потерял его в лесу. И вот такая картина весь батальон, разбившись по секторам, на коленках прочесывают лес, просеивая снег, самое интересно, что пистолет нашелся. Опять поступила команда по машинам, совершаем марш в обратную сторону. Хочется пить, останавливаемся у дома в деревне, стучим в дверь и суем хозяйке в руки ведро для воды, разлили по флягам, двинулись дальше.

В ходе марша полк развернули на каком-то полигоне и ночью перешли в наступление. Наша дивизия форсировала реку и нашей батарее поставлена задача занять огневые позиции на берегу реки, командира батареи предупредили, что на противоположном берегу будут наблюдать генералы из штаба группы. Мы заняли огневые позиции, на как картинке, всем понравилось.

Когда батарея переезжал через наплавной мост, ЗИЛ-131 на котором я ехал остановился посередине моста, коробка передач не хотела включаться, с трудом мы с водителем в четыре руки как-то ее включили и на первой передаче еле-еле переехали мост. Мне оставили запасной тягач, и батарея



уехала. Водители у нас были замечательные, они сумели разобрать и собрать коробку передач и через некоторое время мы поехали догонять батарею, но полк уехал давно.

Подъехали к магдебургскому полигону, дорого на полигоне множество, смотрю вправо на обочине стоят три генерала, решил к ним обратиться. Подошел представился и спросил не видели ли

они колонну с гаубицами Д-30, вижу, что они не знают, что это такое, тогда я, с разрешения генералов задал вопрос по-другому, не видели ли они пушки, но перевозимые как миномет за ствол, к сожалению, они этого не видели. Батарею я свою нашел.

Затем опять в походные колонны и к постоянному месту расположения. Прибыли в часть, поставили технику в парк, оружие в пирамиды, учения закончились благополучно. Рассказать все трудно, это надо было увидеть. Правда, после учений несколько БТРов остановили перед Западным Берлином, а еще пару на границе с Польшей. Но жертв не было, за исключением заболевших в пехоте. Зам по тылу полка получил взыскание, но нам от того легче не стало. После этих учений полк получил новую технику БМП 1, БТР60 были отправлены в Союз.

УЧЕНИЯ 3-й ОБЩЕВОЙСКОВОЙ АРМИИ



Первый офицерский отпуск, повезло, поехали в конце мая. Отдыхать было на что, нам платили в ГДР немецкими марками, а советские деньги, т.е. второй оклад, шел на сберегательную книжку. Поехали в Одессу, далее на теплоходе в Сочи. При подходе к Новороссийску начался шторм, не всем он пришелся по душе, но я спокойно мог обедать в ресторане. Прибыли в Сочи, благодаря заграничному паспорту устроились в гостинице Сочи-Магнолия, окна гостиничного номера выходили на море. Пляжи в Сочи не песчаные,

но загорать можно и на лежаках. Отдохнули чудесно, но все хорошее когда-то кончается, едем в аэропорт для полета в Калининград. Дорога в горах извилистая, глядя на обрывы жена потеряла кошелек. Пока ждали вылета, жарко, хотелось пить, а денег нет. Деньги есть в сертификатах, а получить их негде, воскресенье. Прилетели в Калининград и на такси подъехали к дому родителей, сбегали за деньгами и рассчитались с таксистом. Июнь месяц сестра жены предложила поехать на Балтийское море, позагорать. Приехали на поезде, пришли на пляж, чудесный песочек, я попытался зайти в море, поплавать, но не судьба, вода ледяная. Через некоторое время с моря пошел туман, и стало холодать. Побежали на вокзал, а поезд ушел, и мы боле часа мерзли, приняли цыганский загар. С тех пор у меня никогда не возникало желания отдыхать на Балтике.

Опять армейские будни. В один из дней командира батареи отправили на трехдневные сборы, командир 1-го взвода, оказывается, был выходной. Командир взвода управления пригласил меня к себе на обед. Мы жили в одной подлодке. На обеде предложил выпить одну рюмку, потом другую. Я пришел к себе в комнату и чувствую, что на службу в таком виде мне нельзя идти. Прибегали посыльные, кто-то упорно меня пытался вызвать в расположение батареи, но я не открыл двери. На следующий день меня вызвал начальник артиллерии и спросил, почему я не был после обеда на службе, ведь я, оказывается, остался один в батарее. Командир взвода управления отпросился у него на выходной. Он не наказал меня, но дал понять, что меня просто подставили, вероятно, ожидая, что я приду в казарму выпившим, это был второй урок.

Армейская служба – это не только занятия, это и караульная служба и дежурства по воинской части и патрульная служба. Несение службы в карауле очень ответственная, это охрана техники и вооружения, складов с различным имуществом, но самое главное это служба с оружием.



Самое интересное, что на некоторых постах стояли телефоны армии США. В 1945 году в Гарделеген первыми вошли солдаты армии США, но, согласно договору, они уступили место Красной Армии. Часовой на посту при исполнении служебных обязанностей имеет право применять к нарушителям оружие, у него два магазина с патронами по 30 штук. А поэтому подбор и подготовка к несению караульной службы очень ответственная задача. Солдат может быть замечательным, но вдруг ему пришло письмо с неприятностями дома, плохие отношения в коллективе и другие причины, по которым он может использовать полученное оружие и совершить преступление. Случалось, что убегали с оружием или расстреливали своих товарищей. Однажды при проверке часовых на постах ночью я обнаружил часового, лежащего на

земле, автомат лежал рядом с ним, магазин был опечатан. Нападение произошло незадолго до нашего прибытия. Часовой охранял магазин, расположенный в центре городка недалеко от складов. Когда он шел вокруг магазина из-за угла его ударили по голове, вероятно кирпичом, хорошо, что удар пришелся по пилотке, которая погасила немного силу удара. Отвели пострадавшего в санитарную часть. Через день он прибыл в подразделение. В караул начальником караула заступал много раз. Практически приходилось сутки не спать, дабы избежать происшествий, у меня их не больше не было.

Учения, караулы, полевые выходы, командир взвода все время с личным составом, постепенно узнавал способности и возможности каждого подчиненного, ну и меня они тоже изучали. Взаимоотношения сложились хорошие, главное было не унижать человека.



Нес службу и в патруле по городу Гарделеген. Перед несением службы мы прибывали в городскую военную комендатуру на инструктаж к коменданту города. Нам ставилась задача осматривать гаштеты и в случае обнаружения советских военнослужащих, офицеров, прапорщиков, сверхсрочно служащих предлагать им покинуть гаштет, в случае отказа задерживать и доставлять в комендатуру. (гаштет это небольшой ресторан в Германии,

в городе их было около тридцати, один ресторан и одно кафе). Ни один патруль этого не делал. Задерживали только в случае неправильного поведения. Помимо патрулирования по городу в ночное время иногда ставилась задача объезжать на автомобиле гаштеты в деревнях, окружающих гарнизон, для этого выделяли ЗИЛ 131. Можете себе представить звук проезжающего ЗИЛ 131 по узким пустынным улицам города и деревни ночью.

Мы и сами в компании ходили в гаштеты. От военного городка в 300 метрах была деревня Клестер-Ноендорф, в ней был гаштет с большим залом, в нем стояло пианино, хозяин был бывший подполковник СС, но в основном обслуживала его жена. У жены была тетрадь и когда наши военные не могли рассчитаться, она делала запись в тетрадке, с полочки к ней стояла очередь, оплачивали задолженности.



В комендатуре был заместитель коменданта, который питался в солдатской столовой, стало интересно, почему? Оказывается, в 1964 году над Магдебургским полигоном сбили самолет-разведчик армии США. Комендант г. Гарделеген в 70-е годы решил. Зачем будет пропадать цветной металл зазря. Пропал

комендант сбитый самолет на металлолом. Через некоторое время в СССР, возможно судили. А помощника коменданта оставили в ГСВГ, но денег за службу он не получал, все перечислялось на счет государства. Единственная льгота - три раза в сутки его кормили в солдатской столовой.



И вновь выезд в лагерь, но уже был построен учебный центр, солдат разместили в казарме, офицеры разместились в общежитии, по четыре человека в комнате. Занятия в поле до обеда, после обеда обслуживание техники. Часть офицеров оставалась в общежитии. Я брал буссоль, карту и в пешем порядке выдвигался с сержантами на полигон и учил их топографии, это было интересней. Мои сержанты в последствии могли выполнять обязанности старшего офицера при ведении огня с закрытой огневой позиции и выполняли все нормативы по занятию и топогеодезической привязке огневых позиций на оценку «хорошо». В своей служебной деятельности я всегда, помимо офицеров уделял большое внимание обучению сержантов.

Обедаем в столовой и вдруг где-то рядом разрыв артиллерийского снаряда. Недолет до столовой метров сто. Оказалось, что артиллеристы армии ГДР ошиблись на один ноль, но все обошлось благополучно. По окончании лагерей боевые артиллерийские стрельбы, отстрелялись на оценку отлично, едем домой.

Как-то в один из дней нам поставили задачу разгрузить два вагона с цементом, для нашего полка. Батарея прибыла на железнодорожную станцию и приступила к разгрузке. Офицерам надоело, наблюдать и мы тоже присоединились к солдатам, немцев это очень удивило. Через некоторое время они привезли несколько ящиков воды и коробку сигарет, что для них было не характерно. Разгрузив вагоны, и поблагодарив немцев, мы уехали.

В Советской Армии было принято к каждому учебному полугодию принимать социалистические обязательства. Так получилось, что из офицеров я опять остался в батарее один. Начальник артиллерии поставил задачу – принять социалистические обязательства. Провел собрания в каждом взводе, после моей агитации все три взвода приняли соц. обязательства на оценку отлично, и вся батарея решила стать отличной, хотя для этого достаточно было два отличных взвода. Когда собрались все офицеры то мне сказали, что этого не надо было делать, но отступать некуда, данные поданы в штаб дивизии, оставили отличными взвод управления и первый огневой взвод. Когда началась проверка, первый огневой взвод не потянул на оценку отлично. Обратились ко мне, спасай положение. Сержанты взвода, обиженные на то, что их исключили из отличников, не желали спасать положение. После длительных индивидуальных бесед с сержантами взвод сдал проверку на оценку отлично. Батарея стала отличной.

На одних учениях мы прибыли на Витштокский полигон, нам определили место огневых позиций. Как всегда, оборудовали огневые позиции в инженерном отношении, т.е. выкопали орудийные окопы и замаскировали их дерном, натянули маскировочные сети. Рядом в 20 метрах проходила дорога, но с нее нашей батарее видно не было. Через некоторое время по дороге едет командирский УАЗ, то в одну сторону, разворачивается и едет в противоположную сторону, наверно кого-то искал. Я вышел на дорогу, УАЗ подъехал ко мне, вышел полковник, я представился. Оказывается, он искал нашу батарею, осмотрел огневые позиции и уехал, замечаний не было. Через много лет подобное повторилось на этом же полигоне.

Осень, отправляемся в Союз за новым призывом. Собрали всех офицеров из ГСВГ и видимо с целью экономии посадили нас в теплушки и довели до Бреста. В Бресте команды разделились, команда нашего полка должна прибыть в город Казань с пересадкой в Москве. Поезд отправлялся ночью и у нас целый день впереди. Я с товарищем погулял по городу, надоело пришли на вокзал и сели у входа, задремали, когда проснулись поезд уже ушел. Никто не удосужился нас разбудить. Пошли в кассу взяли билеты до Москвы и поехали в мягком вагоне, в Москву мы прибывали раньше нашей команды. А между тем с нашей командой в Бресте случилось ЧП, офицеры погуляли в ресторане, и когда пришли на вокзал, у одного не оказалось пистолета, мы ездили с оружием. Начали бегать по ресторанам искать пистолет. Обратились и к блатным, чтобы оказали помощь, за деньги, но результат был отрицательный, пистолет пропал. Сели в поезд и поехал, вероятно, поэтому было не до нас. В поезде старший команды, зам командира полка по технике приказал всем показать свое оружие, все кроме одного показали. Но за тем товарищ, который был с Троицким (или как его ребята звали Троицкий) вдруг посинел, покраснел и говорит «а у меня их два», чтобы Троицкий не потерял он забрал у него пистолет и положил к себе во внутренний карман, но выпив, забыл о пистолете. Так все закончилось благополучно. Прибыли в Москву встретили нашу команду, правда без цветов, прослушали лекцию и на Казанский вокзал. Поезд вечером, пошли гулять по Москве. Тем более, что я в ней не разу не был. Решили втроем поехать на Красную площадь. Мы были в новеньких шинелях с портупеей и пистолетами на ремне, петлицы красные. По пути от метро до площади встречные офицеры отдавали нам честь, вероятно, думали, что мы в патруле. Дошли до Красной площади, подошли к мавзолею, с начала к нам пошел гражданский мужчина и попросил нас уйти с площади, так как мы с оружием. Затем прибыл военный патруль и нас задержали, и мы проследовали в комендатуру, какой-то небольшой участок недалеко от площади. Проверили документы, затем сказали, что мы нарушаем форму одежды, но какое нарушение не могли сказать. Я сказал, пусть арестовывают, командиру взвода ничего не страшно, а за молодежью пусть едут сами, а мы после освобождения погуляем. Нас отпустили, больше при проезде через Москву в командировку на Красную площадь не ходил.

Прибыли в Казань, нас поселили в Казанском Кремле. Вся остальная командировка прошла благополучно.

Прибыли с призывниками в ГДР, часть молодежи надо было доставить в танковую учебную часть под городом Дрезден. Сдали призывников, и появилась возможность посетить Дрезденскую картинную галерею, со мной было два сержанта, навряд ли им когда-то повезет ее посетить. Но проблема денег нет, пришлось достать пару блоков болгарских сигарет, в ГДР они стоили дороже, чем в СССР и немцы их покупали у солдат. Послал сержанта, он успешно их продал, и мы посетили Дрезденскую картинную галерею. После посещения отправились в Гарделеген.

Прибыли в полк, а в полку изменения, прибыл новый командир полка. Командира взвода управления назначили на должность командира батареи ПТУРС, командира первого огневого взвода назначили на должность командира минометной батареи 3-го батальона, ну а я стал командиром первого огневого взвода, старшим офицером батареи.



Старший офицер батареи отвечает за состояние и боевую готовность огневых взводов, подготовку и организацию их к боевым действиям и отвечает за выполнение ими боевых задач. От профессионализма старшего офицера батареи зависит очень много, это своего рода дирижер, с той разницей, что от ошибки музыканта никто не пострадает, а от ошибки и некомпетентности старшего офицера батареи могут погибнуть люди.

Полк поднят по тревоге, время выхода полка из места постоянной дислокации 30 минут (у армии США норматив два часа). Пехота бежит в парк, а сзади рот бегут старшины и собирают все, что обронули нерадивые солдаты. Зенитная батарея выходит и прикрывает выход полка. Гусеничная техника выдвигается в район сосредоточения по своим маршрутам, по грунтовым дорогам, колесная выдвигается по шоссе. Прибыли на Магдебургский полигон заняли боевые порядки.

К вечеру оборудовали огневые позиции в инженерном отношении, замаскировали. В лесополосе нашли бревна и вкопали их перед огневой позицией, так как через середину ее проходила грунтовая дорога. В окопах оборудовали места для отдыха личного состава, выставили охрану и приготовились отдыхать до утра. В 1 ночи слышался гул, танковая колонна, если бы мы не вкопали бревна, они бы раздавили орудие с расчетом. Вышли командиры орудий и обозначили фонариками объезд огневой позиции. Утром началась боевая работа. На довольствие нас поставили в танковый батальон. Когда привезли обед, я его попробовал вкус был, как будто ешь солянку. Отдал распоряжение не принимать пищу, в связи с ее непригодностью доложил по команде. Начался скандал,

немедленно прибыл начальник политотдела дивизии, я стоял на своем и предложил ему попробовать. Тогда он сам обратился к солдатам и те нехотя начали есть. После отъезда начальства солдаты сами все выбросили. Ужин уже привезли нормальный. Было и так.

Вновь выезд на полигон, боевые стрельбы, привезли заменитель для индивидуальных стрельб, 76-мм пушку и снаряды к ней. Получили данные по цели, выстрел. С наблюдательного пункта спрашивают, выстрел произведен, докладываю «Да». Поступает команда «Огонь», опять нет разрыва. Тишина, подошел к укупорке 76-мм снарядов читаю «76 –мм снаряды для САУ 1944 год». Звоню на НП и прошу их заглянуть в таблицу стрельбы, посмотрели, эти снаряды были с самоликвидатором, т.е. снаряды взрывались на траектории, хорошо, что все обошлось без жертв. Привезли другие снаряды, отстрелялись без происшествий.

Как-то раз участвовали мы в управлении огнем артиллерии армии с боевой стрельбой. Особенно интересно было ночью. В каждой батарее шестое орудие вела стрельбу осветительным снарядом. Над полигоном было светло как днем, в небе было видно пролетающий пассажирский самолет. Такое можно было увидеть только на войне, нам повезло, мы это видели в мирное время.

Учения были разные, однажды мне была поставлена задача, имитировать передний край противника перед танковой дивизией, идущей в

БОЕВЫЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ СТРЕЛБЫ



СТАРШИЙ ОФИЦЕР БАТАРЕИ



наступление. Вывел я батарею на прямую наводку и вел огонь холостыми выстрелами. Перед нами, далеко впереди шли волнами танки, рев двигателей перекрывался лязганьем гусениц и гулом вертолетов, летящих над танками, затем пролетели самолеты, картина не из приятных.

Поступила команда оставить огневые позиции, от шока, увиденного один водитель не смог завести машину, пришлось привести его в чувство, а ЗИЛ 131 заводить с рукоятки. Это в мирное время, когда наступающие войска не вели огня по противнику, как было солдатам в Великую Отечественную войну, сложно себе представить.

Наш полк привлекли для участия в двухсторонних учениях, наша дивизия в обороне, другая мотострелковая дивизия в наступлении. В учениях участвовали разведывательные подразделения. Была попытка, со стороны противника захватить командира дивизии, но не удачная, командир дивизии генерал Столяров был мужчина здоровый и адъютант ему под стать, раскидали они разведчиков, пришлось разведчикам спасаться бегством. На этих учениях случился казус. Командир дивизии Столяров ехал на машине и видит, стоит грузовая машина с будкой, из печки идет дымок, решил он заглянуть в будку. А в будке сидит босиком у печки зам. командира по тылу нашего 41 мсп, на столе солдатский бачок с картошкой и мясом. Командир дивизии, увидев отдыхающего, крикнул *«там командир полка кровью обливается, а ты тут отдыхаешь»*, схватил бачок, выкинув из него содержимое, и одел его на голову зам. командира по тылу *«марш на КП и без моего разрешения не снимать»*. Дело в том, что на учениях мы все от солдата до генерала носили каски, у командира полка на самом деле пошла кровь из носа, от перенапряжения, он не справлялся с обязанностями командира полка, его вскоре сняли с должности. В таком виде зам. командира по тылу прибыл на командный пункт командира полка, и смех и грех.



Командир дивизии был суровый, но справедливый мужчина, он говорил *«я рязанский мужик»*. На подведении итогов, мы считали, что сколько раз хвалил, столько же и указывал на недостатки. Он в ночное время мог приехать в любой полк. В нашем полку строили новые боксы для техники и бетонную дорогу, он приезжал и уровнем проверял, как построена дорога. Идя по парку, увидел, как солдаты кувалдами

разбивали старые боксы, подошел, взял кувалду и очень быстро развалил стену, затем сказал, обращаясь к солдатам *«вот так надо работать, а не спать»* и пошел дальше. Когда выходил из парка, ему на встречу шла наша батарея, под командой командира батареи. Командир дивизии остановил

батарею и сделал замечание командиру батареи. За то, что солдаты в разной форме одежды, рабочей и повседневной, при этом указательным пальцем правой руки указывая на солдат опустил руку на погон командира батареи так, что у того звездочка вылетела из погона, улыбнулся, извинился и пошел в штаб полка.

И снова занятия, занятия. Провожу занятие в парке с огневыми взводами по ведению огня с закрытых огневых позиций. Смотрю в нашу сторону выдвигается большая группа старших офицеров и генерал. Подошли к батарее я доложил о том, что провожу занятия, потребовали конспект, я предъявил, замечаний нет. И тут генерал начал кричать что я провожу занятия неправильно, что я безграмотный офицер, как я могу вести огонь если, впереди артиллерийских орудий находятся хранилища для техники и т.д. и т.п. Я опешил от такой безграмотности старшего начальника, тренировка проводилась по стрельбе с закрытых огневых позиций, не знаю, что сказать, но тут к нему подбежал полковник и на ухо, что-то ему сказал. Вся группа развернулась и пошла дальше по парку.

Опять смена командиров полков, предыдущий, не справился со своими обязанностями и его «наказали» поставили на должность коменданта города Магдебурга.

Второй отпуск выпал мне в феврале. Отпуск провели хорошо, были в Москве и Ленинграде. В Москве не получилось устроиться в гостиницу, и мы поехали на Красную площадь. Жена хотела попасть в мавзолей Ленина, но мавзолей был закрыт, мы подошли поближе и вдруг он открылся, нам повезло, не пришлось стоять в длинной очереди, которые обычно выстраивались для входа в мавзолей. Выйдя из мавзолея, мы увидели, что продают билеты в алмазный фонд, купили билеты и пошли в Кремль. При осмотре алмазного фонда встретил бывшего командира взвода батареи ПТУРС с женой, он учился в инженерной академии. Узнав о нашей проблеме с гостиницей, они предложили остановиться у них. За один день трижды повезло. В Москве нам не очень понравилось, и мы на следующий день уехали в Ленинград. В Ленинграде устроились в гостинице Космос, несколько далеко от центра, но за то в 2-х комнатном номере со всеми удобствами. Утром уезжали, в основном время проводили в Эрмитаже, затем в Русском музее, ездили в Павловск, все было чудесно. За полтора месяца отпуска устаешь, отдыхать появляется желание работать. Но это не заставило ждать едем назад в ГСВГ.

После поездки в Москву, Ленинград я привез слайды – Алмазный фонд, Живопись, Москва, Ленинград, Государственный Эрмитаж, Русский музей и другие. В свободное время все это показывал солдатам, возможно, они не видели и не знали, сколько прекрасного есть на свете.

Учения, лагеря, караулы, командировка за молодежью в город Фрунзе, все опять, как всегда, пролетело три года. Снова учения, стоим в обороне,

готовимся прорывать государственную границу какого-то государства. Командиру батареи для управления выделили БТР, видимо будем форсировать Эльбу. На вторые сутки в обороне делать было нечего, а так как командир батареи любил выпить, то послал он старшину за выпивкой. Выпили, закусили и опять старшину послали за выпивкой, так он ездил еще пару раз, набрались очень сильно.

А утром команда вперед, наступаем. Перед форсированием подогнали нам ПТСы (плавающий транспортёр средний), загрузились, поплыли. Высадили орудия батареи и машины в какое-то болото, пока я вытаскивал машины и гаубицы на ровное место командир батареи сел в мою машину, а там была моя карта, и радиостанция и уехал, оставив меня с батареей без карты и радиосвязи.

ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ ЭЛЬБА



Пока построил колонну, вокруг никого, куда ехать, вперед. Доехал до какого-то моста, регулировщик показывает дорогу, переехал мост, въезжаю в немецкий городок, у перекрестка, на встречу нам двигаются танки армии ГДР с трудом развернул орудия и машины, пропустил танковую колонну, еду вперед. На всякий случай у меня в сумке был дорожная карта ГДР, и сегодня она у меня, достал карту, сориентировался и поехал на Магдебургский полигон. Заехал на возвышенность и пытаюсь отыскать свой

полк. Подъехал генерал, я представился, он смотрел на колонны войск и шутя говорит мне. «снаряды есть», отвечаю «да», он говорит «а давай врежем по беспечным войскам». Затем посмеялся и уехал, а я повел колонну к нашему городку. Не доезжая второго караула, нашей части, оставил батарею в лесу и пришел в штаб полка. В штабе военный дирижер, сказал, что ничего не знает. Вернулся назад к батарее, стали ждать, когда возвращения полка. Полк вернулся, и мы заехали в парк. Комбат сначала начал мне выговаривать, но когда я заметил, что он увез мою карту и радиостанцию замолчал, больше мне никто претензий не предъявлял.

Все эти учения не прошли даром для здоровья, и я попал в госпиталь, колит, холецистит и еще несколько зараз. Пролежал месяц, должен был пройти второй курс лечения, но не выдержал, когда лечащий врач уехал на учения, сказал, что все хорошо и меня выписали. Тогда я еще не знал, как меня выручит запись в медицинской книжке.

МОИ ЗАМАСТИТЕЛИ (КОМАНДИРА ВЗВОДА)



АХУНЗЯНОВ



ПЕЧЕНКИН



НЕФЕДОВ



ПОСТРОЕНИЕ ПОЛКА НА ПЛАЦУ



ПОДГОТОВКА 2-Х ЭТАЖНОЙ СТОЛОВОЙ К ОБЕДУ

Командира батареи отправили в Белоруссию изучать самоходные артиллерийские орудия, когда он приехал меня перевели в минометную батарею 3-го батальона. Обращался к начальнику артиллерии дивизии, но мне сказали, что на самоходки пришлю лейтенантов из училища. Но была,

и приятная новость получил новую комнату в кирпичном, двухэтажном доме. Кухня на две семьи, сосед Василий зам. командира по технической части мотострелковой роты, жене его 18 лет и маленький ребенок. Следующая приятная новость мне присвоили очередное звание старший лейтенант. Из отпуска мы привезли 6 литров спирта, в трехлитровых банках. Дядя мне дал, какие-то добавки, добавили их в спирт, который привезли через границы как вишневый компот. Прежде чем накрыть на стол я разбавил. Как оказывается неправильно, вместо 400 грамм спирта и 600 воды, разбавил в обратной пропорции. Плюс еще была рябиновая настойка на спирту. Пришли гости, начали застолье, благодаря дядиной добавки пилося очень приятно, решили перекурить, а встать очень тяжело, ноги не ходят, по стеночке выбрались на улицу подышать. Затем продолжили, выпили все, когда гости нас покинули на столе, стоял хрустальный стакан, вернее донышко от него, кто-то закусывал стаканом. Звание было обмыто основательно.

И снова учения, Магдебургский полигон наступаем, форсируем реку Эльба, на марше неожиданно поступила команда учения прекратить, выдвинутся в места постоянной дислокации. К часу ночи пришел домой, жена сидит и плачет, в чем дело? Оказывается, наш сосед Василий утонул в ходе учений. Ночью ей в окно постучали, и замполит полка так объяснил жене, что она поняла, что утонул я, потом все разъяснилось. Утром, увидев окно замполита полка и командира поспешил уйти на службу. При форсировании реки Эльба боевая машина пехоты (БМП) посередине реки попав на небольшой островок, заглохла. Подплыл плавающий транспортер (ПТС) и взял ее на буксир и начал транспортировку, крюк сорвался и БМП камнем пошло на дно. Василий успел подать команду десанту, открыть люки и десант выплыл, а у механика водителя застряла нога. Василий (заместитель командира роты по технической части) находившийся на месте командира пытался ему помочь, оба ушли под воду вместе с машиной. Офицеры, прапорщики и сверхсрочники собрали деньги в марках для жены и ребенка, на книжку сыну до совершеннолетия были от всех положены деньги, семье механика водителя, он был женат, также перечислили деньги, но человека не вернуть. Читая о том, что в Советской Армии разрешался какой-то процент погибших на учения, удивляюсь. За все время службы в Советской Армии никогда этого не слышал, да и этот случай был для меня единственным.

Снова служба, занятия, караулы. Мне посоветовали написать заявление для вступления в КПСС, написал заявление, собрал три рекомендации, в полку приняли, оставалась пройти партийную комиссию в политическом отделе дивизии. Не успел, отправили в командировку, едем в Вологду. Опять остановка в Москве, поезд на Вологду в 22.00, целый день впереди. Собралось нас шесть человек, из них два суворовца учившихся в Москве. Один из них предложил посетить ресторан Берлин. Поехали, ресторан

Берлин, заходим, идем к гардеробу, пожилой мужчина, беря у нас шинели, ворчит *«у нас обедами не кормят»* я ему отвечаю *«а мы не за обедом»* и дал ему рублевую монету. Метрдотель стоял в стороне и молча ждал нас, когда мы разделись, предложил пройти в зал. Зал был красив, стены были расписаны нежными цветами, на них парили феи, посередине зала работал фонтан. Нас провели мимо фонтана, метрдотель предложил соединить два стола, мы согласились и сели, сделали заказ и сказали, чтобы в 21.00 нам подали кофе. Сидим, созерцаем и обзираем зал, сидят за столиками в основном парами и тоже с интересом посматривают на нас. Стол накрыли, все приятно и красиво. Спереди сидели две иностранных военных с дамами. Суворовцы, знающие английский язык поинтересовались кто они, они оказались офицерами афганской жандармерии. Оказалось, что афганцы немного говорят на русском языке, мы пригласили их к себе за стол, разговорились. Принесли кофе, мы начали рассчитываться, афганский офицер вытащил пачку долларов и хотел за нас рассчитаться, но мы отказались. Покинув ресторан прибыли на железнодорожный вокзал, оказалось, что билетов нет, и в Вологду мы поедем утром. Посоветовались и решили поехать в другой ресторан, суворовцы предложили ресторан Москва, в одноименной гостинице, недалеко от Красной площади, поехали. Зашли в гостиницу, а в ресторан, а зайти не получается, мест нет. Подошел к швейцару, дал ему пять рублей, он провел нас к гардеробу, мы сняли шинели, а затем зашел в ресторан с другого входа, нашелся и столик. Ресторан был двухэтажный, залы большие. Выпили, закусили, ребята пошли танцевать, но видимо, пить уже было не надо. Один пригласил певицу ресторана, другой чуть не наварился на драку. За соседним столиком сидело двое мужчин, они сказали, что у певицы любовник капитан первого ранга и показали мне его. Я понял, что пора покинуть ресторан, еле уговорил. Вышли, одеваем шинели, а один пропал. Подошел ко мне мужчина, сидевший в ресторане рядом с нами, и говорит, что лейтенант сидит у лифта и не пускает иностранцев в него. Я и еще один пошли к лифту, лейтенант сидит на стуле перед лифтом, перед ним уже большая очередь в лифт. Пришлось его вытряхнуть со стула и утащить в сторону. Оделись и быстро вышли из гостиницы, надо было срочно уехать, пока не прибыл патруль. У гостиницы стояла скорая помощь, уговорили водителя и уехали. Прибыли на вокзал и утром поехали в Вологду.

Только приехали из командировки, надо ехать в город Стендаль, на партийную комиссию. На комиссии спрашивали по уставу, затем родители или родственники были ли осуждены, я сказал, что отец сидел, все так насторожились, где, за что посыпались вопросы. Объяснил комиссии, что отец был осужден румынским военным трибуналом за подпольную деятельность в годы Великой Отечественной войны. Все успокоились, и был последний вопрос назвать фамилию депутата от ГСВГ, я не знал. Председатель комиссии удивился, как это я не знаю, я ответил, что только прибыл из командировки и еще не успел узнать ничего о выборах.

Перенесли мое заслушивание на другой раз. Во второй раз все прошло быстро, и я был принят в ряды кандидатов в члены КПСС, кандидатский срок один год.

Служба шла своим чередом, утром на построении офицеров полка объявляют, что в ближайшее время наш полк посетит Министр обороны Гречко. Все завертелось с необычайной быстротой, короткие сроки было построено современное офицерское кафе, от него проложена бетонная, широкая дорожка к магазину. Ну мне была поставлена ответственная задача обложить зеленым дерном все вокруг кафе, это была большая площадь. Дали ЗИЛ-131, а откуда брать? Это была моя проблема. Делать нечего приказ надо выполнять. У немцев для пастбищ скота были заливные луга. Выезжаем на заливной луг вырубам дерн, сворачиваем в ковры, загружаем и привозим в часть, вторая команда расстилает его и поливает. За несколько дней задача была выполнена, но дерн снился мне по ночам еще долго. И вот приехал Гречко, поднял по тревоге 1 мсб. и тб. полка с выходом на Магдебургский полигон, затем учения с боевой стрельбой. Гречко задал вопрос начальнику штаба батальона есть ли у него связь с танковым батальоном, это очень опасный вопрос с танкистами не все так просто, естественно связи не было. Но начальник штаба быстро сообразил и изобразил связь с танковым батальоном используя соседний БТР, рискованно решение. Когда батальон пошел в наступление, спешившись Гречко пошел сзади вместе Начальником политуправления ВС Епишевым. Пару раз перепрыгнул через окопы и посмеялся над Епишевым, что-то не может перепрыгнуть окоп.



НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ КОМАНДИР ДИВИЗИИ, С РАДИОСТАНЦИЕЙ КОМАНДИР БАТАЛЬОНА

Учения закончились успешно, и командир батальона был приглашен пить чай с Министром обороны на командном пункте. Командиру батальона были вручены погоны подполковника и было приказано зачислить его в академию без экзаменов. В новое построенное кафе Гречко зашел, выпить

молока. Полку был вручен вымпел министерства обороны. Визит завершился.

В начале моей воинской службы и в последствии очень много зависело от взаимоотношений с подчиненными, независимо от звания и должности.

И через многие годы я помню их фамилии. Прошло много лет и они также помнят меня. Благодаря интернету мы видим друг друга и тем более приятно получать от них такие письма: *«Привет Человеку - Истории. Вячеслав Андреевич - я думаю у Вас должно быть всё в порядке. Я закончил свою карьеру в должности директора - звание- почетный работник РФ, думаю в моем воспитании есть и Ваша заслуга. Александр Кудрявый».*

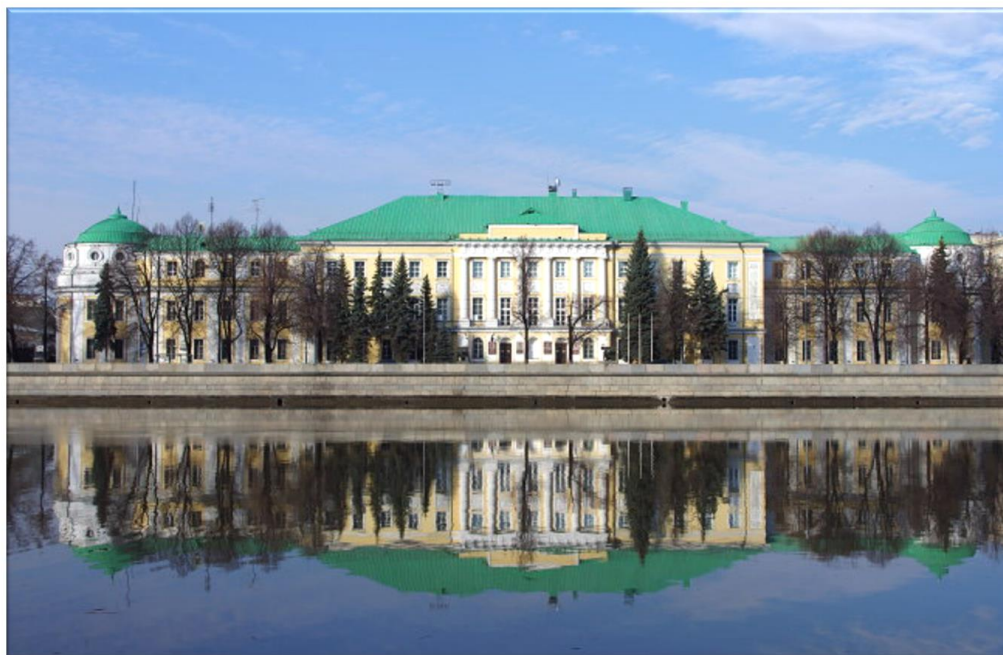
В связи с тем, что в эти годы разворачивалось много артиллерийских частей и соединений, Министерством обороны было принято решение отправить из Групп войск опытных офицеров на должности командиров батарей. В это число попал и я, вместо пяти лет службы в ГСВГ, в полевой академии высшего уровня я отслужил четыре года.



СОВЕТСКАЯ АРМИЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА



МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ



1974 – 1980

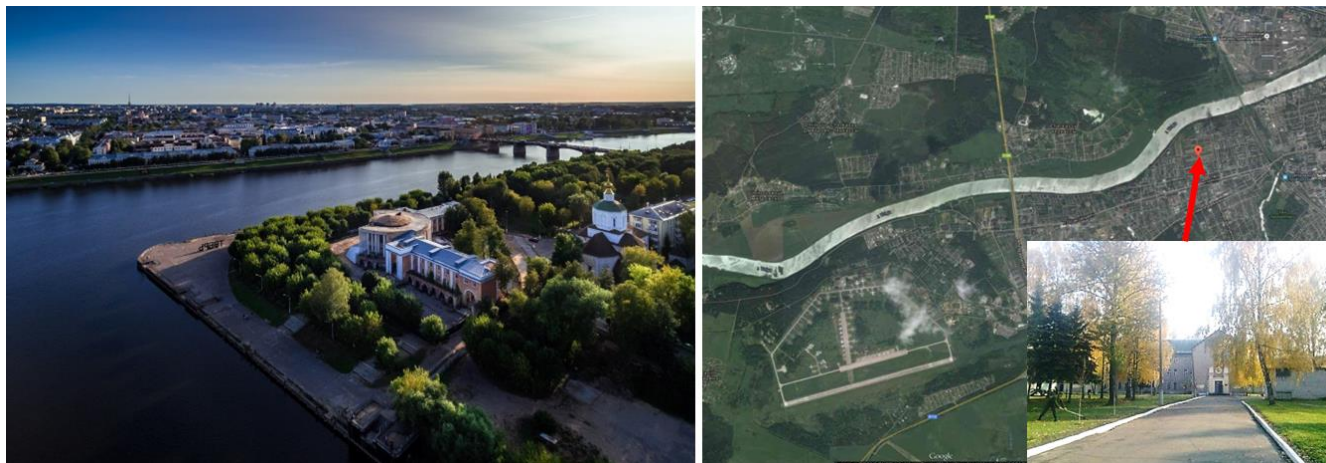
Мне повезло, Меня перевели в Московский военный округ в город Калинин (Тверь), где дислоцировалась 12 артиллерийская дивизия. Открывалась новая страница моей воинской службы.

МВО был важнейшим источником мобилизационных резервов, являлся базой подготовки командных кадров. В состав войск МВО входили соединения и части, отличившиеся в период Великой Отечественной войны.

Здравствуй Родина, вот мы и прибыли в Советский Союз. Всего в СССР было 16 военных округов. Нам повезло, меня перевели в Московский военный округ, в город Калинин (Тверь). Город располагался в 140 км от столицы нашей Родины Москва. Калинин – это город на реке Волга и расположен на обоих ее берегах, это также крупный транспортный узел на пересечении железнодорожной линии Ленинград – Москва.

Прежде чем прибыть к новому месту службы я должен был отгулять отпуск. Учитывая, то, что на новом месте службы мне не предоставят жилье,

мы с женой решили, прежде чем отдыхать поехать в город Калинин (Тверь) найти и снять квартиру.



Приехали, город, остановились в гостинице и приступили к поиску квартиры. В городе располагалось много воинских частей. Так в северо-западной части, в Мигалово находился военный аэродром и располагался военноо-транспортный авиационный полк, ниже аэродрома, вдоль правого берега реки Волга, располагалась 32-я гвардейская мотострелковая дивизия и еще ниже вдоль Волги 12 артиллерийская дивизия. В городе располагалась военная академия войск ПВО и какой-то военный исследовательский центр и Суворовское училище. Ознакомившись с городом, мы решили искать квартиру в районе расположенном недалеко от воинской части. В новых домах ничего не нашли, смотрим за небольшой речкой Тьмака, частные дома. В одном из этих домов и нашли съемную квартиру. Дом был деревянный, в одной комнате жила хозяйка с мужем, в другую она сдала нам. Мы решили переночевать одну ночь в этом доме. Впечатление не из приятных, ночью нас начали одолевать клопы, меня не кусали, я их смахивал по несколько штук с руки, а вот жене досталось. Заплатив задаток, уехали отдыхать. За несколько дней до окончания отпуска приехали в Калинин, остановились в гостинице. Купили все, что необходимо для уничтожения клопов и замазку для щелей. Посетили свою съемную квартиру, потравили, все, что возможно, заделали все щели и пару дней жили в гостинице. Когда с вещами въехали, хозяйка очень возмущалась, вероятно, клопы все ринулись к ней. У нас в комнате все было в порядке и более мы клопов не видели. Ну, вот обустроились, пора и на службу. Прибыл в штаб дивизии, после собеседования начальник штаба дивизии сказал, что я буду служить в истребительно-противотанковой бригаде. Я пытался объяснить, что служил на гаубицах и не знаю противотанковых радиоуправляемых комплексов, но мне сказали, что в личном деле написано о моих успехах в изучении этих снарядов. Так я попал в истребительно-противотанковую бригаду, или как ее называли, в то

время, «кладбище мамонтов», так как в ней служило много офицеров предпенсионного возраста.

12 артиллерийская дивизия (сокращенного состава) была развернута из артиллерийской бригады и состояла из управления и пяти бригад:

Гаубичной (122 - мм гаубицы М-30);

Пушечной (130 - мм пушки М-46);

Тяжело-гаубичной (152 – мм. Гаубиц - пушек МЛ-20);

Истребительно-противотанковой (100 – мм противотанковых пушек МТ12 и противотанковых радиоуправляемых комплексов «Фаланга», дальнейшем «флейта»).

**12 АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ПРАЖСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ
ОРДЕНОВ КУТУЗОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ДИВИЗИЯ
ПРОТИВОТАНКОВАЯ БРИГАДА
ТВЕРЬ (КАЛИНИН) 1974 – 1980**



Бригады были четырех дивизионного состава, во всех бригадах был штаб бригады, батарея обслуживания и развернут один дивизион, а в дивизионе одна батарея и взвод управления дивизиона.

В 1-м дивизионе по штату был командир дивизиона, начальник штаба дивизиона, заместитель по политической части командира дивизиона и четыре командира батарей, один из них командовал развернутой батареей. В остальных дивизионах был командир дивизиона и четыре командира батарей.

Прибыл в бригаду, представился командиру бригады, он был по национальности чеченец. По совету старших офицеров 41 мсп. попросился командовать личным составом. Но эта должность была занята, но меня назначили командиром батареи кадра в 1-й дивизион. Остальные дивизионы не были полностью укомплектованы командирами батарей, которые вскоре начали прибывать из групп войск, я прибыл один из первых. Началась служба, отправился в парк, принял свою боевую технику – шесть 100-мм пушек, тягачи ЗИЛ-131, все это находилось в консервации. Служить было просто, ведь личного состава нет. Занятия по тактике, артиллерийско-стрелковой подготовке, перед обедом в спортзал, занимался рукопашным боем. Затем обед, на территории дивизии была офицерская столовая, готовили чудесно, за один рубль можно было вкусно и сытно поесть. Обеденный перерыв длился 2 часа, можно было сходить погулять в город, полазить по книжным магазинам, или сходить в кино. Но были и офицеры, из прежнего состава бригады, любители выпить. У одного была кличка «краском» ибо у него нос, а иногда и лицо было постоянно красным. Юра, приходивший на службу с дрожащими руками, после вечернего злоупотребления спиртного, начальник штаба использовал его как художника. Начальник штаба отпускал его с утра в город, Юра похмелялся, руки у него переставали дрожать, после чего он приступал к творчеству. Через некоторое время они были уволены.

Мне повезло, командир батареи, командовавший развернутой батареей, был направлен на курсы начальников мобилизационных отделов. А так как я ранее изъявлял желание поработать с личным составом, как мне советовали старшие офицеры во время службы в Германии, меня временно назначили командовать первой батареей, в дальнейшем отдали приказом на эту должность. За первым дивизионами соответственно за первой батареей, помимо боевой техники и вооружения был закреплен пункт приема личного состава на случай развертывания дивизии до штатов военного времени. Это для меня было новое. Где-то в ноябре бригаду подняли по учебной тревоге, и мы выдвинулись в район сосредоточения. Надо было развернуть пункт приема личного состава. Несмотря на то, что это было впервые, я справился довольно успешно, по мнению начальства, и я был утвержден на должности командира первой батареи. Правда, далось это непросто, ноги мои в сапогах промокли насквозь, но ничего пронесло, не заболел. В батарее на вооружении было три 100-мм пушек и три гусеничных тягача АТЛ, 9 боевых машин ПТУРС «Фаланга», на базе БРДМ-1, и командирская БРДМ-1. Эти боевые машины были 1964 года. При приеме БМ ПТУР обнаружил, что несколько машин не исправны, не буду вдаваться в технические подробности, пришлось потрудиться, чтобы привести их в боеготовое состояние. В комплект орудий помимо оптических прицелов и панорамы были прицелы ночного видения, а во взводе управления ночной наблюдательный прибор. В бригаде не сумели их освоить, просто не читали техническую документацию, я ее изучил и понял,

что надо было просто правильно зарядить аккумуляторы к ночным приборам и прицелам, и они заработали. Проблемы возникли и с личным составом батареи. Командиры взводов были офицеры двухгодичники (призванные на два года по окончании института), из трех только один справлялся со своими обязанностями. Дисциплина была на низком уровне, пьянство, самовольное оставление воинской части, так как в городе было множество женских общежитий. Очень часто встречал такие сказки, пишут, что солдатам в пищу добавляли, кое, что, чтобы у них не было желания спать с женщинами, врут. Так, что о личном времени пришлось забыть. В 6.00, когда солдаты просыпались по команде «*подъем*», я уже был в казарме и при подаче команды в 22. 00 «*отбой*» я все еще находился в казарме. Ежедневно проводил занятия, учил как солдат, так и офицеров. Но сложность заключалась в том, что часть солдат периодически привлекали к работам на стройке, посылали на полиграф комбинат зарабатывать бумагу, а заодно и книги для начальства. Кроме занятий была и караульная служба. Инструктаж и подготовку личного состава караула я по старой привычке проводил сам. Как-то ночью проверял караул, мне не понравился порядок в караульном помещении, а начальником караула был офицер, один из двухгодичников. Увидев, как я веду себя строго с солдатами, он сказал, что один из старослужащих заставил его мыть пол. Пришлось снять солдата из караула и арестовать. В Советской армии было очень хорошая мера для нарушителей – собеседование с прокурором, я ей также воспользовался. Испытания прошел и был назначен приказом по бригаде командиром 1-й батареи.

Постепенно с солдатами нашлось взаимопонимание, дисциплина стала соответствовать уставным требованиям. Разучил с личным составом батареи старую солдатскую песню «*Взвейтесь соколы орлами*», пели ее на два голоса. На строевом смотре исполняли эту песню дважды, второй раз по просьбе командования.

Наступил лето, едем на боевые стрельбы, это праздник для артиллеристов. Загрузились в эшелон и вперед по железной дороге. Прибыли на полигон Мулино, разгрузились, оборудовали палаточный лагерь и приступили к занятиям. На полигоне никто не мешал, занимались с удовольствием, солдатам и офицерам понравилось. Учил тому, что необходимо на войне. Для создания боевых условий получил имитационные средства шашки имитации разрывов артиллерийских снарядов ШИРАС (ШИРАС шаровой имитатор разрывов артиллерийских снарядов), ИМ 85 (имитации выстрела из 85-мм пушки) и взрывпакеты. Во время полевых занятий приехал командир бригады на ГАЗ-69, увидел, что одно орудие закоптилось от разрыва ШИРАСа. Я объяснил, что во время марша ШИРАС скатился под орудие, командир говорит, «*тогда бросай имитацию на левую сторону дороги*», после чего уехал. Проводим занятия дальше. Совершаем смену

огневых позиций, бросаю ШИРАС на левую сторону дороги, по ходу движения.



И вдруг вылетает ГАЗ-69, а за рулем командир бригады и едет прямо на ШИРАС, я успел ему дать отмашку флажками, чтобы он съехал влево от дороги, он понял, свернул и тут раздался взрыв, несколько впереди и справа от машины. Ничего не сказав, командир уехал. На следующий день, обучая солдат я зажег шнур у взрывпакета и начал делать замечание, забыл про взрыв пакет, он взорвался у меня в руке. Через несколько секунд, пришел в себя, попробовал двигать пальцами, все двигается, нормально.



Быстро сели в БРДМ 1 и поехали в санитарную часть учебной артиллерийской части по подготовке сержантов, располагалась на полигоне Мулино. В санчасти была одна санитарка, предложила промыть спиртом, пришлось ей сказать, чтобы разбавила марганцовку и промыла рану, затем перевязала. Проводил занятия с рукой на перевязи. Пришло время боевых стрельб. Отстрелялись днем, решили провести ночные стрельбы прямой наводкой впервые. Настроил прицелы и приборы ночного видения, объяснил офицерам как на них работать. И тут начальник штаба приказывает мне выполнить задачу №2 стрельба по движущимся танкам прямой наводкой, а я-то, могу работать только одной левой рукой. Ничего сказал он «*на войне и хуже было*». Стал к орудию, запустили мишени, поразил обе мишени двумя снарядами. На следующий день командир бригады, вечером встретил меня, вокруг никого не было, и сказал «*спасибо*». Публично благодарности не было. Все дело в том, что прицелы и приборы были еще до моего прибытия в бригаду, но никто не знал как ими пользоваться, и самое главное не умели заряжать аккумуляторы (нового типа) для приборов.

Вернулись со стрельб в Калинин. Рабочий день был очень длинным, так совещания, проводимые командиром бригады, начинались после 19 часов. Офицеры решили провести партийное собрание с повесткой дня «*Ленинский стиль работы*», это было сделано дабы указать командиру бригады на неправильный стиль работы с подчиненными, даже ежедневные совещания проводились не ранее 20 часов. Когда я пришел на партийное собрание то увидел плакат, на нем было следующее: Членов партии – русских ...; украинцев ...; и т.д. по национальностям, в конце – молдаван один и других национальностей один (командир бригады был чеченцем, его национальность не написали, вместо этого написали другие

национальности). Партсобрание для командира бригады было разгромным. После собрания я постучался и хотел зайти к командиру бригады, приоткрыв дверь я увидел, что командир плачет быстро закрыл дверь и ушел.

В один из дней командиров батарей дивизии собрали в штабе дивизии. Оказалось, пришли изменения в штатах бригад по мирному времени, в каждом дивизионе кадра вводили должность начальника штаба дивизиона. После небольшого собеседования мне объявили о назначении на должность начальника штаба дивизиона. Прокормандовав 11 месяцев батареей, в 25 лет был назначен на майорскую должность. Благодаря выдержке и поддержке жены, которая выдержала это время, моего постоянного отсутствия дома и нахождения на службе. В этой съемной квартире в нелегких бытовых условиях. Далеко не все назначенные на эти должности командовали развернутыми батареями. Ну, что-ж радостное известие надо отметить. Жена заказала место в ресторане, пригласил сослуживцев. Все прошло чудесно, разъехались по домам. Но в субботу поступила команда *«построение всех офицеров дивизии на плацу»*, что-то стало тревожно. Построились, командир дивизии и начальник политотдела идут вдоль строя с двумя гражданскими. Дошли до нас и опознали двух майоров, начальника разведки бригады и зам. начальника штаба бригады. Последовала команда *«разойдись»*, сели в курилку и тут майоры вспомнили, что они натворили, а ведь им оставалось совсем немного до пенсии. Начальник разведки, после того как вспомнили о вечерних событиях,хватила кондрашка, его увезли на скорой помощи. В ходе гуляния в ресторане эти майоры пристали к двум гражданским и отобрали у них документы, после чего скрылись. Через некоторое время нас всех находившихся в ресторане вызвали к командиру дивизии. Командир дивизии спрашивает меня *«здесь все»*, я доложил *«нет моей жены и начальника разведки, его увезла скорая помощь»*, терять то было уже нечего. Командир дивизии сказал коротко *«если не договоритесь с гражданскими людьми, будете кровью харкать, мне в понедельник ехать на Военный Совет в округ, все свободны»*. Вышли, договорились с гражданскими людьми, вернули им документы, и стали скидываться на ресторан, надо было компенсировать им пропавший вечер. Вопрос был решен, в дальнейшем наказаний не последовало. Меня перевели во 2-й дивизион кадра.

За речкой Тьмака был микрорайон, и мы покинули прежнее местожительство. Там хозяйка не разрешала в доме стирать, и жене приходилось даже зимой стирать в холодной воде, на речке. В одном из домов, этого микрорайона сняли комнату, квартира принадлежала офицеру запаса.

Служба без личного состава гораздо проще, можно заняться самообразованием, а можно ничего не делать. С утра занятия по плану, во

время обеденного перерыва хожу в спортивный зал, занимаюсь рукопашным боем, а после обеда самоподготовка.

Нашего командира бригады назначили на вышестоящую должность. Из Кантемировской дивизии прибыл подполковник с двумя орденами, 2-й командир бригады. Прошло время и должность его испортила, начал пить, иногда забывал приезжать на совещания, офицеры шутили, *«отправился в бункер»*.

В секретной части была литература, в которой раскрывается опыт боевых действий в послевоенное время, изучаю. В один из дней меня, отдав приказом как военного дознавателя, отправили на стажировку в военную прокуратуру города Калинин на два месяца. Было интересно и познавательно, стал военным дознавателем.

Опять перемена места жительства, жена добилась у заместителя командира по тылу бригады выделения нам двух комнат в пятикомнатной квартире с общей кухней, но это было намного лучше предыдущих мест. Жить мы стали в новом микрорайоне за железнодорожным вокзалом.

Женам офицеров трудно было устроиться на работу, даже в таком большом городе как Калинин, ответ был всегда один *«Вы тут временно, в любой момент можете уехать, а нам нужны постоянные работники»*. Жена сначала устроилась работать в газетный киоск, затем ее поставили на должность инструктора, курировала ряд киосков. Ну а затем повезло, ее приняли на работу старшим экономистом на областном предприятии. За короткое время она стала лучшим старшим экономистом России в данной области.

За два дня до Нового года ко мне подошел начальник штаба бригады и сказал, что мне присвоили звание капитан, и я на два месяца отправлен дежурным помощником в военную комендатуру города Калинин. Очень интересное поздравление с присвоением воинского звания. На следующий день, привел военную форму в порядок, прибыл в комендатуру. Комендантом был подполковник пехотинец. Построив прибывших офицеров из воинских частей, нас было трое, пехотинец, летчик и я артиллерист, комендант, осмотрев наш внешний вид, линейкой замерил расположение эмблем и звездочек спросил *«кто будет дежурить с 31 декабря на 1 января»*, желающих не было. Тогда озвучив результаты осмотра, он объявил *«летчик с 31 на 1, пехотинец с 1 на 2 и я со 2 на 3»*, после этого приказал летчику и пехотинцу устранить замечания по форме одежды. Это было замечательно, так как мы с друзьями взяли билеты на празднование Нового года в филармонию. Но к вечеру 31 ударил сильный мороз, где-то - 50 градусов и мы с женой не решились ехать в филармонию, отпраздновали дома. Утром, проснувшись и войдя на кухню наблюдаем следующую картину, кухня затоплена водой и вода поступает не из крана, а

из раковины. Я понял, замерзли трубы и все вода из умывальников верхних этажей идет к нам на первый этаж, люди же моют посуду, после празднования. Жена прошла по верхним соседям, но результат отрицательный. Побежали искать сантехника, это 1 -го января, но повезло, нашли. После обещания налить стакан спирта, после ремонта мы пошли с ним в подвал, трубы замерзли. Но сантехник открутил заглушку, и вода потекла на землю, на тот момент это был выход, и мы были спасены от затопления.

Написал рапорт о поступлении в Военную артиллерийскую академию, рапорт был подписан, прошел медкомиссию, готовлюсь на следующий год поступать в академию. Пришло время, ехать, поступать, но из зависти меня придержали дней на десять. После всех трудностей, создаваемых завистниками, в бригаде, старыми майорами я приехал в Ленинград для поступления в военную артиллерийскую академию. Нас разместили в городке академии расположенном на Литейном, в спортзале. Так как я приехал позже, и на следующий день надо было сдавать самый основной, для нас артиллеристов экзамен, арт-стрелковую подготовку, выполнить одну из задач Курса стрельб на винтовочном полигоне в академии. Но у ранее прибывших офицеров, было время подготовиться, а я с корабля на бал. Познакомился со своей группой, некоторые говорили мне, зачем ты приехал поступать, служишь в Калинин (Тверь), прекрасное место, артиллерийская дивизия, старший лейтенант на майорской должности, это мы служим в Забайкалье в дырах, а ты успеешь. На следующий день экзамен. Теорию сдал нормально, а стрелять надо было на винтовочном полигоне, все до этого готовились, получил тройку. Все остальные экзамены, даже по физической подготовке отлично, но не прошел по конкурсу. Вызвал меня начальник академии и сказал: *«Вам было ясно с первого экзамена, что вы не пройдете по конкурсу, тем не менее, Вы боролись, мне нравится Ваше упорство. Приезжайте на следующий год, и Вы обязательно поступите»*. С тем и вернулся обратно в свою бригаду.

Периодически, раз в год в бригаде разворачивался, до полного штата один из дивизионов. Призывались военнообязанные запаса на месяц. В феврале месяце меня прикомандировали к 4-му дивизиону, который разворачивался. Приняли личный состав, сняли боевую технику с консервации и погрузились на железной дороге, на платформы. Едем на полигон Дорогобуж, Смоленская область. Прибыли на железнодорожную станцию, ночь, идет мокрый снег. Разгружаемся, построившись в колонну выдвигаемся в указанный район, где и будем располагаться в течении месяца. Поставив технику в полевой парк, начали ставить палатки. Пришли офицеры запаса, как ставит палатки, кадровых офицеров нет в подразделениях, а командиры батарей пропали. Пришлось их дважды вытащить из кабин машин, где они грелись бросив свой личный состав. Командир дивизиона также пропал, появился только утром. Собрал

офицеров и показал как устанавливать палатки, научились и установили палатки. Установили печки, они начали проваливаться в землю. Оказалось, что нас поставили в пойму реки Днепр. Поставил задачу офицерам запаса ломать кустарник ставить под печки, затем опять пошел искать кадровых офицеров. Нашел их, они спали в кабинах машин, выгнал их к подразделениям. Пока обходил палатки, командиры батарей вновь пропали, выгнал их вновь к подразделениям, пришлось применить физическую силу, к некоторым. Дело было сделано, личный состав до утра не замерзнет и хоть немного отдохнет. Пошел искать место для отдыха. Офицеры штаба бригады поставили большую палатку. Зашел в нее, нашел матрас, он был влажный. Снял мокрые сапоги, снял и выжал носки, лег на матрас. Проснулся от холода и мокрого снега, сильный ветер сдул брезент с каркаса палатки. Кое как брезент закрепили на каркасе, а вот и утро. Встал, одел мокрые носки, затем сапоги. Вышел из палатки, ударил мороз, наружная часть бушлата замерзла и скрипит, и вижу, идет толпа военнослужащих запаса. Тут вдруг появился командир дивизиона и начинает кричать на военнослужащих запаса, которые собрались идти на вокзал, чтобы они вернулись назад. Один из военнослужащих запаса сказал командиру дивизиона, что его они не видели ночью, когда нужна была помощь, мы видели вот этого капитана и указал на меня. Они сказали командиру дивизиона *«мы тебя не знаем, не мешай нам»*. Я как мог, объяснил военнослужащим, что будет, если они уйдут со сборов и, что я считаю, что место нам укажут новое. Так и случилось, приехало командование дивизии и указало новое место у леса. Приписной состав быстро установили палатки, опыт уже был. Самое интересное, что не было заболевших, из числа приписного и офицерского состава, за исключением начальника штаба бригады, исполнявшего обязанности командира бригады, он подхватил воспаление легких. Всю ночь начальник штаба бригады провел в кунге командно-штабной машины. В дальнейшем сборы проходили в нормальном режиме, без приключений и происшествий.

Перед окончанием зимних лагерей проводились учения дивизиона, в ходе учений от меня, как начальника штаба дивизиона потребовали донесение (условно) об отражении наступления танковых подразделений противника. Я написал донесение, в котором помимо боевых действий указал и потери, что у деревни ... погиб командир 12 батареи, а командир 14 батареи, тяжело ранен. Через несколько лет командир 12 батареи умер, а командир 14 батареи в тяжелом состоянии был привезен в Москву из республики Чад. С тех пор никогда не указывал фамилии, и не желал никому таких последствий.

Раз в полгода нас отправляли в учебную артиллерийскую дивизию принимать экзамены у будущих сержантов, которая располагалась у поселка Мулино. Приехали в дивизию, нас определили в пустующие квартиры. Из противотанковой бригады было четыре офицера, я старший.

После общего инструктажа в доме офицеров мы разошлись по учебным бригадам. Первый экзамен на знание БМ ПТУРС, личный состав без понятий. Двоек, после инструктажа председателя комиссии, я понял ставить нельзя. Дабы поставить хотя бы тройку я давал курсанту занять место в боевой машине и привести ее к бою, он залез. Я приказал открыть боковой лючок для стрельбы с автомата, после чего закрыл верхний люк, далее тишина. Слава богу, ему объяснили, как открыть верхний люк и он вылез из боевой машины. Командиру взвода я сказал, чтобы он хотя-бы сегодня объяснил курсантам, как приводить к бою БМ и потренировал. Я все понял, они полгода занимались строительством, вместо учебы. А об экзаменах по тактике даже рассказывать нет желания. Поэтому сержанты в войска приходили никакие, и приходилось на должности ставить старослужащих солдат. Командиру батареи я сказал, что бы приходил с оценочной ведомостью я выставлю вместе с ним оценки. Командир взвода и командир батареи пригласили нас за стол со спиртным, я отказался, еще не хватало показаться выпившим перед председателем комиссии. Перед экзаменами я предупредил своих офицеров не пить после экзаменов. По окончании экзаменов мы обедали в части, затем шли в Дом офицеров, играли в бильярд, в кафе было чешское пиво, отдых, что еще надо. Но в последний день, вечером мои офицеры все-таки приняли приглашение, а вечером придя на квартиру подрались. Пришлось полить их холодной водой, привести в порядок, вечером был поезд на Москву. Старший от дивизии сказал мне, что он доложит о случившемся, командиру дивизии, я ответил, что ничего не было и докладывать ни о чем не буду, по приезду он не доложил командованию дивизии. Через много лет мы с ним встретились, он стал последним командиром нашей дивизии.

Иногда проживая в квартире с общей кухней, случаются и неприятные моменты. В одной комнате жил начальник продовольственной службы, двухгодичник, к нему пришел приятель, начальник нашей секретной части, ребята отдыхали, но к 23 часом гуляние стало громким. Я постучался к ним и попросил все прекратить, они двинулись на меня с желанием побить, но я предупредил их, что завтра они очень об этом пожалеют, все успокоилось. Но этот вечер имел продолжение. У меня, как и других офицеров в секретной части были чемоданы с секретными документами, которые мы опечатывали своими печатями. В один из дней я пришел в секретную часть за чемоданом, когда начальник секретной части принес мой чемодан я увидел, что печать моя на нем отсутствует, не расписавшись за получение чемодана я доложил начальнику штаба бригады. Была назначена комиссия, которая обнаружила пропажу таблицы сигналов Московского военного округа, Сов. Секретную. Начальник секретной части решил мне отомстить и уничтожил таблицу сигналов, это стоило бы мне карьеры на всю службу в армии. Начальника секретной части уволили, таблицу сигналов, согласно акту, списали по причине непригодности.

Как я ранее упоминал, что МВО был важнейшим источником мобилизационных резервов. Мобилизационные ресурсы поставлялись в ГСВГ. В связи с этим осенью и весной на нашу дивизию ложилась обязанность отправлять молодое пополнение в воинские части за пределы СССР, как это происходило?

Сначала офицеров отправляли в военные комиссариаты, входящие в состав МВО. Так я однажды отправился с двумя сержантами и одним офицером в город Воронеж, в течении двух дней нам выдали призывников, но мы были не одни, были и из других воинских частей. Нас решили, отправить одним поездом. Провожали призывников как будто на войну. Когда прибыли автобусы на вокзал невозможно было пройти на перрон.



Милиция организовала коридор, и призывники в колонну по одному пробирались в вагоны. Посадка закончилась и поезд тронулся. Провели проверку на предмет спиртного последовательно в каждом купе.

В присутствии представителей призывников, все вылили в туалет. До Москвы доехали спокойно. Едем в Калинин (Тверь), была весна, пошел снег. Затем прибыв в Калинин, отправились на речной вокзал, на речных пароходах добрались до нашего лагеря. Лагерь располагался на берегу реки Волга в лесу, бывшие летние лагеря довоенной Красной армии. Призывники жили в палатках, офицеры и прапорщики в заброшенных деревянных рубленых домиках. Затем началось переодевание, распределение по командам, в общем, рутина.

В нашей бригаде служил командир дивизиона участник Великой Отечественной войны, он спросил меня, в преферанс умеешь играть, играть я не умел, тогда он сказал *«тот не артиллерист, кто не умеет играть в преферанс»*, пришлось учиться. Проиграл три бутылки водки (на деньги не играли), но затем научился играть, было чем вечером заняться.

Для отправки в Германию призывников мы сели на речные пароходы и отправились в Калинин, а затем на военный аэродром Мигалово.

Прибыв на аэродром, увидели стоят огромные транспортные самолеты, а по бетону летает масса порванных денег. Перед посадкой у призывников таможня отбирала деньги, десятки и более, чтобы не отдавать призывники

рвали деньги и выбрасывал. Я построил своих и предложил им, если они желают разумно использовать деньги, то пусть выберут человек шесть восемь и соберут в чемоданчик все деньги, затем с офицером отправятся в магазин и купят все, что пожелают, так и сделали. Деньги моих призывников по аэродрому не летали. Прибыли лагерь, призывников почти не осталось. На следующий день 1-е мая, приехала моя жена решили отпраздновать. Сели в одном из домиков выпили, закусили, пошли пострелять из ружья по бутылкам, правда только жена и попала в бутылки. Сели опять продолжили. Смотрим, комсомолец наш уже сильно опьянел, отправили его спать. Через некоторое время слышим стук в дверь, один из начальников штабов дивизиона, здоровый мужик пошел открывать дверь, открыл дверь, и что-то его отбросило в сторону, второй раз опять все повторилось. Выйти у него не получилось. Первым делом я снял ружье со стены и спрятал под койку, зашел в соседнюю комнату и плечом высадив окно выпрыгнул на улицу, за мной выскочил командир взвода, что я вижу, наш комсомолец, повиснув на козырьке крыльца одной рукой и надев на вторую боксерскую перчатку, бьет в открывшуюся дверь. Сняли мы его с козырька. Уговорили пойти спать, народ высыпал на крыльцо. Потом комсомолец потребовал вернуть его приемник «Океан», я зашел в дом вручил ему приемник и повернулся лицом к дому, в это время он собирался приемников ударить меня по голове, командир взвода перехватил его руку и оттолкнул комсомольца, тот в злости разбил приемник об дерево. Все вышли и отнесли комсомольца на кровать, все бы кончилось, но он лежа ударил ногой, уже пострадавшего начальника штаба и тут его начали бить, мы с командиром взвода еле оттащили всех, я испугался, ведь могли бы и убить. Хороший получился вечер. Уже где-то час ночи, надо было как-то отправить жену домой в Калинин. Пошел по лесу, кругом тоже болотистая местность, но благо ориентировался хорошо, вышли на шоссе и вдруг едет грузовая машина, попался хороший мужик, подвез жену прямо до дома. Утро, построение офицерского состава, ну погуляли. Кто-то с синяком под глазом, кто с другими повреждениями. Начальник штаба бригады спросил, «ну погуляли», завтра едем в командировку в Баку за призывниками для округа, встреча в части. Привезти в МВО мы должны были целый эшелон призывников.

Приехали в город Баку, остановились в гостинице. Мне выпала честь отобрать призывников для танковой учебной части, обязательно знающих русский язык. Прибыли в военкомат, это было старое здание, встретились с военкомом. Нам определили помещения для отбора призывников, начали работать. Я производил отбор в отдельном помещении, с каждым призывником разговаривал на русском языке, такое распоряжение я получил, кто не знал, отсеивал. Видно, работники военкомата рассказали родителям призывников, куда я произвожу отбор и, что учебная часть располагается под Москвой, желающих было много.

До обеда работали, потом было свободное время. Гуляли по городу, город чистый, узкие улочки старого города. Везде на улицах столики, пьют чай, из особых стаканчиков. Правда, музыка не веселая, какая-то заунывная, плакать хочется. Было и удивление, так в магазине сигареты стоили одну цену, а рядом на улице дети продавали такие же сигареты, но дороже и люди покупали на улице. Посетили как-то вечером ресторан «Седьмое небо». Все хорошо, блюда хорошо приготовлены и много зелени. В основном в ресторане все пили водку, вино не пили. Нам объяснили, что это неприлично.

Настал последний день, общее построение и колонна призывников под музыку тронулась к железнодорожному вокзалу. Пока дошли, в строю осталась половина. Прибыли на вокзал, оказалась, что пропавшие уже сидят в вагоне. Пришлось наводить порядок, сидевшие во втором купе городские ребята сказали *«оставьте их в покое, они в большинстве из гор и белых простыней никогда не видели»*. Но самое интересное, очень многие вдруг перестали понимать русский язык. Ну, более-менее разобрались, поехали. Попросились призывники на станции купить мороженого. Отправил с сержантом на вокзал, купили мороженое, но как только эшелон тронулся, призывники, открыв окна, начали кидать в людей это мороженное. Приказал проводнику закрыть все окна, дыбы их невозможно было открыть. Едем дальше, ночью проезжаем какой-то мост, выхожу в тамбур и вижу, как два призывника, разбив окно, кидают бутылками из-под лимонада в людей, стоявших под мостом. Пришлось их арестовать, у нас в штабном вагоне была гауптвахта. В соседнем вагоне призывник накурился анаши (наркотик) и буянил, пришлось караулу его успокоить и определить на гауптвахту. Едем дальше, просят открыть окна, вспомнили русский язык, или хотя-бы выпускать со старшим на вокзал за лимонадом и сигаретами, но учитывая предыдущее происшествие отказал. У проводника все было, но так как он из Баку, то продавал призывникам в три дорого. На второй день, к вечеру, разбили несколько окон. Я им пожелал, чтобы при подъезде к Москве стало холодно. Видимо, на небесах меня услышали, и утром похолодало, пошел мелкий снег. Подъезжаем к Москве, призывники собрали деньги за разбитые деньги и принесли мне. Я отказался и сказал, им рассчитаться с проводником. Выгрузились на одной из грузовых станций. Стали раздавать сухие пайки, черный хлеб никто не брал, а из-за белого началась драка, навели порядок. Консервы с кашей призывники выбросили, какие-то люди ходили за забором и собирали банки с кашей. В танковую учебную часть надо было добираться двум группам. Сначала на метро, но никто не обеспечил бесплатный проезд. Собрал толковых и объяснил, что нужны деньги для метро, они собрали и дали их мне, я отказался. Назначив трех человек и сержанта старшим, отправил их в кассу. Проехали на метро к следующему железнодорожному вокзалу, надо ехать на электричке и опять билетов нет. Повторили маневр с метро, едем в учебную воинскую часть. Прибыли, сдал своих сто человек и предложил

старшему второй группы, поехать домой, но он отказался. Причина скоро разъяснилась. Деньги за разбитые стекла в вагоне, деньги за билеты в метро и на электричку собирал старший группы. Когда он сдал призывников, они пожаловались начальнику учебной части, что у них отбирали деньги. Чтобы отмыться, старшему второй группы пришлось дня три водить начальство по ресторанам. Такой командировки у меня ни до, ни после не было.

Снова в родной дивизии. Произошла смена командиров дивизий. При втором командире дивизии рабочий день до 18.00. В субботу в подразделении только один дежурный офицер, остальные отдыхают субботу и воскресенье.

В 1978 году я был назначен на должность командира дивизиона, приступил к командованию 1-м дивизионом, далее, все опять пошло по-прежнему.

Служим дальше. Написал рапорт для поступления в военную артиллерийскую академию, все в порядке. В один из дней получивший звание капитан, из нашей бригады пригласил в ресторан. Все было хорошо, праздновали, забрав командира батареи, который немного перебрал, мы жили в одном районе, я покинул ресторан. На следующий день был вызван с командиром и заместителем по политчасти к командиру дивизии. Командир дивизии обвинил меня в дебоше, я объяснил, как было на самом деле и, что в драке не участвовал в связи с моим отсутствием. Командир дивизии спросил моих начальников, как я служу, получив положительный ответ, командир дивизии отпустил нас. На следующий день всех офицеров дивизии собрали в клубе. Оказалось, что офицеры нашей бригады, перебрав спиртного, подрались в ресторане с военными музыкантами мотострелковой дивизии. На этом совещании мне публично порвали рапорт на поступление в академию, кому-то из офицеров объявили арест, наказали всех чохом, я пострадал больше всех, так как никто на гауптвахте не сидел. Судьба, опять не удалось поступить в военную академию.

Жизнь продолжается. Предложили учиться в университете марксизма-ленинизма. Это во вне, служебное время, за то не надо было ходить на политические занятия. Как я потом понял, это было чудесное предложение. Два раза в неделю были занятия, начинались в 16.00. Я мог спокойно в 13 часов, так как обед был с 13.00 до 15.00, убыть со службы домой, переодеться в гражданскую одежду, пообедать дома и спокойно отправиться в город. Занятия проходили в гарнизонном доме офицеров, бывшее дворянское собрание, расположенного в центре города. Занятия продолжались до 20.00. Но иногда, когда были неинтересные лекции, мы с женой встречались около 18 часов и шли либо в кино, либо гуляли по набережной Волги. Служить было хорошо, может и правы были офицеры из моей группы, при поступлении в академию.

Зимой мы постоянно выезжали на боевые стрельбы на Дорогобужский

полигон, это пойма Днепра, местность холмистая. Оборудовали лагерь, пришло время приступить к боевым стрельбам. Построились в колонны и выдвинулись на огневой рубеж. Шел мокрый снег, ЗИЛы - 131 с пушками тяжело поднимались по скользким холмам, еле доехали до огневых рубежей. Начали боевые стрельбы, выполняли задачи №1 – стрельба по неподвижным целям и №2 по движущимся целям. Командир батареи моего дивизиона произвел выверку орудия. Я поставил ему задачу на уничтожение неподвижной цели. Командир батареи скомандовал «*Расчет к орудию*», указал цель наводчику – выстрел! Снаряд улетел далеко вправо от цели, второй выстрел! Результат тот же, останавливаю стрельбу и спрашиваю командира батареи как он выверил прицельные приспособления и попросил его показать, он показал, оказалось ствол наведен в одну березку, а прицел в другую, хороших слов я для него не нашел. Командир бригады решил нам показать, что мы ничего не умеем. Для выполнения задачи №2, стрельба по движущимся танкам, при стрельбе с ходу он назначил меня и другого начальника штаба дивизиона, задачу №2 проверяемый выполняет в качестве наводчика. Мы договорились с товарищем поразить и развалить салазки, на которых тянут мишень. Получив сигнал, с ходу заехали на огневой рубеж и приведя орудия к бою открыли огонь с двух выстрелов каждое орудие поразило две мишени, которые развалились, оценка отлично. Командир бригады от злости бросил папаху об землю. На следующий день нас вдвоем на поезде отправили в Калинин, остальные продолжили учебу. Ехали через Москву, на вокзале узнали, что нам еще долго ждать решили погулять по Москве. Попили горячего шоколад, затем пошли в кинотеатр «Россия», посмотрел японский мультипликационный фильм «Джек в стране чудес», этот фильм шел впервые, и убыли в Калинин.

В 1978 году с 6 по 10 февраля 1978 года в районе Минска, Орши и Полоцка. Советская Армия проводила крупные общевойсковые учения – «Березина». По окончании учений воинские части убыли в места постоянной дислокации. Прибыла в Калинин и мотострелковая дивизия. Дивизия была сокращенного состава, для учений ее развернули до полного состава за счет приписного состава Калининской области. По прибытию в место постоянной дислокации в дивизии начались беспорядки. Приписной состав перепился, начались драки. Нас, артиллерийскую дивизию подняли по тревоге, и мы с оружием оцепили расположение дивизии. Приехал военный комендант города, увидев меня, комендант попросил у командования дивизии меня в помощь. В одной из казарм избили офицера и я, взяв десять солдат, с комендантом отправились в казарму. То, что я увидел масса коек, на которых лежали солдаты в шинелях и сапогах, запах спиртного в помещении, такое можно увидеть только в кошмарном сне, и ни одного офицера. Когда мы группой шли по казарме, разыскивая напавших на офицера, один из них сам определился, подбежал и ударил солдата, тот упал. Выхватив у солдата автомат, я ударил нападавшего прикладом по

челюсти, он упал, мы его связали, на помощь ему прибежало еще человек пять, задержав всех мы отправились к выходу из казармы под недобрыми взглядами приписного состава. Посадили задержанных в автобус поехали в комендатуру. В автобусе очнувшись, первый задержанный напал на солдата, пришлось его обездвигить и связать. Сдали задержанных в военную комендатуру и отправились в часть. Приключения закончились.

В мире было неспокойно, в 1979 году Китай напал на Вьетнам. Как-то утром построили офицерский состав, и заместитель по политической части бригады предложил желающим поехать во Вьетнам, оказать помощь. В ответ тишина, опять было озвучено предложение, и один командир батареи сказал замполиту - *«Если Вы поедете, то я тоже поеду»*. Ответа не последовало. Получив команду *«разойдись»*, отправились исполнять служебные обязанности.

В один из дней меня вызвали к командиру дивизии и предложили поехать военным советником, с женой в Йемен. Прошел медкомиссию, затем поехал в Москву, прибыл в ЦК КПСС, в военный отдел, там полковники задавали вопросы, все это я знал еще, будучи лейтенантом. По окончании беседы мне было предложено убыть в отпуск, убыл и ждал отправки. В отпуске вызова не дождался, по прибытию в часть узнал, что они, якобы, не нашли моего адреса и уехал мой командир батареи, при чем не самый лучший. При убытии в отпуск было положено оставлять адрес проведения отпуска, он в части был. Меня перевели на 2 дивизион кадрового состава, стало немного спокойней. Все, что не делается, все к лучшему.

Начальник мобилизационного отделения был отправлен на учебу и меня назначили еще на одну должность – (начальником мобилизационного отдела – ответственного за организацию мобилизационной работы. Кабинет состоял из двух комнат, в одной секретная часть, во второй место для ознакомления с документами. Освоился быстро, служба не тяжелая.



В 1980 году в Москве должны были состояться Олимпийские игры, для их обеспечения создавались офицерские подразделения, призывали офицеров запаса. Мне в секретную часть были сданы, на хранение все печать и штампы этих будущих подразделений.

Год 1980, написал рапорт для поступления в академию, уже майор, думаю, что поступлю. Все подписали рапорт, медкомиссию прошел. Готовлюсь к экзаменам. Бригада грузится в эшелон, должны ехать на зимние стрельбы, почти закончили погрузку, и тут последовала команда, разгрузится и убыть в место постоянной дислокации, что-то не ладно, в нашем государстве.

Прибыли в казармы, несколько дней, без известности, затем объявили, дивизия передислоцируется в Забайкальский военный округ, сказали (ЗАБВО – расшифровывалось в армии как «забудь вернуться обратно»), что там прекрасно – 300 солнечных дней в году. Все отправления офицеров, куда-либо отменяются. Жена за время нахождения в Калининне сделала карьеру, стала старшим экономистом. Из-за меня ей пришлось прервать свою карьеру и уволиться. А мое поступление в академию опять пожелало лучшего.

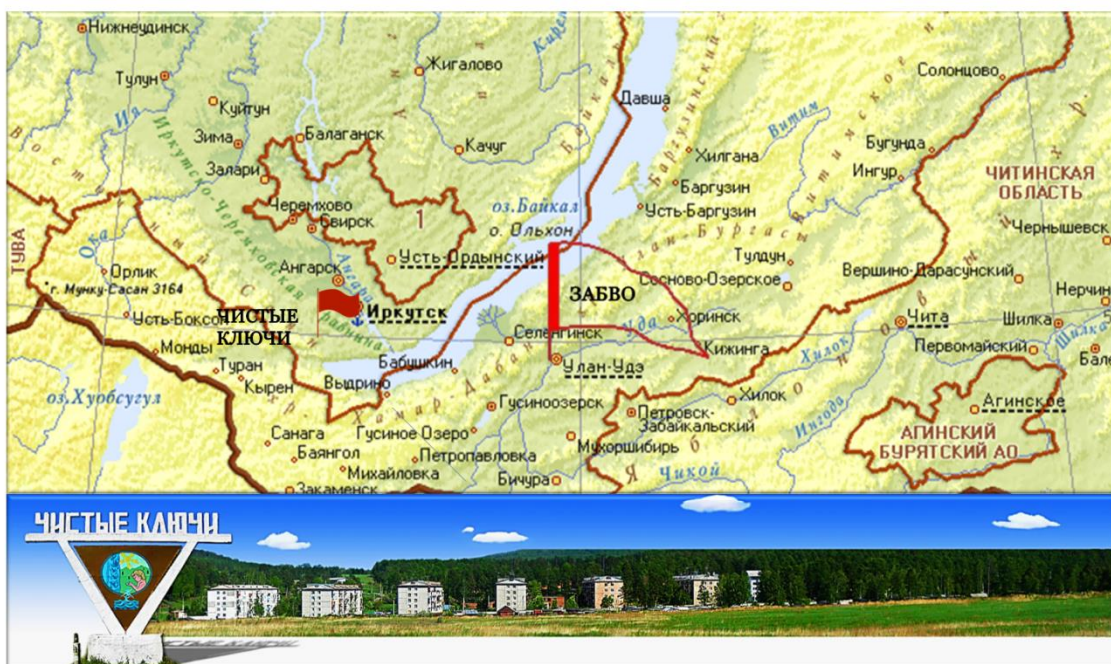
От каждой бригады готовили группу для подготовки нового места расположения дивизии. Назначили старшим подполковника секретаря партийной организации дивизии (в бригаде это была штатная должность), но он внезапно заболел, и кого назначили на его место – конечно меня. Собрались к отъезду, в каждой группе было два офицера и десять солдат, старшим был заместитель командира дивизии. В дорогу взяли с собой гвоздей, краски, инструменты, ну и продуктов, предстояло ехать пять суток на поезде. Прощай Калинин, поехали в неизвестность. Ехали с солдатами в общем вагоне, офицеры дивизии в купейном. Через пять суток езды по железной дороге прибыли в город Иркутск.



ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ



12 АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ПРАЖСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ОРДЕНОВ КУТУЗОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ДИВИЗИЯ ПРОТИВОТАНКОВАЯ БРИГАДА 1980 – 1987



1980 – 1987

*«Рассвет в каком-то Забайкалье,
Где в замороженной степи
И километры уж устали
Бежать до тысяч десяти».*

Антон Хлебников

Здравствуй Сибирь и город Иркутск, но это была не последняя наша остановка. Погрузились на грузовые машины, после чего колонна двинулась к конечной точке нашего путешествия, как нам объяснили накоротке, мы должны были проехать 20 километров и минув город Шелехов, расположенный на половине пути между Иркутском и нашим конечным пунктом, и приехать в Чистые Ключи, где и будет место постоянной дислокации нашей артиллерийской дивизии.

Машины остановились, последовала команда к машинам, выгрузились с машин. Оказалось, что мы выгрузились на плацу военного городка. Прямо перед нами Клуб воинской части, созданный из железного арочного

хранилища, справа от него столовая и склады, слева от клуба санитарная часть и караульное помещение, по обе стороны плаца трехэтажные казармы. В казарме слева располагалась воинская часть, мотострелковой дивизии кадра. Казарма, располагающаяся справа была в ужасном состоянии, без стекол, стены обугленные. Эти казармы и жилые дома построила мотострелковая дивизия сокращенного состава. Ее вывели в Монголию. На ее место прибыла мотострелковая кадрированная дивизия. Жилые дома располагались недалеко от военного городка и их почему-то называли «жилой зоной».

Мы приехали в будущее расположение нашей дивизии, когда выгрузились и осмотрелись все почему-то стали смеяться, так нас впечатлило увиденное.

Было две казармы современные, а посередине большой плац. Казармы были в таком состоянии как будто бы их ломали, били стекла, поджигали, в общем-то, они были в ужасном состоянии. Найдя, более или менее, нормальное помещение, расположил солдат, в одной из казарм, после чего нас подвезли в жилую зону, где выделили несколько квартир для офицеров.

«Жилая зона» состояла из находящихся по правой стороне 6 многоэтажных домов, офицерского клуба, стоящего перпендикулярно и слева относительно жилых домов, созданного из металлического сборного ангара, у которого ко входу было достроено кирпичное здание, справа от клуба, параллельно ему, офицерская столовая. Слева от клуба, параллельно ему находился продовольственный, промтоварный магазин в одном здании, а в торце этого здания почтовое отделение. За магазином стоял деревянный барак – офицерское общежитие. За общежитием немного выше была котельная и другие помещения.

Утром прибыли на плац, оценили обстановку, заместитель командира дивизии поставил, каждой команде от воинских частей, задачу. Одним досталось готовить место для склада боеприпасов, где-то в 15 км. от воинской части, в тайге, другим готовить место для размещения боевой техники (парк), нам досталось готовить казарму. Недалеко от военного городка располагался стройбат, но он к нам не имел никакого отношения и что-то, где-то строил. В гарнизоне воинского порядка не было, пробежали какие-то чумазные люди, похожие на солдат, офицеров не было видно. Как-то пошел в парк мотострелковой дивизии, там стояли танки, автомобильная и другая техника на консервации. Караула я не видел, из аккумуляторной показался какой-то чумазый солдат, потом другой, оказалось, они там и жили. Тем, кто работал по подготовке парка, мест для размещения боевой техники для дивизии и места для склада боеприпасов был нелегко, помимо морозов, снега было по пояс, надо было валить деревья и расчищать место от снега и кустов.

Нам придали несколько автомашин ЗИЛ 157, совершенно новые, с гидроусилителем руля, электронным зажиганием, стекла у кабины были

двойные, а вся кабина утепленная, замечательная машина. Меня часто посылали в Иркутск, на военных складах, расположенных на железнодорожной станции, я получал все необходимые материалы для ремонта казарм.

Мы работали с утра до ночи, без выходных. В один из воскресных вечеров я и несколько офицеров поехали в Иркутск. Хотелось поужинать по нормальному. Пока доехали было уже начало 10 ночи. В ресторан, у входа в него стояли желающие попасть в него, никого не пускали. Через швейцара, не бесплатно, нам удалось туда попасть, поужинали. Собрались рассчитаться с официанткой, но вдруг началась драка, один из участников драки через стекло вылетел на улицу. Пришлось быстро покинуть ресторан, официантка сказал, что ей не до денег они спорили, кто останется на ночь в ресторане, так как стекла разбиты. Утром нас собрал заместитель командира дивизии и пытался нас ругать, я обратился к нему и спросил, что мы нарушили, ответа не последовало, на том и разошлись по рабочим местам.

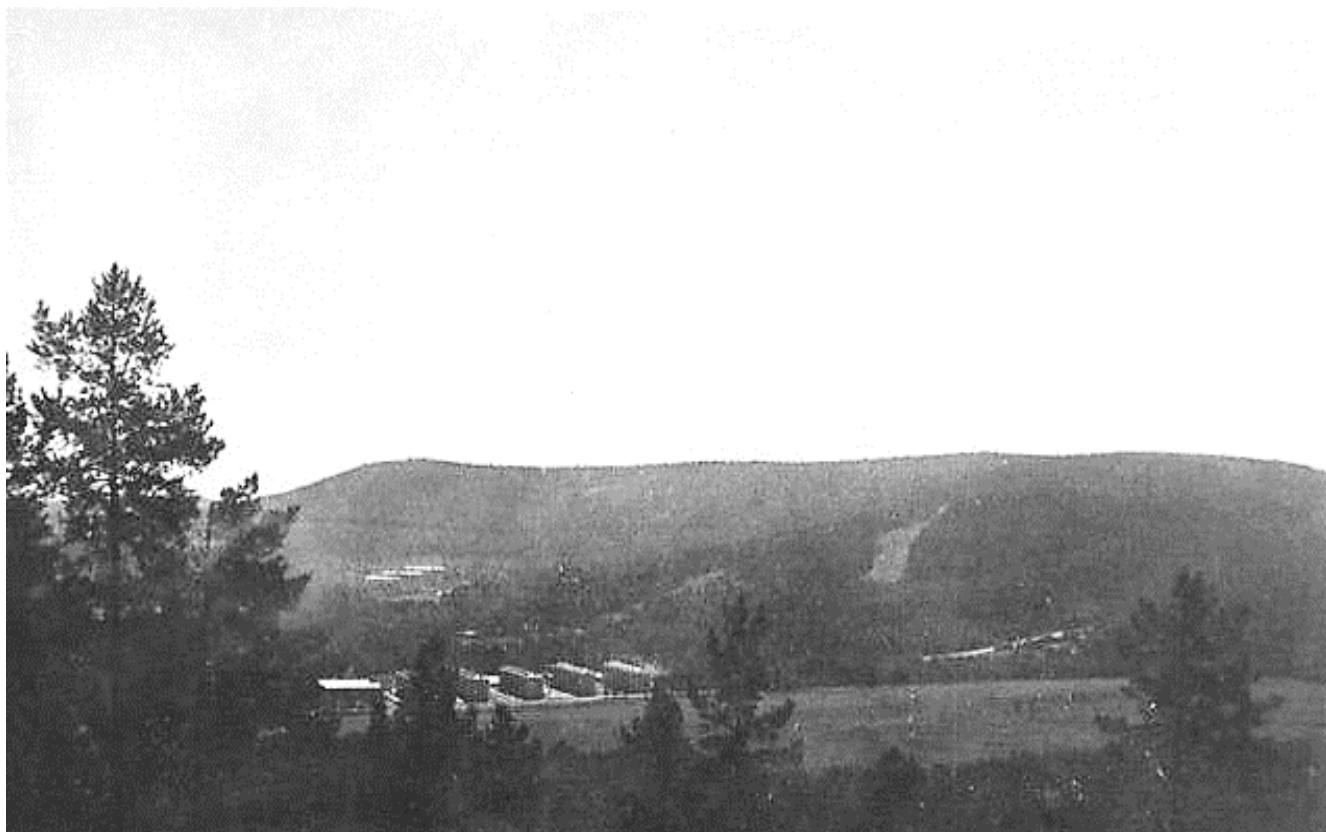
Прошло некоторое время, и я обратился к заместителю командира дивизии с просьбой отпустить меня на четыре дня в Калинин собрать вещи и приготовить их для отправки контейнером в Чистые Ключи, первоначально он отказал мне. Тогда я заявил, что тогда уеду самостоятельно, дальше Забайкалья все равно не пошлют, мне дали разрешение на поездку.

Приехал в Калинин собрал вещи, благо все ящики, в которых я привез вещи из Германии, были разобраны на щиты. Вновь сколотил ящики и упаковал их, осталось только положить их в контейнер. Я уехал обратно в Чистые Ключи, а жене в дальнейшем пришлось отвезти сына в Молдавию, благо помогла ее мать, затем приехать назад в Калинин, отправить контейнер и сдать квартиру в КЭС (Квартирно-эксплуатационная служба) и получить справку о сдаче квартиры. Без этой справки на новом месте службы квартиру не предоставляли. Надо еще учитывать, что в связи с подготовкой Олимпийских игр в 1980 году, через Москву никого не пускали. Жене пришлось отвезти сына в Молдавию, затем вернуться в Калинин, для этого надо было как-то проехать через Москву для отправки контейнера и сдачи квартиры. После чего опять проехать через Москву в Молдавию. Так, что жене досталось сполна, такова судьба офицерских жен.

И снова Чистые Ключи дело шло к 1 мая. Приехал в Иркутск на склады, пока получали материалы смотрю, идет человек с банкой вина, а цвет вина гранатовый красивый. Остановил его, спрашиваю «где взял?», он говорит *«там на путях стоит вагон из Азербайджана с вином «Агдам», вино еще на разбавленное»*. Подошел к водителю спрашиваю, есть чистая канистра, он дал. Пошел, нашел вагон и попросил попробовать вино, попробовал вино чудесное, сухое, купил 20 литров. Вечером позвал офицеров, и мы разлили вино в трехлитровые банки, до 1-го мая. Когда разливали, зашел заместитель командира дивизии мы ему вручили одну банку к празднику.

Поехавшие на следующий день купили еще вина, в том же вагоне. Но вкус уже был другой, видимо начали разбавлять. Вино «Агдам» в бутылках никогда не употреблял, так как оно продавалось крепленным.

Подходит дело к концу, казарму подготовили, но для нашей бригады выделили другую казарму, и все пришлось начинать заново. Казарму выделили ниже плаца на первом этаже, на втором этаже располагалась вся мотострелковая дивизия кадра. При ознакомлении с помещением решил заглянуть в подвальное помещение. Спустились вниз, но пришлось вернуться, подвал был слегка затоплен. Нашли резиновые сапоги и вернулись в подвал, зрелище ужасное. Там стояли стеллажи на них гнило оставленное имущество, видимо бросила ушедшая дивизия, и огромное количество лыж. Ко всему прочему по трубам спокойно гуляли крысы, не обращая на нас внимания. Прошло еще несколько лет пока мы от них избавились.



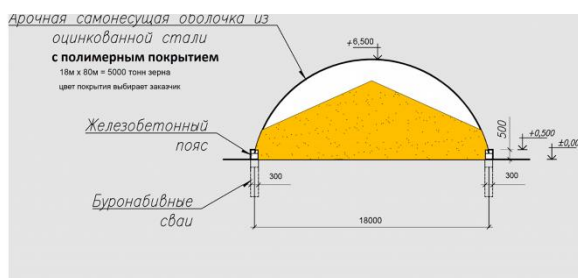
Казарму привели в уставной вид и приготовились к встрече дивизии. Начали приходить эшелоны, суэта, размещение бригад, разгрузка техники, постановка ее в парки, время пролетело быстро. Распределили квартиры в жилой зоне, мне досталась трехкомнатная, на третьем этаже, знал бы, что она мне принесет, то отказался бы. На втором этаже, подо мной получил квартиру новый командир дивизии. Перед отправкой дивизии в ЗАБВО командовать дивизией был назначен командир учебной артиллерийской дивизии, дислоцированной в Мулино.

Начали приходить эшелоны с техникой и личным составом. Некоторые офицеры приехали вместе с женами, личные вещи загрузили в грузовые автомобили. Загруженные автомобили стояли в парке до времени пока офицеры не получили квартиры.

Обжили казарму, обустроили в чистом поле парк для хранения техники и вооружения. Приходилось работать без выходных, даже когда в этом необходимость отпала. Офицеры нашей бригады написали письмо в газету «Красная Звезда» с просьбой объяснить можно лишать офицеров выходных дней. Газета переадресовала это письмо в штаб округа, приехало начальство, начались разборки и обещания наказать, но видно что-то не сложилось ведь это подписали все офицеры бригады. После этих событий и до конца своей службы газету «Красная Звезда» не выписывал.

Получил квартиру на третьем этаже и начал ремонт квартиры. Однажды попросил у старшины 1-й батареи стиральную машинку. Вскипятит два ведра воды, одно ведро залил в машинку, через пару минут кто-то стучит в дверь, оказалось жена командира дивизии с криком «что вы здесь делаете» я спрашиваю «а в чем дело» она говорит «у нас в комнате вода с потолка течет по люстре», не растерявшись я ответил «пол мою», она развернулась и ушла. Пошел в комнату к стиральной машинке, оказалось я забыл закрутить внизу стиральной машины пробку, и вся горячая вода ушла на второй этаж, плохое начало.

Начались повседневные будни, правда с выходными. Меня назначили начальником курсов подготовки офицеров запаса. Из военкоматов привезли 20 человек с высшим образованием. Поставили две палатки, где их и разместили. Начал проводить с ними занятия по всем предметам. На выходные отпускал домой, люди были добросовестные кроме одного, начал пропадать, иногда на несколько дней. Пришлось товарища отправить со сборов с сопроводительным письмом в военкомат и по месту работы. В советское время было строго, по первому письму сборы ему не засчитают и отправят снова, по второму лишат годовой премии на производстве и могли вычеркнуть из очереди на квартиру. От моих теоретических занятий офицеры запаса основательно устали, отвыкли слушать и писать конспекты. Вызвал меня командир бригады и сказал, что надо силами слушателей построить каркасный ангар под склад, надо убедить слушателей заняться строительством. Когда я довел просьбу до слушателей то они с удовольствием согласились.



ВЫГЛЯДЕЛО ХРАНИЛИЩЕ ПРИМЕРНО ТАК



Я в строительстве ничего не понимал, но среди слушателей были люди разных специальностей и мне оставалось только руководить. В один из дней строительства приехал командир дивизии и начал задавать вопросы, касающиеся стройматериалов, я ответил, что не разбираюсь в этом. Тогда он спросил меня *«а как вы дослужились до подполковника»*, пришлось ответить *«я все время командовал людьми, у меня специальность командная, а для возведения хранилища я подобрал инженеров, у них специальность строителя, они говорят, что им необходимо, а я их обеспечиваю строй материалами»*. Командир дивизии ничего не сказал, сел в машину и уехал. Я ему ответил так потому, что он вырос до генерала исключительно строительством, это он командовал учебной дивизией в Мулино, которая, занимаясь строительством не выполняла своих задач подготовки сержантов для войск. Вероятно, он все понял, поэтому смолчал и уехал.

Хранилище мы построили, приписной состав попросили их отпустить домой в качестве поощрения. Я этого сделать не смог и пояснил, что надо обратиться к командиру бригады, вопрос командир бригады решил. Стройки продолжались все время существования дивизии в ЗАБВО

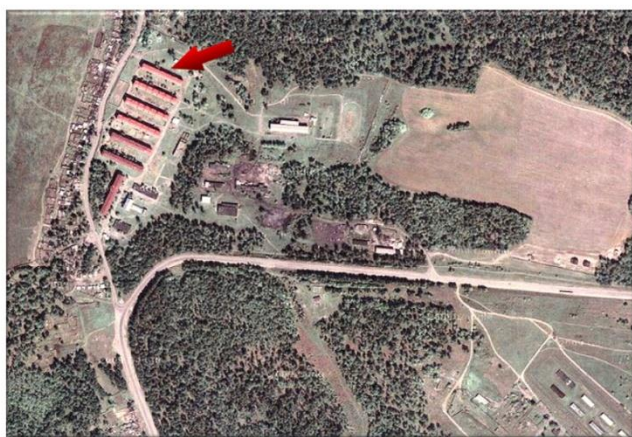
В пятницу подошли ребята и предложили спуститься по реке Иркут на надувных лодках, я предложение принял. В путешествие по реке нас собралось шесть человек, как раз на экипажи двух лодок. Рано утром в субботу мы сели в УАЗ, командира дивизии, ребята договорились с сыном командира дивизии. На машине мы поехали в верховье реки Иркут и приготовились к путешествию. Плыть по реке было замечательно, природа вокруг великолепная, вода в реке чистая, можно было ее пить. Плыли по реке, течение быстрое, местами были перекаты, но мы управились хорошо. К вечеру остановились на небольшом островке, наловили мальков на них поймали пару рыб, сварили уху, поужинали и легли спать.



Утром продолжили путешествие и где-то после обеда достигли Чистых Ключей, отдохнули на славу, жалко не взяли с собой фотоаппарата.

Прошло время, и мы приступили к занятиям, началась обычная служба. Наконец приехала жена с сыном, к этому времени квартира была готова к их приему. Меня опять назначают на 1-й дивизион, забот прибавилось,

начальника штаба назначили одновременно на роту КЭЧ, короче остался без начальника штаба. Но через полгода выбил себе начальника штаба, мы с ним служили в ГСВГ в одной дивизии. Командир бригады и в Забайкалье продолжил выпивать, благо у нас было много спирта для обслуживания аппаратуры боевых машин ПТУР. Один из случаев его отношения к службе – утром построились офицеры перед парком, подъезжает машина из нее выходит командир бригады, еле стоит на ногах и говорит: *«Вы чего тут собрались марш домой»*. Начальник политотдела бригады схватил его, закинул в машину и приказал водителю отвезти командира домой, а офицерам скомандовал *«всем по рабочим местам»*. Перед перемещением дивизии зам. по тылу бригады ушел на пенсию и вместо него был назначен новый, невысокий кругленький с красными щечками, вот они как бы подружились с командиром бригады на фоне спирта, человек он был не самый приятный, как-то в коллективе на прижился. В основном, мы занимались в служебное время согласно расписанию занятий и распорядка дня. Так как солдаты были только в 1-м дивизионе и в роте обеспечения личный состав дивизиона привлекался к обслуживанию техники НЗ и другим хозяйственным работам. Дабы выполнять расписание я поднимал дивизион по тревоге, в занятные дни по тревоге и выводил его на занятия в тайгу, там предыдущая дивизия создало место для занятий.



ЖИЛОЙ ГОРОДОК



КАЗАРМЫ И ПЛАЦ



Возвращались мы в часть где-то к 12 ночи, солдаты были довольны, а офицеры получали необходимые навыки необходимые им при службе в развернутых частях.

За дивизионом, как я писал ранее, был закреплен пункт приема личного состава загруженный на семь автомашин УРАЛ. В один из дней приехало окружное начальство, утром нас построили на строевой смотр и через некоторое время объявили тревогу. Мы в парадной форме убыли в парк и выехали в обозначенный район, где и развернули пункт приема личного состава. Для подсветки палаток у нас был бензиновый движок, он как и должно было быть не заработал, благо у нас в ящиках были керосиновые лампы и при проверке они спасли наше положение, замечаний не было. При нахождении в районе развертывания я подошел к УРАЛу и, к своему ужасу, увидел, что переднее колесо крепилось всего лишь на двух гайках, а ведь для прибытия в район мы поднимались на высокие сопки. Колесо могло оторваться, и машина перевернулась бы, недостаток был устранен, водитель наказан, повезло.

Шло время мы по-прежнему выезжали на занятия, совершали марши по незнакомой тайге и однажды увидели дорогу из бревен. Я решил вести колонну по ней, постепенно дорога погружалась в воду, но уралы и боевые машины очень проходимые, проблем не было. В конце дороги мы заехали



ШТАБ ДИВИЗИИ



СОРЕВНОВАНИЯ



на остатки старого городка ракетчиков, остались казармы и боксы для техники, но частично разобранные. Я читал книгу о предателе полковнике Пеньковском, во времена Хрущева, генерального секретаря ЦК КПСС, он предоставил НАТО карты расположения стратегических ракет Советского Союза. Вероятно, это была один из военных городков ракетчиков, глубоко в тайге. В другой поездке зимой в тайге мы въехали в старый лагерь для заключенных, видимо когда-то валивших лес.

Немного далее были штабеля бревен, но они были огромные, такие деревья давно отсутствуют в тайге. Он были настолько огромны, что их не вывезли, кто и как их складывал непонятно. Когда через некоторое время в тайге был пожары, огонь дошел и до этих штабелей бревен, подойти к ним не представлялось возможным.

Мои отношения с командованием бригады и офицерами бригады были нормальными, дивизион был лучшим в дивизии. Меня представили к награждению орденом «Красного Знамени», и я вновь написал рапорт в академию. И в один из дней меня, командира бригады и его замов вызывают к командиру дивизии. В кабинете командир дивизии задает мне вопрос *«а вы в тюрьме не сидели?»* я ответил *«не сидел и сидеть не буду»*. Затем последовало пояснение, что мол мои подчиненные украли секретную аппаратуру с радиостанции соседней дивизии. И командир дивизии задал вопрос командиру бригады о том, как я служу, он сказал, что у меня отличный дивизион и молодые офицеры хотят служить в моем дивизионе. Я не стал слушать дальше развернулся и вышел из кабинета. Стало ясно, что ордена я не получу и в академию рапорт не будет подписан. В коридоре первого этажа начальник 8-го отдела остановил меня и сказал, что моих подчиненных там и близко не было, я ответил, что в этом не сомневаюсь, тогда он спросил почему тогда меня обвиняют, я ответил *«моя квартира находится над квартирой командира дивизии»* вот и вся причина.

Однажды был мой день рождения, были гости, у меня на полу ковер, гости были без обуви. В 10 часов вечера стук в дверь, открываю стоит дежурный по дивизии. *«Вячеслав извини, но командир дивизии сказал, что у вас тут пьянка, шум гвалт»* я его спрашиваю *«так что ты услышал?»* он ответил *«ничего, но ты извини, мне приказали»*. Гости услышали стали расходиться, жена пошла провожать. Я остался один и так психанул, что мог сделать, что-то непредвиденное, но взял себя в руки и успокоился.

На одном из совещании командир дивизии рассказывал, как я, приходя на обед одеваю с сыном (а ему тогда было всего один год) кирзовые сапоги и хожу по комнате.

Мне надоело быть лучшим в бригаде и плохим в дивизии, я добился перевода во 2-й дивизион, кадра, там был спокойней. Занимался совершенствованием своих знаний и обслуживанием техники,

командирами батарей у меня были офицеры, прибывшие из Афганистана. Читал лекции офицерам по военной истории.

Как-то раз бригаду по артиллерийско-стрелковой подготовке на винтовочном полигоне проводил командир дивизии. Дошла очередь и до меня, стрельба с дальномером, за дальномерщика командир бригады произвел первый выстрел, ввел корректуры, полученные от дальномерщика, второй выстрел, вижу, что дальномерщик дает неправильно корректуры, повернулся к командиру дивизии и не успел ничего сказать, как он говорит *«дальномерщик пьян, ведите огонь без дальномера»*, отстрелялся получил четверку.

И вновь меня назначают командовать 1-м дивизионом, одновременно меня выбирают председателем партийной организации дивизиона и в парткомиссию, а заодно и председателем народного контроля в бригаде и замом в дивизии, *«море радости»*.

Принимая первый дивизион, я к рапорту приложил Перечень недостатков и написал, что дивизион не боеспособен. Но никто на это внимание не обратил. В один из дней приехал комиссия ставки и меня вызывают на партийную комиссию за небоеспособное состояние дивизиона, я попросил принести мой рапорт, на котором было указано о приложенных семи листах к нему. По прочтению моего рапорта ко мне вопросов больше не было. При отсутствии Перечня недостатков меня могли снять с должности, тем более при особом отношении ко мне командира дивизии.

В один из дней едем мы в машине командира бригады на винтовочный полигон, проверял командир дивизии, в машине ехали еще командиры дивизионов, один из них тот который передал мне дивизион, он был пьян и начал меня оскорблять. Прибыв к полигону все зашли в помещение, на улице остались я и этот пьяный. Он пытался меня ударить ногой, но я его перехватил и ударил об дверь, он опять попытался ударить меня, но опять неудачно, тут вышел командир бригады, и я его попросил убрать эту пьянь иначе он сильно пострадает, да и неудобно позорить бригаду перед командиром дивизии. Прошло три дня, и бывший командир 1-го дивизиона не извинился, пришлось ему побывать на партбюро и извиниться передо мной публично.

Дальше опять армейские будни, зимой такая красота, особенно когда едешь на гусеничном тягаче (МТЛБ) по полю, все равно, что плывешь на катере по реке.

И снова армейские будни. Пришел в парк хранения техники, заметил у бокса лежит двигатель от БРДМа. Вызвал сержантов, спрашиваю откуда двигатель, они помялись, ну а затем рассказали, что хотели заменить на одном из наших БРДМ двигатель, а так как на складе таких не было то ночью вчетвером сняли двигатель на БРДМе в реактивной бригаде, причём он стоял перед помещением дежурного по парку. Сделать это очень сложно.

БРДМ предназначен для перемещения по земле и по воде. Двигатель очень сложно достать, а кроме этого, его вынимают с помощью крана. Позвонил командиру реактивной бригады и попросил его прийти в парк. Он пришел, и я показываю командиру БРДМ и попросил его дать команду дежурному по парку открыть крышку двигателя. Дежурный открыл крышку и сам собой внутри было пусто, двигателя не было. Я сказал командиру реактивной бригады, что мы все поставим на место. Он отказался и приказал своему дежурному по парку самостоятельно все восстановить.

Выполняя расписание занятий на неделю, я в 5 часов утра поднимал дивизион по тревоге, в зимнее и летнее время и выезжал за реку Иркут в тайгу на занятия, места там было достаточно, от ушедшей мотострелковой дивизии остался заброшенный учебный центр. Возвращались как правило к часам 12 ночи. Как ни странно, но за семь лет службы в ЗАБВО я не видел, чтобы кто-то из бригад дивизии выезжал на занятия, учил свои подразделения маршевой подготовке. Все остальные бригады занятия проводили в парках, в местах постоянной дислокации.

Выпал мне отпуск в феврале куда поехать? Вместе с женой поехать в отпуск невозможно, сын еще маленький. Оказалось, что в дивизии были путевки на турбазу Чегет, на Кавказе возле Эльбруса. Решил поехать покататься на горных лыжах. Когда служил в Калининне я ездил на турбазу в Карпаты, там я и освоил горные лыжи. Полетел в Москву, затем полет во Владикавказ и автобусом до турбазы. Поселили меня в двухместном номере с военным летчиком. На турбазе был бассейн и сауна, никаких забот только отдыхай. Познакомился с нашей группой, таких как я, по возрасту и званию в ней не было, в основном молодые офицеры и девушки, инструктором у нас была женщина. Совсем забыл, пока ожидал перелета во Владикавказ, так как времени было много, решил поехать на Красную площадь, погулять по вечерней Москве. Гуляю по городу и обратил внимание, что на всех перекрестках милиция и машины ГАИ. Подошел к Красной площади, у музея Ленина стоят машины с солдатами внутренних войск, из машины слышно как работает радиостанция. Понял, что что-то случилось, но ведь нигде ничего не объявляли. Зашел на площадь, там военные патрули и видно ребята из службы безопасности, решил вернуться в аэропорт. Через два дня все прояснилось. Когда я был на зарядке, за турбазой, там был еще один отдыхающий, он мне и сказал, что Брежнев умер и меня искали, чтобы я выступил с траурной речью, но не найдя меня нашли майора, отдыхающего, ему и пришлось выступить.

Утром мы вставали, шли на зарядку, завтракали, экипировались и выдвигались к подъемникам, до них было метро пятьсот, точно не помню. Поднявшись на подъемнике на не сложную трассу начинали кататься, было чудесно, сильное солнце и тепло, благо, что взял очки, можно было даже загорать. К 12 часам спускались вниз, перекусив шашлыками и выпив пива

выдвигались на турбазу. Затем обед, небольшой отдых и шли немного поплавать в бассейне. Вечером иногда посещали сауну. В один из дней решили подняться на Эльбрус по канатной дороге, с непривычки страшновато. Поднялись на верх и созерцали как бесстрашные люди на лыжах мчались вниз. Посмотрели и вернулись на базу, время на турбазе провел чудесно, отличный отпуск, жаль, что был один. Но все хорошее заканчивается, вернулся к месту службы.

А в бригаде все по-прежнему, командир бригады пьянствовал, жена к нему так и не приехала. Однажды ночью заместитель командира дивизии шел по жилому городку и увидел УАЗ-469 нашего командира, подошел к нему и увидел в машине несколько женщин и нашего командира, после такой встречи рапорт об его увольнении был отправлен в штаб округа и его уволили на пенсию, на 30 процентов. И к нам в бригаду был назначен новый командир, третий за время моей службы в бригаде. Все вроде наладилось и вот вызывают меня к командиру дивизии. Ну думаю опять какая-то пакость, в общем-то не ошибся. Оказывается, речь пошла о поездке в Афганистан. Дело было в том, что один из командиров дивизионов пушечного полка написал рапорт об отправке его в Афганистан, но на проверке получил двойку по мобилизационной подготовке и ему рапорт не подписали. Вызвали трех командиров дивизиона, один только, что закончил академию заочно, второй бывший студент, ну и я третий. Первый командир дивизиона согласился бы поехать, но на вышестоящую должность, на равнозначную отказывается, второй просто отказался, он в свое время окончил не военное училище а институт. Пришла моя очередь, вероятно командир дивизии думал, что я откажусь и тут он меня прижмет. Меня спросили желаю ли я ехать, я ответил *«согласен»*, начальник политотдела дивизии спросил *«а чего это вы так легко соглашаетесь»*, он недавно прибыл в нашу дивизию и не был в курсе наших взаимоотношений с командиром дивизии, я ответил *«я офицер и к этому меня всю мою службу готовили»*. Начальник политотдела дивизии сказал, что можно будет поступить в академию, я ему ответил, что ранее меня не пустили и попросил разрешения идти. Многие были удивлены моим согласием, в дивизии офицеров отправится добровольно в Афганистан не было.

Я начал готовится к отъезду, приготовил свои ящики для отправки в Молдавию, затем мне предоставили отпуск, и мы поехали к родителям. В середине отпуска пришла телеграмма, что командировка отменяется, я *«очень расстроился»*, опять повезло.

Причину отмены командировки я узнал позже, когда проходил комиссию для поступления в академию встретил начальника госпиталя и сказал ему, что у меня все в порядке, он почему-то слегка выругался и сказал, что они, перед отправкой в Афганистан забыли что-то проверить и он получил за это выговор. Это меня спасла медицинская книга, мои лечения в госпитале во время службы в ГСВГ.

Отпуск закончился и опять приятное известие заместитель командира по боевой подготовке был назначен командиром дивизии, третий за время с моей службы в дивизии. Когда он был заместителем командира дивизии ему нужно было выбрать место в тайге для создания учебного поля, а так как тайгу знал только я меня то в проводники назначили меня. На уазике мы поехали за речку в тайгу, заехали далеко и тут машина застряла, а лопаты у водителя не было, радиостанцию мы не брали, оставив водителя мы с замом пошли пешком обратно в расположение дивизии. Шли долго и по дороге поговорили о многом.

На одном из дежурств где-то в 23 часа пришел офицер из мотострелковой дивизии и обратился ко мне за помощью. Попросил подъехать с ним за город Шелехов, вытащить застрявшую машину, так как дежурная машина была с лебедкой. Сели поехали, надо же было помочь. Подъехали к месту *«застрявшей машины»*, и я пошел посмотреть как нам ее вытащить. Оказалось, что ситуация была совсем иная чем мне было рассказано. Машина ЗИЛ 131 с будкой висела, зацепившись запасным колесом за дерево и практически стояла на краю обрыва, а внизу проходила железная дорога. Я спросил, как это произошло? Офицеры на этой машине возвращались вечером в дивизию и решили перекусить, отъехали от дороги и поставили машину на горке. Начали кушать и кто-то задел ручной тормоз, машина задом покатила к обрыву, один офицер с перепугу открыв дверцу выпрыгнул из кабины и сломал ноги, оставшимся двум повезло, машина уперлась в дерево, и они не пострадали. Надо было как-то оттащить машину. Оценив ситуацию, я сказал, что помочь им не могу, нет желания спустить свою и их машину с обрыва. Посоветовал им пригнать танковый тягач, что они позже и сделали.

В один из дней меня вызывали к командиру дивизии и объявил, что в связи с тем, что дежурный по караулам не справился со своими обязанностями, я заступаю на его место и я должен задержать офицера, с нашей бригады, который напился и буянит. Старый дежурный по дивизии не сумел его задержать. Заступил на дежурство, взял двух солдат, нашел этого офицера в районе кочегарки в жилой зоне, связали его и посадили на гауптвахту. Этот офицер, при переезде дивизии в ЗАБВО был переведен к нам из учебной дивизии в Мулино, короче говоря избавились от него, очень долго он был командиром учебного взвода и постепенно спился. Его уволили, через некоторое время, он на гражданке перестал пить, затем освоил профессию, стал помощником машиниста, а затем и машинистом. Не всем дано выдержать армейскую службу будучи офицером. Через много лет мы нашли друг друга в фэйсбуке.

Ежедневная рутина – обслуживание техники НЗ, занятия. Старшие офицеры ходили в наряд дежурными по дивизии. В 18.00 развод караулов

на плацу и далее построение подразделений на плацу для следования на ужин, отбой личного состава. Ночью надо проверять службу внутреннего наряда в бригадах и караулы. В дивизии было два караула, один был внутри расположения дивизии, при нем была гауптвахта, второй караул был в 14 км. за расположением дивизии в сопках. Всю ночь не спишь, а утром докладываешь командиру дивизии о результатах проверок службы. О мелких недостатках я обычно докладывал командирам бригад, ну а происшествиях командиру дивизии и они, к сожалению, бывали. Так однажды позвонили из жилой зоны, что подъехала автомашина УРАЛ и в ней были солдаты, один из офицеров заскочил на подножку автомобиля и заглушил его, а один из солдат выскочив из машины схватил доску, она оказалась с гвоздями и ударил офицера по голове, после чего солдаты убежали. Я подъехал в жилую зону, автомашину перегнали в автопарк дивизии, после чего доложил оперативному дежурному о происшествии, в это время из парка позвонили, что машину УРАЛ угнали из парка. Выбежал из штаба и на дежурной машине ЗИЛ-131 поехал вдоль парка по шоссе, не поедут же они через ворота КПП. Вижу из парка в сторону шоссе едет УРАЛ, мы немного проехали вперед и перерезать ему выезд не сможем. Приказал водителю проехать вперед и развернутся я выскочил из машины и побежал на встречу угонщикам. Они выезжали прямо на меня, я отскочил в сторону и произвел выстрел вверх, кто-то с перепугу включил свет в кабине, и я отчетливо увидел трех солдат. У меня была возможность их троих расстрелять, все это было очень быстро, а мне казалось, что все происходит очень долго. Я успел принять решение не стрелять в них и отскочил правее, пропустив машину вперед произвел три выстрела по колесу, затем стрелял вслед машины на уровне их ног, боялся попасть в бензобак, последний восьмой выстрел я произвел вдогонку наугад. Подъехала дежурная машина поднял бодрствующую смены, и мы выдвинулись в село, в 3-х километрах от жилой зоны под названием Введенщина. В этом селе после 18 часов можно заходить в любой дом, картина интересная такое ощущение, что произошел, как-бы взрыв нейтронной бомбы, все кругом целое, а люди лежат без движений. Кто сумел добраться до дивана, кто не дополз, в живых одна собака. Обыскали село, думал, что они где-то там спрятались, не нашли. Ночь в поле ничего не видно. От оперативного дежурного узнал, что выделялась команда от одной из бригад в тайгу на заготовку леса. Доехал до их места расположения, проверил солдат, все в порядке, только трое отсутствовали, старший команды прапорщик в стельку пьян, загрузил его и отвез на гауптвахту. Рано утром, как рассвело поехал искать УРАЛ по полям. Эти негодяи, заехали на поле и заснули. Мы их задержали и отвезли на гауптвахту. Утром, во время доклада командиру дивизии пришлось его огорчить. Потом был показательный суд над этими солдатами. Прокурор сказал, что мне не надо присутствовать на нем в качестве свидетеля, в моей объяснительной все подробно и точно пояснено о случившемся.

Иногда при проверке караула склада боеприпасов, ночью в зимнее время, когда поднимались на вершину сопки, очень часто наблюдалось северное сияние, а иногда дорогу перебегали олени, ведь вокруг тайга.

Пришел приказ провести с занятия приписным составом, к нашей части был приписан личный состав строительного полка дислоцированный в населенном пункте Мама, одноименная железнодорожная станция, примерно на середине пути от Москвы до Дальнего Востока. Меня назначили старшим команды, в команду входило четыре офицера, оружейный расчет, тягач МТЛБ и ЗИЛ-131, с собой взяли и автоматы с боеприпасами. Задача обучить приписной состав работать у артиллерийского орудия, срок командировки одна неделя, следовать к месту занятий по железной дороге. Подъехали на погрузку к платформе в Шелехово, а тепловоз подъехать не может, все занесено снегом. А у нас тягач был с отвалом, лопатой, которая с помощью гидравлики крепилась сзади тягача. Я сел на место механика, заехал на железнодорожный путь, потихоньку опустил лопату и потихоньку проехал до станции Шелехова, таким образом путь был расчищен. Загрузились на платформы, для личного состава подцепили пассажирский вагон и мы поехали. Прибыли на станцию Мама, разгрузились и поехали в строительный полк, он был за населенным пунктом. Прибыли в полк, встретили нас хорошо, командир полка был из Молдавии. Предоставил ему продовольственный аттестат а он говорит я на хозрасчете, мне аттестат не нужен я вас и так прокормлю. Для солдат ваш приезд праздник. Полк состоял из рот и комендантского взвода у которого были карабины, больше оружия в полку не было. Командир был хозяином, помимо хозяйства была и большая теплица. Первоначально с командованием полка проверили списки приписного состава, уточнили, кое кого заменили, затем довели план занятий. С приписным составом мы должны были провести стрельбы из автомата и занятия по тренировке расчетов. Вечером пришел командир полка и говорит к нему большая очередь личного состава полка желающих быть на занятиях, дело в том, что в строительных частях служили солдатами люди с судимостью, этих людей в списки приписного состав не включали. Я дал согласия, боеприпасов у нас не всех хватил. С каким удовольствием и желанием солдаты занимались и тем более стреляли с автоматов, решение было правильным. Надо было отправляться к месту постоянной дислокации, командир полка снабдил нас продовольствием с достатком, даже более. Колону построил, но ЗИЛ -131 не хотел заводиться, мороз был сильный, водитель лежал под машиной грел паяльной лампой, наконец-то машина завелась, приехали к платформе, загрузились и тронулись в обратный путь. Проверил личный состав, водитель выглядел очень плохо, видимо сильно простудился пока заводил машину. Что делать, где его оставить, воинских частей по дороге не было. Вспомнил старый способ лечения, у меня в чемодане всегда был бутылка водки, налили полный стакан волки с солью и черным перцем и заставил

его выпить этот напиток, он не хотел, так как никогда водку не пил, но все-таки выпил. Завернули его в тулуп и положили спать. Когда подъехали к Шелехово солдат был уже здоров. Разгрузились и прибыли в часть без происшествий.

Иногда удавалось отдохнуть на природе, летом с семьями выезжали на Байкал. Как-то познакомился с ребятами работающими на авиационном заводе в Иркутске занимающимися дельтапланеризмом. Я и еще один командир дивизиона из другой бригады решили к ним присоединиться. У меня была возможность брать ЗИЛ-131 и выезжать в бурятский автономный округ, там были высокие сопки, но без деревьев. Купил книги изучил воздушные течения и все, что необходимо для полета. Научили меня как управлять дельтапланом. Мы выезжали каждое воскресенье я забирал команду в Иркутске и ехали к сопкам. Это не значит, что мы сразу начали летать, смотрели как это делают другие, красиво. Нам ребята дали материал и авиационные крепления для создания собственных дельтапланов, мы купили материал. Один раз удалось полететь, но на этом все закончилось, командир дивизии узнав о нашем увлечении запретил нам заниматься полетами. Оказывается в округе разбился на дельтаплане полковник и был приказ запрещающий полеты. Но материал для дельтаплана не пропал я сделал чудесный спортивный уголок для сына, дети со двора просились к нему домой поиграться в спортивном уголке.

Периодически один из дивизионов нашей бригады, в любое время года разворачивался до полного штата на один месяц. В это время проверялась работа военкоматов о том насколько правильно приписывался личный состав запаса по военным специальностям и происходила учеба приписного состава, которая заканчивалась учением с боевой стрельбой. Была зима, готовясь к разворачиванию четвертого дивизиона пытались ночью завести гусеничные тягачи МТЛБ (Многоцелевой тягач легко бронированный), находящиеся на хранении 4-го дивизиона. Но не сумели и приняли решение позвать меня на помощь, ночью прибыл посыльный и я прибыл в наш парк. Все дело в том, что необходимо учиться не только по книге, но и у своих подчиненных, в свое время меня научили солдаты из приписного состава. Все решалось очень просто, когда знаешь, у тягачей (у нас были тягачи, произведенные в Польше и Болгарии) был недостаток у них зимой втягивающее устройство стартера замерзало и силы тока аккумуляторов тягача не хватало, чтобы оно заработало. Надо было вставить лом и сдвинуть его с места, дальше все просто, тягач заводился при помощи котла подогрева. Завели все 24 тягача, к разворачиванию техника была готова. Проверку осуществляла Ставка. На это разворачивание привлекли и меня, так как по военному времени я должен был исполнять обязанности заместителя командира бригады. Дивизион развернули и место его расположения находилось за рекой Иркут в тайге. Нашли большую поляну,

где должен был развернуться противотанковый дивизион и с боевой стрельбой отразить атаку танков противника. В мои обязанности вошла подготовка полигона для боевой стрельбы, это при морозе ночью до - 40 градусов. Мишени были подготовлены, но они должны были двигаться по полю. Лебедек для этого не было, необходимо для тросов установить ролики. Благодаря приписному составу мы выдалбливали в промерзлой земле ямки в них устанавливали тумбы, из бревен и заливали ямки водой, к утру все замерзло намертво. На тумбы устанавливали ролики, затем начали растягивать стальные тросы это где-то 2 километра в одну сторону и + 2 км. в другую. Должно было быть шесть направлений, тросы тянули гусеничные тягачи. К утру мишенное поле было готово. Боевые стрельбы прошли успешно, без проблем.

Мне вновь удалось перейти на дивизион кадра. Но бездельничать не пришлось. Снова был назначен на курсы подготовки офицеров запаса, начал проводить занятия, с удовольствием, но недолго. Командир дивизии поставил задачу, в ближайшее время ожидалось развертывание гаубичной бригады на месяц, необходимо было заготовить лес, был выделен участок в тайге, на улице зима. Срок дали месяц. Приготовились к жизни в тайге, получили все необходимое, приехали на место лесозаготовки. Приписной состав обратился ко мне, они сказали, что могут заготовить лес за две недели, если им предоставят на неделю отпуск. Сам я решить этот вопрос не мог, обратился к командиру дивизии, он дал добро. Приписной состав свое слово сдержал, мы тоже свое слово сдержали. Прошло несколько дней, вызвали командиру дивизии. Он говорит, что так как заготовленный лес находится на холме гаубичная бригада не может его забрать, заехать на холм не могут. Я сказал, что покажу им как это сделать. Взял Урал и поехал, прибыв на место включил в кабине переключатель для езды по заболоченной местности, все колеса на машине с подкачкой, можно установить необходимое давление в шинах, проходимость увеличивается. Сел за руль и поднялся на вершину холма, затем объяснил офицерам как это делается, прибыл к командиру дивизии и доложил ему о том, что лес вывозится.

Прошло пару недель и снова я у командира дивизии, получил задачу построить в тайге городок для приписного состава гаубичной бригады, (это около 3 000 человек) который призовут на сборы. Опять я с приписным составом строю городок из нами же заготовленного леса, его перед этим распилили на доски. Городок был готов своевременно. В каждом домике были лежаки для сна, столы, проведено электричество. Об исполнении было доложено командиру дивизии. Началось развертывание гаубичной бригады и как всегда ночью меня вызывает командир дивизии, сажает в машину, и мы вместе с ним едем в городок. Командир дивизии делает мне замечание, что нет электричества в лагере, я отвечаю ему, что просто надо вкрутить лампочки. Он крикнул водителю, чтобы он развернулся,

возвращаемся в штаб дивизии, был вызван заместитель по тылу дивизии, загрузили коробки с лампочками в машину командира дивизии, и я поехал вкручивать лампочки. Приехал в первом домике вкрутил лампочку и чудо свет загорелся. Проблема была решена.

Через пару дней бригада загрузилась в эшелон и убыла на полигон Дацан. К бригаде было приписано около пятидесяти машин ГАЗ-53, их оставили в постоянном месте дислокации для перевозки угля на котельную, обогревающую гарнизон. Старшим над водителями назначили моего начальника штаба дивизиона. И снова вызов ночью, прибываю в часть, в казарме гаубичного полка находится командир дивизии, командир бригады и его замы, а на куче постельного белья сидит пьяный мой начальник штаба. Меня назначают командовать водителями. Утром собрал водителей, поговорил с ними, объяснил задачу и порядок взаимодействия, надо было ехать в Шелехов, где их загрузят углем после чего отвезти на кочегарку. С приписным составом мы нашли общий язык и задачу, поставленную перед нами, выполняли без проблем. Подошла пятница и водители обратились ко мне с просьбой отпустить их на субботу и воскресенье домой и обещали, что в 6.00 машины будут построены в колонну и готовы к рейсу. Была зима и водители не пользовались антифризом, чтобы в кабине было тепло, каждую машину надо было пролить кипятком и только после этого залить радиатор и завести машину.

Вечером в пятницу водители убыли домой, проживающим далеко я разрешил ехать на двух машинах, в казарме остались только дневальные.

Утром в субботу меня вызывал зам. командира дивизии и спросил, где водители, в субботу и воскресенье уголь не возили. Я все объяснил и сказал, что в 6.00 в понедельник машины будут готовы к выезду, он очень засомневался в этом и приказал доложить ему 6.00 в понедельник о готовности к выезду автоколонны.

Я прибыл в парк в 5.30 машины из парка вытягивались к КПП и к 6.00 вместе с водителями были готовы к выезду, о чем я доложил зам. Командиру дивизии. Правда одна машина не приехала с дальней поездки, ее из автопарка не выпустил начальник гаража, поэтому они приехали с опозданием. Проблем до прибытия гаубичной бригады не было, и мы попрощались с водителями по окончании сборов.

Был у нас в бригаде очень неприятный человек – зам. командира бригады по тылу, он никому не нравился, видимо когда дивизию перемещали в Забайкалье от него избавились, отправив к нам в бригаду, прежний зам. по тылу перед отъездом уволился по выслуге лет. Не сошелся он не только с офицерами бригады, но и с командованием бригады. До этого он дружил с уволенным командиром бригады, совместно пропивали спирт предназначенный для обслуживания техники. Обиженный, он написал жалобу на офицеров бригады в ЦК КПСС, в военный отдел. Приехала

комиссия, три полковника, когда их спросили как и где их расположить, они сказали: *«в бане мы дома помылись, а чай мы не пьем»*. Начали они проводить расследование по факту нарушений в бригаде. Так как я одно время исполнял должность, параллельно своей, зам. командира по вооружению, то я получал спирт для обслуживания БМ ПТУР, полковники меня вызвали на беседу. Оказывается в жалобе упоминалась и моя фамилия, нарушением было то, что я построил огромный гараж, машины у меня тогда не было. Я рассказал, что сарай был построен из обрезков древесины и предложил им поехать и посмотреть на сарай, они отказались. Тогда я им рассказал, как он вместе с предыдущим командиром бригады пропили 20 кг. Спирта, вместо выделения его на обслуживание БМ и сказал, что могу предоставить свидетеля, командира батареи. После меня на комиссию вызвали зам. по тылу и сказали ему, что если бы я написал рапорт до его бы посадили, после опроса, как рассказывали офицеры он вышел из кабинета как пьяный. Расследование закончилось, единственное нарушение – это командир бригады дал бутылку спирта крановщику кода мы обустроивали парк. Было еще и другое, все командиры дивизионов и начальники штабов, кроме меня имели взыскание за употребление спиртных напитков. И сразу после отъезда комиссии приехал командующий округа и собрал старших офицеров, он кричал на нас, в промежутке между его криков я спросил, *«а причем тут я?»*, он грозно на меня глянул, но тут же начальник политотдела сказал ему, что я представлен к награждению орденом и документы уже в Москве, тогда он сказал: *«Вы свободны»*, я ушел. Но на этом не закончилось, офицеры бригады, члены КПСС выступили с инициативой об исключении зам. по тылу бригады из партии за клевету. Состоялось партийное собрание и было принято решение об исключении его из партии единогласно, но в округе наше решение было отменено. Через некоторое время зам. по тылу уволился в запас.

В феврале я и командир бригады были награждены орденами «За Службу Родине» 3-й степени, за время создания дивизии и моей службы в ней награждено было этим орденом 4 офицера, из командиров дивизионов я был вторым. После награждения я написал рапорт в академию, он был подписан, но в связи с возрастом, на то момент мне уже было 32 года, я мог поступать только на заочное отделение. Через пару месяцев приехал представитель академии, ознакомившись с моим личным делом он побеседовал со мной. По тому как прошла беседа я понял, что я допущен к вступительным экзаменам. Это был мой 7-й рапорт.

Для сдачи экзаменов нас, поступающих во все военные академии, вызвали в воинскую часть, военный городок танковой дивизии, где в свое время служил Л.И. Брежнев. По прибытию я был назначен старшим над всеми поступающими, до прибытия представителей академий. На первом построении я объявил, чтобы все выполняли распорядок дня, в случае

нарушений я буду докладывать руководству, так как я хочу, также как и все поступить в академию. До прибытия представителей академии проблем не возникало. С прибытием полковника из академии, который со мной беседовал ранее я был назначен старшим над поступающими в артиллерийскую академию. Начались экзамены, все шло хорошо. Но на экзамене по материальной части артиллерии член комиссии из представителей дивизии, желая меня завалить задал вопрос, после того как я ответил на все вопросы билета. Полковник из академии сказал, что *«в спину не стреляют»*, но я сказал, что отвечу, после ответа вопросов не последовало. По окончании экзаменов я был зачислен слушателем военной артиллерийской академии.

Получил из академии приглашение на первую сессию и убыл в город Ленинград. Вот и сбылось мое желание учиться в военной артиллерийской академии. Из прибывших создали две группы, все старшие офицеры. Руководителем курса был назначен от академии полковник, с ним, как оказалось, я встречался при первом поступлении, он руководил поступающими. Проживали мы в общежитии на Литейном проспекте, недалеко от моста через реку Нева. Академия находилась напротив Финляндского вокзала за Невой.

Начались занятия, первое время было сложно, после стольких лет начинать учиться. Слушаешь пишешь, но соображаешь с трудом, но постепенно мозги разработались и учиться стало легче. Преподавательский состав был замечательный, за исключением преподавателя по тактике. Он вместо того, чтобы учить науке все сводил к знанию устава. Я на одном из занятий обратился к нему и сказал, что уставы мы можем изучать дома, а тратить на это учебное время нет необходимости, группа меня поддержала и преподавателя нам заменили. Новый преподаватель учил нас науке тактики. На одном из занятий он дал задачу и многие ее начали решать, так как большая часть слушателей побывала на Центральных артиллерийских курсах, а некоторые и дважды, а меня не отправляли на них, так как в основном я командовал личным составом. Преподаватель мне все объяснил и все стало ясно. Учиться было интересно и полезно.

Находясь в таком прекрасном городе как Ленинград, в городе с богатой историей, с красивыми зданиями и изумительными дворцами, со своей культурой, театрами, концертными залами, музеями, Эрмитажем, Русским музеем, Летним садом оригинальной атмосферой, с приветливыми и гостеприимными людьми, было бы грешно не ознакомиться с ним.

В выходные дни посещал Эрмитаж, когда удавалась купить билеты, посещал театр. В свободное вечернее время гулял по вечернему городу, знакомясь с его улицами, мостами, осваивая разные районы, благо метро в Ленинграде позволяет путешествовать по городу.

Сессия закончилась и получив задания мы разъехались по местам своей воинской службы.

И снова служба, а в свободное время изучение полученной секретной литературы и выполнение полученных заданий, отдыхать оставалось мало времени. Приходилось брать учебники на ночь и делать дома контрольные задания для отправки в академию. Времени днем не хватало, меня снова назначили на 1-й дивизион, как будто больше не был командиров дивизионов.

Дивизия собиралась ехать в Бурятию на боевые стрельбы, от нашей бригады поехало где-то шесть офицеров, плюс я старшим, и орудийный расчет на 85 мм. Пушку (заменитель штатных систем).

При загрузке я оставил офицеров возле себя, погрузкой руководили сержанты. А на платформах где грузились другие бригады шум гам по несколько офицеров грузили одну машину. Загрузились в эшелон и в путь.

Прибыли в Бурятию и переместились на полигон Дацан. Как- я уже один раз был там с сержантами и БМ «Фаланга», нам выдали 6 ракет для боевых стрельб сержантов, заодно взяли машину Тренажер, для тренировки расчетов. Дивизия тогда прибыла на полигон впервые. Расположили лагерь на равнине возле речки, поставили палатки, из своего опыта я приказал обкапать наши палатки, на случай дождя. После обеда рванул ветер и сильный дождь, весь лагерь поплыл, мы частично спаслись за счет обкапывания, но пришлось побороться со стихией. Дождь как начался внезапно так и кончился. Пришлось лагерь переместить на безопасное место. Приключилась еще одно происшествие, воду для кухни брали где-то рядом и после ужина потихоньку личный состав начал слишком часто посещать туалет, к утру эта беда постигла всех, от рядового до командира дивизии. Мне повезло я всегда возил с собой траву «Зверобой» и вечером чай не пил, для профилактики в столовую не ходил пил зверобой. Врачи быстро сообразив собрали местную траву, не помню ее название, заварили и проблема была решена. Воду стали брать в ближайшей воинской части.

Подготовили мишенную обстановку на дальности от 3-х до 4-х км. Приступили к боевым пускам, присутствовал командир дивизии. Первый пуск, ракета просто куда-то улетела не слушаясь оператора, второй пуск также был неудачным. На место командира БМ сел я, с трудом, но цель поразил. Ракеты были старыми, вероятно время их истекло, остальные пуски были удачными.

Так как уже был опыт дивизия установила лагерь на удачном месте, происшествий не случилось. Готовимся к боевым стрельбам. В свободное время тренируемся по арт. стрелковой подготовке. Тут подошла дата моего дня рождения. Пошли у чабана поменяли два аккумулятора от радиостанции, пастух их использовал для своего радио, поменяли на барана, шкуру он сам снял. Пошли вечером на берег реки из части

бараньего мяса сделали шашлыки, поймали рыбу, к счастью заметили, что рыбу есть нельзя у нее в брюхе что-то вроде длинных глистов, выбросили ее.

На утро у дивизии боевые стрельбы. Я поднял личный состав в четыре утра, орудейный расчет с офицером убыл на огневые позиции, а мы выдвинулись на наблюдательный пункт. Местность там своеобразная, высокие хребты а между ними небольшие долины. Заняли удобный НП провели разведку местности, установили ориентиры, пробыли по ним дальности, нанесли на карту. Со связью было не очень хорошо, пришлось делать ретранслятор, на вершину хребта установили радиостанцию и на НП провели телефон. Все дело в том, что у других были Командно-штабные машины и у них было все в порядке, а у нас не было, но мы справились. С огневой позиции сообщили о готовности к стрельбе. Когда мы был готовы появились остальные бригады и начали занимать наблюдательные пункты и огневые позиции, а также командиры бригад жаловались командиру дивизии, что я занял самый удобный НП, вставать надо раньше.

Выставили оцепление района боевых стрельб и было дано разрешение открыть огонь. Мы начали, после того как все офицеры выполнили огневые задачи я пошел и доложил командиру дивизии, услышав мой доклад он выругался и сказал: *«а эти еще пристрелку не начали»*, он имел в виду остальные бригады. Затем командир дивизии сказал своему заму по боевой подготовке проверить меня. Прибыли на НП я получил задачу и открыл огонь, со второго снаряда цель была поражена. Ничего не сказав зам. по боевой подготовке убыл с НП. Выполнить полученную задачу было нетрудно, все ориентиры были пристреляны и перенести огонь не составляло проблемы, расчет 95 мм. пушки работал отлично. Делать было нечего, оставив сержанта дежурить на НП мы пошли готовить обед, ведь еще осталась часть барана. После того как вся дивизия отстрелялась мы прибыли в лагерь и начали готовится к стрельбе прямой наводкой. Когда я получал на воинском складе боеприпасы, начальник склада попросил меня забрать бронебойные снаряды к 85 мм. пушке времен Великой Отечественной войны, чтобы избавиться от них, снаряд представлял собой металлическую болванку.

На следующий день выдвинулись на боевую стрельбу прямой наводкой, местность гористая, мишени установили на высотах, думали легко будет попасть. Но вероятно забыли про особенности стрельбы в горах. Я своих офицеров учил этим особенностям и мы поразили свои мишени, у остальных это не получалось. Командир дивизии потеряв терпение отправил их ко мне на учебу, благо снарядов у меня было много. Раньше они все время кичились тем, что они настоящие артиллеристы, а мы так вроде пехоты, пришлось напомнить. Учеба прошла успешно, бронебойные снаряды были использованы с пользой.

Эшелон прибыл в Шелехово, разгружаемся, сержанты руководят, офицеры наблюдают, пришел начальник политотдела и сделал мне замечание,

почему я не руковожу разгрузкой, я ответил, что это дело сержантов. Он побежал докладывать командиру дивизии. В это время несколько офицеров, другой бригады умудрились чуть не скинуть машину с платформы, печальное зрелище. Пришел командир дивизии и я ему доложил, что моя колонна готов к маршу, он мне разрешил убыть в часть, ни одна бригада к этому времени не разгрузилась.

День за днем служба, отъезд на учебную сессию в академию. По приезду через некоторое время, после сессии в секретную часть приходил чемодан с секретными документами. Из академии приходил задания и надо было их выполнять. Пришлось помимо службы в дневное время, сидеть по ночам, почти до утра выполняя полученные контрольные, курсовые работы. Надо было находить время для семьи, для занятия с сыном. Все приходилось успевать. Со службой проблем не было, все как-то решалось хорошо.

Но вот с продуктами в ЗАБВО было плохо. Все продовольствие было по талонам, купить, что-то на базаре было очень дорого, для примера купленная дыня на базаре стоила 14 рублей, а в Молдавии она стоила копейки. Да и не сильно большой ассортимент продуктов можно было купить. Нас выручал военторг, на каждую семью выделялись талоны, на мясо, колбасу, сливочное масло и т.д. Привозили китайскую тушенку, румынский печеночный паштет и другие консервы а, также фрукты из Азии, с Кавказа, все это также распределялись по семьям. С этим и были у меня небольшие конфликты, ведь распределялись не только продукты, но и дефицитные, в СССР, товары, вещи. До назначения меня в бригаде председателем народного контроля, все продукты распределялись на одну семью, но семьи по количеству людей были разные. Я начал выдавать по количеству членов семей. Некоторые старались подойти ко мне и поговорить об изменении распределения, потом возмущались. Пришлось на партийном собрании встать и задать вопрос делаю я что-либо неправильно, вопросов не было. После, этого я попросил больше на подходить ко мне с предложениями по одиночке, вопрос был решен.

Однажды вызвал меня начальник политотдела дивизии, ничего не сказав пригласил меня в машину и мы поехали в городок к магазину. Зашли вдвоем в магазин, а там все женщины с мотострелковой дивизии возмущались по поводу распределения дефицитного товара, шум стоял невероятный. Начальник политотдела быстро исчез, оставив меня одного. Я обещал женщинам решить вопрос, стало спокойно и все было решено в тот же день. Однажды перед Новым годом привезли сухую колбасу, а в этот день я был на контроле в магазине, ну я и разрешил продать всю колбасу. Решение было принято исходя из инструктажа командира дивизии, он сказал, что все распределять не независимо от должностей. На следующий день начальник политотдела в штабе дивизии говорил *«на хрена мне эта комиссия»*, так как ему сухой колбасы не досталось.

Пришла и моя очередь развернуть дивизион до состава военного времени, к счастью это было лето.

К развертыванию, заранее развернули пункт приема личного состава на другом берегу реки напротив Введенщины, но пошли дожди и наплавной мост установленный саперами оказался по середине реки Иркут и держался на тросах. Продукты у них заканчивались, а выехать через тайгу в Ангарск они не могли, так как местности не знали. Я ранее совершал марши через тайгу и выезжал в Ангарск, затем через Иркутск возвращался в Чистые Ключи. Вывести их можно было, но как перебраться через реку, скорость течения где-то око 15 км/час, а скорость МТЛБ на плаву 5-6 км/час, не переплыть. Тем более, что у меня был печальный опыт. Как-то мы выезжали на занятия по постоянному маршруту на учебное поле и переезжали Иркут за Введенщиной в узком месте. В колонне спереди шли МТЛБ, а за ними БМ ПТУР. Перед эти пару Дней шли дожди, прежде чем переезжать реку я остановил колонну, что-то мне место переправы не понравилось, решил проверить, сам сел за рычаги, а командир взвода сел наверху у башни и въехал в реку тягач вдруг мгновенно съехал в воду и поплыл, видимо гальку вымыло течением, попытка дать задний ход успеха не имела, и тягач понесло по течению, начало тягач разворачивать поперек течения. Я включил шестую передачу и начал разворачивать тягач вправо, меня накрыла огромная волна, ведь волноотражающий щиток я не успел поднять и так несколько раз, было страшно, я все время старался подплыть к противоположному берегу и это почти мне удалось, тягач сел на мель недалеко от берега, я поставил его на тормоз и включил заднюю передачу, только вылез из него, как его затопило. Солдаты на противоположном берегу нашли лодку, сумели подплыть к нам и перевести на берег. На наше счастье недалеко занимались саперные подразделения соседней дивизии и у них был ПТС (плавающий транспортер средний). Мы подъехали к тягачу, который надо было вытянуть на берег, я взял трос и добрался до тягача, подцепил его, а ПТС не мог его тащить, надо было снять с тормоза и выключить передачу, а месяц март, пришлось раздеться и нырнуть в тягач, снял со скорости и тормоза, дал команду и тягач вытянули на берег. Спасибо саперам. Пару раз прокручивали двигатель вручную, заменяли масло и опять прокручивали. После всех процедур завел тягач и на нем переехав через мост установленный выше по течению саперами переехал реку и колонна вернулась в парк, занятия закончились.

Естественно, что переплывать реку желания не было, людей выручать надо, командиру сказал, давайте я перепрыгну с моста на другой берег, только саперы пусть подымут сходни, при этом получился бы трамплин. Командир дал добро, саперы согласились. Я сел за рычаги и разогнав МТЛБ, насколько это было возможно перепрыгнул с моста на противоположный берег, правда в момент отрыва от моста я глаза закрыл. Правда саперы сказали, что еще один такой прыжок и мост поплывет по реке, тросы

державшие мост еле выдержали. Все обошлось и построив колонну вывел ее к городу Ангарску и далее по маршруту в наш парк.

СБОРЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРИПИСНОГО СОСТАВА



Пришел день приема приписного состава, подготовились, утром начал прибывать из военных комиссариатов приписной состав, в основном в пьяном виде, трезвых было очень мало. Пришлось их закрыть в одной из казарм, под присмотром офицеров до утра.

После завтрака я приказал личный состав привести в клуб и начал разъяснять цель их прибытия в воинскую часть, сколько будут длиться сборы, что мы будем делать, меры безопасности, после второго часа пояснений им очень хотелось пить, я им сказал, что вчера я им не наливал, поэтому надо потерпеть. После третьего часа занятий я сделал перерыв и поставил задачу убыть в парк для снятия техники с хранения, работали они с большим вдохновением. Затем построив дивизион подал команду механикам водителям выйти из строя и на одном из МТЛБ проверил их способности. Дело в том, что большинство из них были механиками водителями танков, разница между вождением танка и МТЛБ большая, вес разный. Пришлось объяснять, а затем показывать. К МТЛБ подцеплялась

пушка и при повороте можно было погнуть станины. Сняли технику с консервации подготовились к маршу.

Рано утром следующего дня построили колонну, позавтракали и в путь. Так река была не преодолима пришлось ехать к паромной переправе у одного из лесхозов. Паромщик обрадовался и мы начали переправу. Колонна состояла из 18 тягачей с орудиями, 9 БМ ПТУР Запасных тягачей, хозяйственного подразделения, всего не помню. После переправы совершили марш к месту будущего лагеря. Это место мы с командиром бригады, начальником штаба бригады выбрали заранее. Прибыли на место, разбили лагерь, оборудовали парк. Перед тем как разбивать лагерь я построил личный состав дивизиона и сказал, что если мы построим добросовестно и красиво лагерь, то начальство не будет к нам приезжать часто и мы сможем без помех заниматься боевой подготовкой. Та к и был построен лагерь. За месяц от командования дивизии было одно посещение, от командования бригады два посещения. С питанием у нас было все налажено, закладку тушенки и все остальное каждый день с раннего утра проверял один из офицеров. Кадровые и призванные на сборы офицеры питались вместе за одним столом во главе со мной. После приема пищи оставались остатки пищи, мы договорились с жителем села, отдавали ему остатки пищи, взамен у нас было свежее молоко и огурцы.

БОЕВЫЕ СТРЕЛЬБЫ. ПРОТИВОТАНКОВАЯ ПУШКА МТ-12



ПРИПИСНОЙ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ



В конце сборов мы выехали на боевые стрельбы. Так как первый выстрел за командиром и я начал. Расчет орудия приготовился к стрельбе, начальник штаба дивизиона указал мне цель, но мишень была у огромной деревянной катушки из-под какого-то кабеля, дельность около 1 800 метров. Стреляли мы в основном инертными снарядами. Но были и осколочные, мне показалось, что начальник штаба, что-то задумал, став за наводчика я навел орудие в цель и скомандовал осколочным зарядить, по готовности произвел выстрел цель была поражена, катушка разлетелась вдребезги. Начальник штаба прибил мишень гвоздями к катушке, решил пошутить, не удалось. Приступили к боевым стрельбам, приписному составу ранее не служившим в артиллерии произвести из орудия выстрел настоящим снарядом не так-то просто. Но понемногу дела пошли.



Приехал командир и начальник штаба бригады, ему не очень понравилось, я ему объяснил люди в первый раз стоят у орудия во время выстрела, со второго, третьего выстрела привыкают и цель поражают. Но он не хотел меня понимать, тогда я приказал начальнику штаба продолжать, а командиру бригады сказал: *«руководите*

сами» и отошел в сторону. Привезли обед, после него руководство бригады уехало и мы продолжили.

В полевом лагере был сухой закон. Однажды приписники приехав из дома, я некоторых на выходные отпускал домой, привезли 10-литровую канистру спирта, но я ее сразу забрал и сказал отдам после окончания сборов. Канистру хорошо закупорил и закрыл в сейфе, начальник штаба пытался вылить спирт переворачивая сейф, но у него ничего не получилось. Так по окончанию сборов она вернулась в Ангарск.

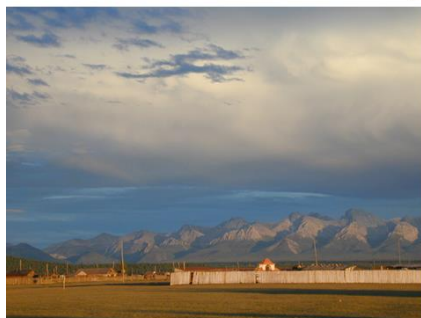
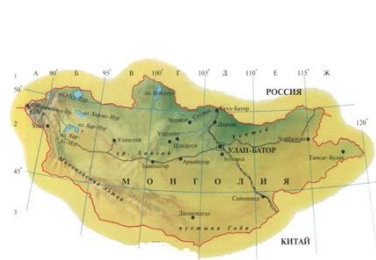
Сборы прошли отлично, научили приписной состав стрельбе с автоматов и артиллерийских орудий. Пьяных не было, происшествий также не было, приписной состав был также доволен все вернулись домой живые и здоровые.

И вновь повседневные будни и дополнительные обязанности. В один из дней вызвал меня зам. командира дивизии по тылу, мы с ним служили в Калинин и поставил задачу взвесить спирт на складе ГСМ. Пришел с докладом к нему, он спросил а где начальник ГСМ дивизии, я ответил, что не знаю. Дело в том, что это был мой сосед и он не однажды меня выручал, но зам по тылу этого видимо не знал. Он дал мне адрес в городе Шелехово, это в 10 км от Чистых ключей, и сказал, что там должен был быть начальник ГСМ. Поехал я в Шелехово, нашел его и сказал, что его ищут, он попросил не говорить о том, что я его нашел. Прибыл в часть доложил, что по данному

адресу его нет, на, что он мне говорит, а почему я ему не сказал, что мы соседи, но ругаться не стал и отпустил меня. Вот так пришлось исполнять общественную деятельность. В последствии начальника ГСМ дивизии уволили за пьянство.

Командование округа приняло решение проверить маршруты выдвижения дивизии в Монголию. Было принято решение от каждой бригады по два военных КамАЗа и по четыре офицера: командир бригад, начальник штаба бригады, два командира дивизиона. К походу я подготовился, взял Шмель (что-то вроде примуса, только на бензине), овощные консервы, спальный мешок и разное. В кузове одной машины была загружена большая емкость с водой, в кузове другой загрузили сено, чтобы ночь спать мягко.

Колонна дивизии построилась и мы поехали минуя Байкал в Бурятию на границу с Монголией, прошли пограничный контроль и въехали в Монголию. Я ехал в машине с начальником штаба бригады. После пересечения границы набежали монголы менять рубли на тугрики, поменяли, потом не знали, что с ними делать. Первая остановка в каком-то городке, рядом с советской воинской частью. Я понял, что девать тугрики некуда, купил на них несколько ящиков тушенки, учитывая наши проблемы с продовольствием. Колонна двинулась далее в сторону столицы Монголии Улан-Батор, но доехав повернули на север. Остановились у озера, большая часть бросилась ловить рыбу, ее там было очень много, монголы ее не ловили. На привалах я зажигал свой Шмель и готовил еду, офицерам бригады понравилось и из совместных продуктов я готовил, на кухню мы так и не ходили за время следования до приезда в место постоянной дислокации. Приехали в одну из воинских наших частей, что удивило, земли почти не было, кругом каменистая почва.



Затем повернули на запад, едем вдруг началась стрельба, оказывается на холме стояли три дикие козы, правда никто не попал. Переехали бугор, а за ним сидят три монгола и пьют чай, они даже не отреагировали. Поднимаемся в горы, они как большие холмы, затем на встречу нам идут огромные стада, похожие на овцебыков, затем множество верблюдов, поднялись выше, наверху огромные квадраты пшеницы, небо такое красивое, что стало жалко, почему я не художник, красота изумительная.

И снова колонна поворачивает на север, едем сплошная равнина. Смотрю едет телега, но как-то странно, кузов то поднимается, то опускается, объезжаем смотрю, а колеса не круглые, ну примерно восьмиугольные. На обочине дороги увидел валялось такое колесо, но не остановился, что – бы взять на память. Подъехали к озеру Хупсугул, привал и опять все бросились ловить рыбу, Хариус плавал прямо между ног. Озеро считается братом или сестрой Байкала, посередине острова остров, опять же красота невероятная, такое ощущение, что здесь не ступала нога человека. Прошел один буксир с баржей, видимо перевозил овец, баранов в СССР. У нас в магазинах продавали задние ноги баранов, зимой мы покупали много баранины и складывали на балконе, все это замерзло и до весны мяса хватало, правда надо было накрывать, а то птички любил поклевывать.

Утром пошел дождь и с возвышенности множество ручейков вливалось в озеро. Колонна тронулась, но ехать стало невозможно. Оказывается слой земли вокруг озера был очень тонкий и высоко проходимые Камазы не могли двигаться. Тогда с помощью блоков полиспастов машины понемногу помогая друг другу, по очереди потихоньку передвигались. (Блок-полиспаст служит для увеличения тягового усилия лебедки в два раза.) Настолько потихоньку, что мы проехали вдоль озера, одной стороны в течении, почти трех суток. Стало понятно, что в летнее время это маршрут непригоден. Да и в зимнее время когда мотострелковая дивизия, на чье место мы приехали, перемещалась зимой в Монголию и на озере провалилось несколько машин с личным составом.

За озером находилась таможня и мы переехав ее вернулись живые, здоровые, без потерь домой.

Назначен новый командир дивизии, если не ошибаюсь четвертый. С новым командиром дивизии я был знаком, он в Калинин был как и я начальником штаба дивизиона в реактивной бригаде. Через некоторое время он вызвал меня и спросил как я хочу продолжить службу начальником штаба полка в Забайкалье, в другой части или поехать на равнозначную должность в ЗГВ (ГДР), я долго не думал и принял решение ехать в ЗГВ, он одобрил мое решение.

Пришло время ехать в академию на сессию – третий курс, все прошло успешно, сдал все зачеты и экзамены, приехал домой. В штабе мне говорят тебе направление в ЗГВ, убыть через неделю, как будто бы нельзя было, оповестить меня раньше в Ленинграде, увы зависть никто не отменял. Надо было собрать вещи, часть отправить в Молдавию к родным, часть в ГДР, а это быстро не делается. Надо было рассчитаться в части. Начальник политотдела написал партийную характеристику и зачитал ее на бригадном партийном собрании, офицеры возмутились и он вынужден был все изменить и написал, такую как я заслуживал. Было лето надо было лететь самолетом, а билетов в Иркутске не достать, правда жена умудрилась их достать. Оставил жену с сыном в Чистых Ключах, она должна была еще сдать квартиру в надлежащем состоянии, т.е. сделать ремонт, в общем опять переезд, опять мучения на ее долю.

Прилетел в Минск вечером, пересел на другой самолет и прилетел в Брест. В тот день когда кончалось разрешение на пересечение границы я ее пересек.

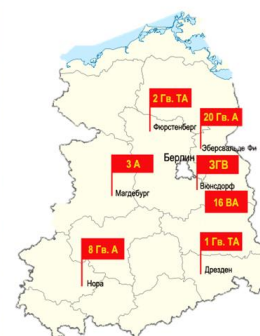
За все время службы артиллерийская дивизия и наша артиллерийская бригада ни в одном учении, в которых я участвовал за время службы в ГСВГ и ЗГВ, мы не участвовали.



СОВЕТСКАЯ АРМИЯ



ЗАПАДНАЯ ГРУППА ВОЙСК 2-я ГВАРДЕЙСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ТАНКОВАЯ АРМИЯ



1987 – 1991

После окончания Великой Отечественной войны в Германии, в советской оккупационной зоне 9 июня 1945 года была создана Группа Советских войск в Германии и 10 июня – Группа Советских войск приступила к реализации своих функций в Восточной Германии!

ГДР была образована 7 октября 1949 года на месте бывшей советской оккупационной зоны Германии на территории Восточной Германии через четыре года после окончания Второй мировой войны. В последствии ГСВГ, после создания Германской Демократической Республики, было переименовано в Западную Группу войск.

В конце августа 1994 года в результате вывода войск из Германии ЗГВ прекратила свое существование.

Год 1987 я на поезде пересек границу Польши, а затем границу ГДР и прибыл в город Франкфурт – на – Майне. Затем всех вновь прибывших офицеров привезли на пересыльный пункт, все было как и в первый раз. Пока разбирались кого-куда выдали аванс в марках ГДР, меня и еще одного офицера отправили в штаб 2-й гвардейской танковой армии, в Фюрстенберг.

Из штаба нас отправили на Витштокский военный полигон, та было место постоянной дислокации армейской артиллерийской бригады и располагались армейский склад, начальником которого был назначен мой попутчик, по пути следования с пересыльного пункта мы с ним подружились. Прибыл в бригаду, представился командиру бригады, я был назначен на должность командира 3-го дивизиона. Затем меня представили личному составу дивизиона, познакомился с офицерами и прапорщиками.

Бригада состояла из управления и тыловых подразделений и пяти дивизионов.

1-й и 2-й дивизион имели на вооружении самоходные пушка Гиацинт-С 2С5 152 мм.

3-й и 34-й дивизион имели на вооружении пушки -гаубицы Д-20 152 мм. и могли вести огонь ядерным боеприпасом. Дивизионы были 3-х батареинового состава, в каждой батареи было 8 артиллерийских орудий.

5-м был разведывательным артиллерийским дивизионом. Состоял из взвода управления, батареи звуковой разведки, радиотехнической батареи, фотограмметрической батареи, топогеодезическая батарея); батареи управления.

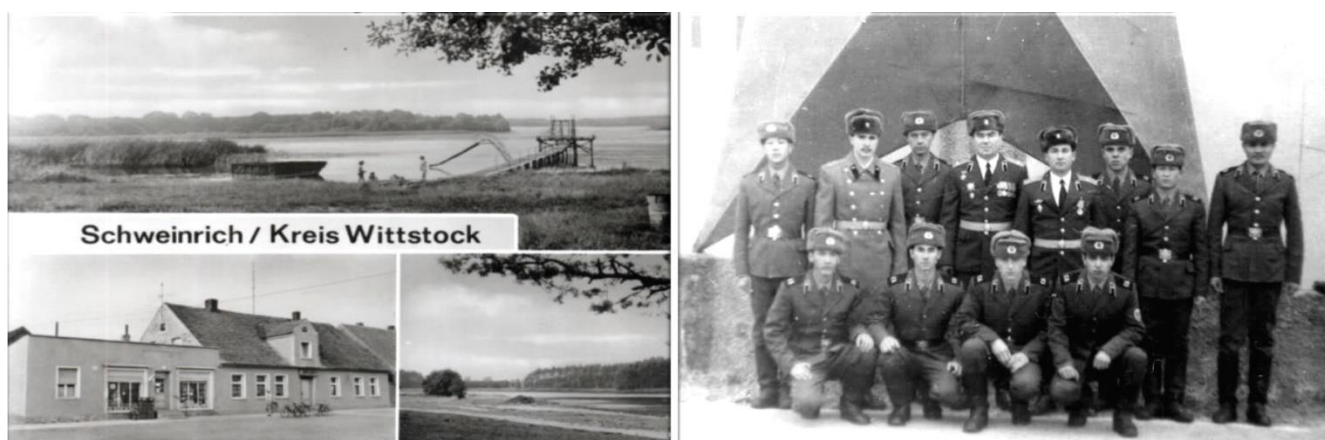


Меня назначили командиром 3-го дивизиона на вооружении которого были 152 мм. пушки гаубицы Д-20. Помимо обычных артиллерийских боеприпасов, в случае войны мы могли применять ядерные боеприпасы мощностью в 1 кт, которые хранились на артиллерийской базе. Периодически мы выделяли, для охраны базы караул от дивизиона. 3-й дивизион, располагался на втором этаже, штаб дивизиона на первом этаже.

В ходе представления меня личному составу, увиденное мною не обрадовало, внешний вид солдат и сержантов желал лучшего даже личный состав приписного состава выглядел лучше. Вызвал к себе из строя командиров батареи и своих заместителей и спросил как им нравится такой строй, конечно все молчали. Техника дивизиона находилась парке.

Ознакомившись с командным составом, на следующий день прибыл в парк для приема техники. У дивизиона в отличие от остальных трех боксы для техники отсутствовали.

Служба началась не очень, дисциплина в дивизионе отсутствовала не только у рядового и сержантского состава, но и офицеров, очень странно для группы войск. Пришлось принимать меры. До моего приезда одного командира орудия во время марша дивизиона задавили стволом артиллерийского орудия впереди едущего расчета, другой солдат убежал с автоматом и при задержании пытался отстреливаться. Это все, что я узнал, вероятней всего было больше нарушений. Командир дивизиона был снят с должности и его обязанности исполнял начальник штаба дивизиона.



Не успел я освоиться как получил команду выдвинутся на Магдебургский полигон там учения проводились в присутствии представителей НАТО.



Совершили марш, прибыли в район сосредоточения, там и простояли все время не получая никаких распоряжений. Через несколько дней получили команду «отбой» и убыли в расположение бригады. Марш был совершен без происшествий. По возвращению первым делом я обратился к командиру бригады с разрешением вывести дивизион на полевой выход на

неделю, получил разрешение. В программе по боевой подготовке были такие выходы в поле.

На следующий день выехали в составе дивизиона на полигон. Недалеко от озера установили палатки, ПХД и место расположения техники. Наломали лапника постелили в палатки, сверху накрыли брезентом, постель готова.

Утром следующего дня подъем в 5 часов утра, зарядка завтрак и в поле на занятия. Заняли боевой порядок, на расстояниях как положено по уставу и приступили к тренировке по управлению огнем, если, что неправильно вызываю офицеров к себе разбираем ошибки, затем перемещение и опять тренировки. В 12 часов дополнительное питание: кусочек хлеба, картошка и кусочек сала. Обед и ужин в поле по распорядку и снова занятия. В лагерь возвращаемся в около 12 часов ночи. Итак прошла неделя.



По возвращению стали заметны изменения. Я установил следующий порядок работы: с утра все по распорядку дня и согласно расписанию занятий, после обеда к 17 часам командиры подразделений приходят ко мне и докладывают о готовности к следующему дню, предоставляя конспекты. Если подразделение готово к следующему дню в батарее остается один ответственный остальные могут идти домой к семье.

Каждое утро ответственный офицер подразделения обязан после подъема личного состава построить личный состав в трусах и осмотреть каждого на предмет отсутствия малейших травм, при обнаружении доложить. В понедельник этот осмотр проводил я лично

Однажды в 18 часов в дивизион пришел начальник политотдела бригады, я находился в штабе дивизиона, обошел дивизион и удивленно спросил где офицеры? Я ему объяснил. Он раздраженно сказал: «а этот Наполеон в 19 часов назначил совещание», он имел в виду командира бригады.

Мне определили квартиру в двухэтажном доме на втором этаже, стал готовиться к приезду жены и сына. До этого в ожидании жил у начальника склада. Жена с сыном, до получения вызова жил в Молдавии в городе

Бричаны у своей матери, там сын и пошел в первый класс. Сделал вызов жене и сыну, жена поехала в Кишинев оформила документы и через некоторое время они приехали ко мне. Поехал в город Витшток, школы в городке не было, оформлять документы на сына в школу. Ехали втроем, я зам. начальника политотдела бригады и еще один подполковник. Оформили документы на детей и зашли в гаштет (небольшой ресторан) пообедать. Открылась интересная картина, немцы обедают на столах у некоторых бутылки со спиртными напитками, это меня удивило, так как 19 лет назад немцы в гаштете заказывали бокал пива и дупелек водки (40 грамм, два по 20). В вопросе употребления спиртного явный прогресс. Мы сели заказали покушать, но так как мы не знали друг друга то заказали попить только минеральную воду. Если во время первой поездки немцы смотрели на нас как мы употребляли спиртное, то в это день все немцы повернулись и смотрели на нас с большим удивлением. Пообедали и поехали в гарнизон.

С замами не очень повезло, замполит дивизиона был ранее хорошо знаком с начальником политотдела, их связывало и другое. Недалеко от полигона был ряд озер и в них водилось много угрей. За ночь замполит вылавливал, на электрическую удочку очень много угрей, их хватало и для доставки в штаб армии и нам. У нас в лесу была бочка и в ней коптили угрей, очень вкусная рыба, да в баньке с пивом пригодилась.

Начальник штаба дивизиона служил ранее с командиром бригады, а так как между начальником политотдела бригады и командиром бригады не было добрых отношений, не-смотря на то, что они ранее служили вместе в Белорусском военном округе между и моими замами также не было приятельских отношений службе это вредило.



Так как бригада стояла практически по середине полигона нас иногда привлекали на учения. В один из дней мой дивизион придали на учения танковой дивизии, указали основную и запасные огневые позиции. Утречком следующего дня поднял дивизион по тревоге и выдвинулся на

огневые позиции. На основной огневой позиции приступили инженерному ее оборудованию, а сам со старшими офицерами батареи выдвинулся на запасные огневые позиции, привязали их и заодно определили место временной огневой позиции. На второй день часть личного состава отправил на оборудование и подготовку временных и запасных огневых позиций. Очень много внимания уделяли маскировке, пригодился опыт службы в ГСВГ. Вечером нас посетил начальник политотдела, в это время в армейской палатке УСБ я показывал мультфильмы личному составу, у меня с Калинина был проектор и много фильмов. Он очень удивился и сказал: *«первый раз вижу командира который показывает фильмы личному составу»*.



На третий день утром мимо огневых позиций идет солдат, пехотинец, грязный подворотничок черный. Я остановил его и спросил кто такой и куда идет, а затем спросил что он завтракал, он ответил, что они в роте и не ужинали, не то, что завтракать. Я распорядился накормить его. Это ужасно, что можно требовать с такого солдата? У нас в дивизионе утром солдат мог умыться и побриться горячей водой, в 12 часов был дополнительный паек, замполиты батарей проверяли утром подворотнички.

К обеду вижу подъехал по дороге уазик, из него вышел генерал и что-то ищет вдоль дороги, я вышел на дорогу и представился. Он искал мой дивизион, но благодаря нашей маскировке он его не нашел, не смотря, на то, что он был рядом с дорогой. Я его повел на позиции, зашли под маскировочную сеть левого орудия, стоявшего у дороги и пошли вдоль расположения 7-й батареи по окопам, у генерала все время папаха падала. Он спросил, а почему они с досыльниками («Досыльник (досылатель) – деревянная деталь к артиллерийскому орудью, предназначенная для ручной досылки снаряда»), я объяснил, что ночью мы имитируем нападение диверсионных групп, это они в готовности отразить нападение. Мы создали группу во главе с прапорщиком которые ночью изображали диверсионную группу. Генерал спросил об остальных батареях, я доложил, что все огневые позиции оборудованы также, помимо это в инженерном

отношении оборудованы запасные и временные огневые позиции, все тягачи (КАМАЗы) также в окопах. Он ничего не сказав уехал. За трое суток из танковой дивизии не появился ни один офицер и соответственно никаких задач я не получил.

Через несколько часов по дороге появилась колонна легковых машин. Из головной машины вышел, вероятно командующий армии или кто повыше, за ним поспешило множество офицеров, все они зашли на огневую позицию. Я представился и доложил о состоянии дивизиона и готовности к выполнению задач. И тут началось, Генерал кричал на командира дивизии и других *«Вы за трое суток учений не смогли оборудовать основную линию обороны, в первой линии обороны окопы выкопаны по колено, лейтенант увидев меня прыгнул рыбка в другой окоп и убежал, ну все в таком роде»*. Затем все уехали и получил команду отбой и вернулся в расположение бригады.



Днем на службе, вечером писал контрольные задания, решал задачи. Иногда удавалось выехать из бригады, съездили с семьей в портовый город Росток, в Потсдам и в другие немецкие города.

На подведении итогов командир бригады объявил, что первое место в бригаде занял первый дивизион. Во время выступления начальника политотдела он сказал, что первое место занял мой третий дивизион. Служба налаживалась, пришло время ехать на последнюю сессию в академию. Я поехал в Ленинград, жена с сыном опять к маме в Бричаны.

Прибыл в Ленинград то же общежитие на Литейном проспекте, учебные классы, учеба. Время бежит быстро, в июне приехала жена с сыном, сняли квартиру. Пока я в академии они посещали музеи, гуляли по городу. Вечером иногда посещали театры, вместе было прекрасно. Подошло время государственных экзаменов и защиты дипломной работы. Экзамены сдал успешно. Дипломная работа мне выпала не самая легкая *«Применение ядерного оружия в армейской наступательной операции»*. Пришлось

попотеть, своего куратора полковника из академии я так и не смог найти. Сложнее было с оформлением карты, она была большая, а подписывать надо было тушью, а я этого не умел. И тут меня ждал сюрприз, товарищи с которыми я четыре года учился, вместе вроде бы дружили, как я потом понял, сославшись на то, что они очень заняты отказались помочь, хотя у них уже были готовы дипломные работы, «каждый за себя». Пришлось осваивать, научился и даже неплохо вышло. Защитился на твердых четыре балла. И в июле 1988 года на построении в академии мне вручили диплом, моя долгая дорога к получению высшего военного образования пришла к финишу, мечта сбылась.



На выпускной я не пошел, так как после отказа помочь желания их видеть не было. Мы пошли с семьей в грузинский ресторан и отметили мое окончания в академии. Оставалось еще немного времени, заехали к моим родителям и устроили праздник, отец и мать были очень рады. Затем заехали в Бричаны собрали все, что необходимо, получилось много чемоданов и поехали в западном направлении. Сначала в Черновцы, затем в Брест. Было лето, с трудом достали билеты, но только до Берлина. Вышли в Берлине (это было в первый и последний раз), как дальше добираться до

нашего поезда? С трудом разобрались по схеме, надо было сделать две пересадки. Представьте как мы с несколькими чемоданами, сумками и ребенком перемещались по метро с одного вокзала на другой, для немцев картина забавная и для них непривычная, но мы добрались до Швайнриха и вошли в свою квартиру.

Прибыл на службу, а там сюрприз, за время моего отсутствия сняли с должностей командира бригады и начальника политотдела, не поделили военторг. В штабе бригады лежала бумага о направлении меня начальником штаба артиллерийской бригады, но не было командира бригады, чтобы ее подписать.

Приехал новый командир бригады и устроил строевой смотр бригады, вел себя агрессивно по-хамски, разговаривая с офицерами. После смотра вызывал меня к себе и сказал, что представление о назначении меня на новую должность он не подписал, *«за красивые глазки я вам не подпишу»*, я ответил, что за красивые глаза мне ничего не присваивали, а за отличную службу я в Забайкалье, где офицеры спиваются я был награжден орденом и в бригаде мой дивизион лучший. После это развернулся и вышел из кабинета, началось противостояние. Все, что он мог плохого он сделал, а дивизион у меня был на самом деле лучшим, поэтому это его злило, но ничего поделать он не мог.

Я как и раньше выводил периодически свой дивизион на полевые выходы, проводил занятия. Перед отправкой в караул лично инструктировал караулы, учил приемом рукопашного боя.

Один из небольших складов размещался за пределами части (где-то в двух с половиной километрах от части). В одну из ночей часовой на посту решил изобразить ковбоя, но видимо от страха у него был взведен курок, и когда он крутил автомат в руках умудрился произвести выстрел себе в ногу. Благо, что часовой у караульного помещения услышав выстрел доложил начальнику караула, помощь была оказана вовремя. Прибыла из армии комиссия, в результате расследования виновным оказался только сам часовой, ко мне претензий не было.

Во втором дивизион пропал солдат дивизион организовал поиск, но не предупредили остальных. А сбежавший солдат решил завладеть оружием. За пределами части размещался запасной командный пункт армии и его охранял караул бригады. В этот день караул был от моего дивизиона. Сбежавший солдат напал на часового и пытался отобрать у него автомат, но не мог, у часового автомат был на груди и ремень за спиной. В ходе борьбы часовой догадался отсоединить магазин и ударить нападавшего по голове, тот потерял сознание, часовой поднял караул в ружье и нападающий был задержан. Пока приехал прокурор я успокоил бывшего часового и пояснил

как себя вести вовремя допроса. Для нашего дивизиона все обошлось хорошо.

На одной из проверок дивизиона по боевой стрельбе, по радио на меня вышел старший офицер 9 батареи и доложил, что командир батареи только мешает и наводит беспорядок на огневой позиции. Командир батареи прибыл из Забайкалья из Петрозаводска, где когда-то содержали декабристов, видимо он не мог управлять людьми. Я неоднократно обращался с рапортами к командиру бригады об отстранении его от командования батареей, но от меня даже его личное дело спрятали в сейфе командира бригады. Я приказал старшему офицеру батареи ничего не делать, пусть проверяющие увидят это и появится возможность его убрать. Я не боялся проверки ведь в двух батареях и управлении дивизиона все было отлично. Проверка закончилась, дивизионом остались довольны, но командира батареи было принято решение перевести на должность не связанную с управлением личным составом. Мы с ним через много лет списались в фэйсбуке, претензий с его стороны не было.

В дивизионе один из солдат, нарушавший не однажды устава и пытался установить дедовщину, я взял его и повез в штаб армии для беседы с прокурором. Побеседовал и стал служить нормально, но на следующий день командир бригады и начальник политотдела буквально наехали на меня, как это я посмел везти солдата на беседу с прокурором. Я спросил у них, что я нарушил, ответа не последовал, но странно, что это так сильно напугало их.



На одном из комсомольских собраний дивизиона я предложил личному составу сделать нашу казарму более приятной для проживания. Предложил собрать деньги и купить занавески на окна, все согласилось деньги сдали офицеры, прапорщики и солдаты. Почему солдаты, я хотел, чтобы они относились к ним как к своим, так как дали деньги. Купили материал, жены пошили занавески. Кроме этого по моей инициативе в казарме сделали комнату отдыха, помещение это позволяло. Со временем у нас стояли

мягкие кресла и диваны, к старой мебели купили немецкие покрывала и обшили ее получилась, почти новая мебель, затем поставили два больших аквариума с рыбками и даже вольер для маленьких попугаев, они даже начали откладывать яйца, появились птенцы.

В один из дней казарму посетил командир бригады, увидев занавески приказал их снять, я отказался и сказал, что это купили солдаты. Далее не помню о чем был дальше разговор, но все осталось на месте. Мы с офицерами приводили казарму в жилое помещение, обшили стены на два метра ОСП (прессованная плита) и обклеили ОСП бумагой под орех. Откуда брали средства, помог начальник политотдела он познакомил меня с должностным лицом из немецкого населенного пункта и я выделял несколько солдат во главе с прапорщиком на работу к немцам очищать лес роци от веток растущих ниже 1,5 метров от земли. Мы договорились денег не брать, а на заработанные средства мы давали заявки и они покупали нам все для казармы. В результате я поменял все в умывальниках, в туалете, все новое современное. Все шло хорошо кроме взаимоотношений с руководством бригады, ну да это как всегда, но бывали и просветления.

В связи с тем, что техника дивизиона стояла вне хранилищ, командир бригады принял решение переместить ее на винтовочный полигон находящийся на расстоянии более двух километров от части, на первом этаже винтовочного полигона были пустые боксы. Дивизион переместился в боксы, места хватило всей технике. Правда на занятия пришлось совершать марш-броски, чтобы не терять время занятий. Я впереди, личный состав дивизиона за мной «бегом марш!»



8 мая в ГДР праздновали «День освобождения» и мы с офицерами решили пригласить к нам в гости наших немецких шефов с женами. Командир бригады разрешил и мы решили провести это мероприятие в кафе, в части. Женщины все приготовили, столы были накрыты и гости приехали. Вечер прошел чудесно, танцевали, пели, особенно им понравился плов, к концу вечера его не стало. Разъехались все с прекрасным настроением.

Жена через знакомых немцев сделала вызов своей маме и она приехала к нам в гости, во время Великой Отечественной войны мама была санитаркой.

9 мая в День Победы в бригаде, за пределами части сделали небольшое представление – «Штурм Рейхстага», присутствовали немецкие товарищи. Командир бригады пригласил маму жены за стол. Стол был накрыт в поле в большой палатке. Это я забежал несколько вперед, дело в том, что день рождения командира бригады был 9 мая. Заранее командиры дивизионов скинулись и доверили мне купить подарок. Утром до начала празднования Дня Победы мы встретили его и я поздравив его с Днем рождения вручил подарок от офицеров.

После окончания празднования все разошлись по домам. Через пару часов мне позвонил дежурный по бригаде и сказал, что командир бригады приглашает командиров дивизионов на празднование его Дня рождения на винтовочный полигон, это было большое двухэтажное здание, на первом этаже боксы для техники, на втором классы и находился он на расстоянии более двух километров от части. Я сказал, что если не будет машины я пешком не пойду, но оказывается командир бригады прислал за нами машину. Приехали на винт. полигон, ну и попраздновали. Командир бригады с немецкими гостями уехал, а мы и управление бригады остались, заказали еще пару ящичков спиртного. По окончании уехали по домам.

Я войдя в квартиру сказал жене, что сегодня еще одно мероприятие по случаю 9 мая бригадная вечерняя проверка в 21.30 и надо было на ней быть, но в нормальном виде, не позорясь перед подчиненными. Мама приготовила мне напиток из яблочного уксуса на воде и к моменту следования на вечернюю проверку я был нормальном состоянии. Прошла вечерняя проверка, но на ней не все офицеры присутствовали, в частности командир 1-го и 2-го дивизиона. На следующий день командир бригады построив старших офицеров и отсутствующим на вечерней проверке высказал много *«хороших слов»*.

Заместитель командира бригады по боевой подготовке проводил дивизионные учения с боевой стрельбой 4-го дивизиона. На второй день учений 4-го дивизиона наблюдаем такую необычную картину – идет колонна солдат и офицеров возглавляет ее заместитель командира бригад по боевой подготовке, часть солдат босиком, по пояс голые, вид колонны безобразный. К штабу подъехала машина на командующего артиллерией армии и он пояснил командиру бригады, что он увидел в ходе боевых стрельб посетив огневые позиции. Поэтому он и привел эту колонну в бригаду, шуму было много.

На полигон вывели танковую дивизию, проверяло Министерство обороны, генералов было много. Меня назначили огневым посредником в

артиллерии. Артиллерию дивизии разместили сзади нашей части. Вместе с комиссией выехали на наблюдательный пункт проверять самоходный дивизион 152 мм. самоходных гаубиц. Готовится к введению огня командир дивизиона, красивый большой планшет, красивый блокнот для стрельбы. Проверяющий ставит ему огневую задачу, время пошло, последовала команда командира дивизиона и открытие огня, с огневой позиции доложили выстрел, все смотрят вперед, разрыва нет. Как говорили в фильме *«меня мучают большие сомнения»*, если разрыва снаряда нет спереди, значит вероятно он где-то сзади и я решил посмотреть не вперед, а назад. Второй выстрел и я наблюдаю разрыв снаряда слева сзади в 200-150 метрах от НП. Я подал команду стрельбу прекратить и доложил свое наблюдение. Оценив стрельбу командира дивизиона на двойку, комиссия быстро покинула НП. Но это один из дивизионов, так как я был на полигоне начальник штаба рассказал мне о другом, менее приятном случае. Он построил дивизион на плацу и вдруг слышит летит снаряд, но звук необычный и увидел как кувыркаясь летит снаряд, скомандовал дивизиону *«ложись!»* Снаряд упал между помещением штаба и чайной на бетонную дорожку, один солдат погиб, второй догадался лечь и был только ранен осколком, стена чайной была как решето. Если бы снаряд пролетел еще метров сто, то попал бы в клуб части, где проходило совещание руководства, там были генералы и старшие офицеры. Кроме этого один снаряд попал в наш парк, стена бокса рухнула, а часового сдуло взрывной волной с вышки, ну и еще один снаряд упал в палаточный лагерь инженерной части, благо, что все были в поле, жертв не было. Затем меня направили помогать танкистам в стрельбе из танков.

Из танков стрелять можно намного точнее прямой наводкой чем из противотанковой пушки. В танках перед выстрелом можно было вводить в систему управления огнем данные на скорость и направление ветра, температуру воздуха и давление. Для оказания помощи при определении указанных величин я дал команду и из дивизиона, на танковую директрису привезли прибор ДМК (десантный метеорологический комплект). Мы определили данные и довели до танкистов, они ввели эти данные. Выходит танк на позицию, производит выстрел, цель не поражена, второй, третий результат тот же. Начали предъявлять мне претензии, но потом разобрались. Все оказалось очень просто, данные ввели, но перепутали минусы на полюсы, увеличив ошибку в два раза. В общем танковой дивизии поставили два балла и оставили на полигоне на месяц. Вот такая боевая готовность танковой дивизии, ни танковые части, ни артиллерия в боевых действиях участвовать не смогла бы. Не сравнить с боевой готовностью ГСВГ в семидесятых годах.

Осенью в СССР образовалась проблема, мало было картошки, а в ГДР ее было много. ГДР оказала помощь Советскому Союзу и для сбора картофеля было принято решение задействовать армию. В один из дней, во время

занятий поступила команда немедленно всем построиться на плацу. Все подразделения прибывал на построение, но это было не так быстро как хотелось командиру бригады. Когда все наконец-то прибыли командир бригады дал команду «ложись!». Вся бригада легла кроме одного, это был я, такого я за всю свою службу не видел. Командир бригады приказал мне лечь, я ответил «есть» и лег. Отправили часть личного состава на уборку картофеля, прошло несколько дней и перед штабом построили старших офицеров, командир бригады лег перед нами и три раза отжался, аж запыхался. Встал и спросил меня «Самардак ты доволен?», я ответил ему, что не просил его отжиматься перед нами. Вероятно он струсил, что я пожалуюсь в политотдел армии, не собирался я не кому жаловаться.



Был изменен внутренний устав Советской Армии, изменились названия помещений в казарме и на нашей бригаде было принято решение провести показательные занятия. Распределили объекты дивизионом которые они должны были представлять на показательных занятиях, мне досталась казарма моего дивизиона и построение курятника на подсобном хозяйстве. Мы построили курятник, с фантазией, в виде финских домиков, без помощи бригады, осталось только огородить, но сетки у меня не были. Командир бригады производил осмотр подсобного хозяйства с командирами дивизиона. Когда дошли до курятника я обратился к командиру бригады с просьбой выделить мне сетку рабицу для ограждения курятника, ответ был великолепный «возьми и одень гандон (презерватив)» я недолго думая

ответил *«оденем оба и пойдём проводить политзанятия»*. Командиры дивизионов чуть не подавились, их распирали смех. Командир бригады покинул нас. Показные занятия прошли на высшем уровне, такой казармы как у меня у других не было, постарались все и офицеры и солдаты.

Периодически Советская Армия отправляла подразделения на машинах для уборки урожая, пришла, и наша очередь. К этому времени моя техника располагалась в боксах на винтовочном полигоне. У меня были автомашины ЗИЛ - 131 их было решено отправить на уборку урожая, они находились в зоне складов, пришлось выставить наряд для охраны машин, в кузовах у них были боеприпасы. Перегнали эти машины на огороженную территорию возле рядом с винтовочным полигоном и приступили к их подготовке. Подготовка шла очень медленно, где-то в 18 часов я пришел проверить как идет подготовка машин, ни зампотеха, ни дежурного по парку найти не смог. Пришлось заместителя по технической части расположить в палатке на стоянке машин, работа пошла быстрее, а прапорщика дежурного по парку посадил на трое суток на гауптвахту.

Хорошие дела не остаются без последствий, офицеры после успехов слегка расслабились. В один из дней меня вызывал начальник политотдела и сказал, что женщины жалуются, что их мужья поздно приходят со службы я сказал, что разберусь с жалобами. Пригласил всех жен офицеров и прапорщиков в дивизион и провел встречу в ленинской комнате без мужей. Первый вопрос задала жена прапорщика, за что он был арестован на трое суток? Я объяснил, что он покинул место дежурного и сто в машинах были боеприпасы и в случае происшествия могли быть и жертвы и чтобы в таком случае ожидало ее мужа и их семью. Затем перешел к вопросу о возвращении офицеров домой в позднее время и показал им бильярдные шары, в комнате отдыха у нас стоял бильярдный стол. И обещал им в 18 часов закрывать бильярдные шары у себя в сейфе. Затем я попросил начальника штаба дивизиона принести приспособления, для крепления бумаги для обтирания, чистки и смазки автомата и пакли. Поставил приспособление на стол и спросил женщин сколько времени необходимо, чтобы сделать это приспособление, одна женщина сказала максимум день, а ваш муж уже третий день не может справиться с этой задачей, сказал я.

В конце нашей встречи я рассказал наш распорядок дня и, что в 17 часов командиры батарей докладывают мне о готовности к следующему дню и предоставляют конспекты, после чего в казарме остается ответственный офицер, а остальные идут домой.

Поэтому все вопросы к своим мужьям, и прежде чем жаловаться могли бы обратиться ко мне. На этом встреча была закончена, жалоб больше не поступало.

По плану боевой подготовки бригады с моим дивизионом должен был проводить учение зам командира бригады. После ужина дивизион был поднят по тревоге и вышел в указанный район сосредоточения. Заместитель командира бригады сказал, что я все знаю и как проводить учения уехал домой. За ночь мы занимали три раза огневые позиции в ходе марша на колонну нападали «диверсионные группы», батареи отражали нападения, к утру мы прибыли в район сосредоточения, позавтракали. Через некоторое время прибыли офицеры со штаба армии и приказали выдвинутся на огневые позиции для ведения огня. В ходе марша по прибытию в район огневых позиций я отдал приказ 9-й батарее занять огневую позицию, а остальные две батареи выдвинул вперед. Только начали занимать наблюдательные пункты и готовится к открытию огня прибыл дежурный по бригаде и приказал прибыть дивизиону в бригаду. Я доложил проверяющим о приказе командира бригады, они были в недоумении, но я должен был выполнить приказ.

Прибыл в бригаду доложил командиру бригады о прибытии, он меня повел на территорию за уборку которой отвечал мой дивизион и начал указывать на окурки затем сказал *«ты, что хитровые..... молдован хочешь меня наиб...»*. Пришлось ответить *«а ты хитровые..... хохол хочешь меня нагнуть, не выйдет»* и тут он испугался и спросил *«ты, что будешь жаловаться»*, я ответил *«что я не жалуюсь, меня так научили, я сам решу эту проблему»*, на том и разошлись. Подчиненных моего дивизиона на территории бригады не было, казарма была закрыта на ключ, дивизион был на учениях. Для меня поведение командира было необъяснимо.

Дальше больше на одном из совещаний он начал кулаками стучать по столу за которым я сидел. Я встал и сказал, что с этого момента я с ним разговаривать не буду. Через несколько дней, вечером я зашел к нему в кабинет и спросил, чего он добивается, я ведь не собираюсь его подсиживать. У меня по службе все хорошо, в чем проблема. Ничего внятного он мне не сказал.

На базе нашей бригады было принято решение провести артиллерийско-стрелковую конференцию группы. Меня назначили первым выступающим. Я подготовил на больших листах ватмана плакаты для моей темы и развесил их в клубе части. Выступление получилось хорошим, далее выступали другие офицеры. В время перерыва я подошел к группе участников, стояло несколько генералов и полковники, некоторые из них были мне знакомы, поздоровался и в это время увидел испуганное лицо командира бригады. Один из полковников служил в артиллерийской дивизии командиром пушечного полка, в ЗГВ он был на должности начальника артиллерии 207 мсд, в ходе разговора он сказал, что в мотострелковых полках формировались противотанковые дивизионы и

предложил мне сформировать один из них, я согласился, но с условием служить в 41 мсп, в полку в котором начинал свою офицерскую службу.

Я принял решения так как не хотел дальнейшего обострения отношений с командиром бригады и не сдержатся в своих действиях к нему.

Прошло несколько дней и ко мне подошел дежурный по части и сказал, что меня вызывает командир бригады, я сказал, что сейчас прибуду, на, что он поправился и сказал что я могу позвонить. Я позвонил, командир бригады сказал, что я должен завтра убыть на собеседование в штаб группы войск, затем добавил, что это я сам попросил перевода, это он сказал два раза.

Прибыл в штаб группы, на следующий день прибыл на беседу с начальником артиллерии группы. Генерал спросил почему я хочу перевестись из армейской бригады в мотострелковый полк, ведь в бригаде больше возможностей к повышению. Я ответил, что если будет желание, то меня увидят и в мотострелковом полку, а если нет то и в бригаде не заметят, да и есть причина, у меня маленький сын и ездить каждое утро в школу на автобус в Витшток ему тяжело, болит голова. Он улыбнулся, видимо они знали положение дел в бригаде и сказал, что меня переводят в 41 мсп. После беседы я убыл в бригаду.

Получив назначение, через несколько дней сдал дивизион начальнику штаба и уехал в 41 мсп. Но без приключений не обходится, по прибытию в полк оказалось, что в полк прибыл другой командир дивизиона из союза. Стали разбираться, командир полка поехали в штаб дивизии в Стендаль. По приезду оказалось, что мое назначение подписано командующим группы и товарища из союза отправили в другой полк. Мы с этим офицером на фото служили вместе лейтенантами в Гарделегене.



Командир полка и замполит полка, вначале относились с подозрением, что это я прибыл к ним по приказу командующего группой. Представили меня личному составу противотанкового дивизиона, он оказался после

дивизиона из бригады игрушкой. Дивизион состоял из: пушечной батареи МТ-12, шесть орудий, тягачи МТЛБ и батареи ПТУР «Конкурс», девять боевых машин, взвода управления ПРП-4 и БМП 1 КШ, хозяйственного взвода. Управление: начальник штаба дивизиона (афганец, награжденный орденом), замполит дивизиона (прибыл из ракетной части), заместитель по технической части дивизиона и командир взвода управления, санитарный инструктор. В батареях: командир батареи, замполит батареи, командиры взводов, техник батареи и старшина батареи.

Через некоторое время сменились командиры батарей, пушечной и батареи ПТУР, прибыл замполит пушечной батареи. Образовался неплохой коллектив.



Дивизион располагался в том же помещении где первоначально располагалась, когда-то гаубичная батарея. Квартиру получил в старом двухэтажном немецком коттедже на первом этаже, в нем жило четыре семьи. Взял в дивизионе ЗИЛ 131 и поехал в Швайнрих перевозить семью. Еле все загрузили, жена с сыном не помещалась в кузове, посадил их с собой в кабину. При въезде в Витшток, военная автоинспекция остановила машину и мы подъехали в комендатуру, а комендантом оказался сослуживиц по 41 мсп, мы тогда были командирами взводов, поговорили и поехали в Гарделеген. Сын пошел в школу, она была прямо в военном городке.

Прибыл новый командир полка, по замене. Дивизион сформировали приступили к занятиям. По старой схеме познакомились с немцами им надо было в лесу чистить деревья, обрубать ветки снизу на 1,5 метра. На заработанные средства немцы покупали нам необходимое для казармы.

В Советской Армии вышел приказ о создании офицерского собрания, меня выбрали председателем офицерского собрания, помимо этого я еще исполнял обязанности председателя офицерского суда старших офицеров.

Пришло время полевого выхода в лагеря на месяц, вышли на Магдебургский полигон, от части 10 км. Оборудовали лагерь и приступили к занятиям, все шло по плану.



В воскресенье я и часть офицеров поехали домой. В понедельник прибыл в полевой лагерь, ко мне подходит санинструктор и докладывает, что надо доложить в полк и установить карантин, я пошел на ПХД уточнить, оказалось командир хозвзвода решил в воскресенье, солдат угостить котлетами, не смотря на мой запрет, и весь дивизион стал часто бегать в туалет. Докладывать в полк я не стал, вокруг росло много дубов, приказал снять с дуба кору и заваривать целый день, пить вместо воды и чая, сварить густую рисовую кашу на завтрак, обед и ужин. На следующий день дивизион был в полной боевой готовности. Занятия продолжились.

Прибыли из лагеря в полк и командование полка поставило задачу переехать в бывшую казарму танкового батальона, находившаяся за солдатской столовой, так как нашим соседям 2-го мотострелкового батальона не хватало пространства. Пришлось заново обустраивать казарму. Для этого нам выделили новую мебель, мы, также как и в моем дивизионе в бригаде стены на полтора метра покрыли пресс-плитой оклеенной бумагой. Заменили оборудование в туалете, умывальнике. Получилось хорошо и приятно находится в казарме.



Все шло хорошо, но пришел 1989 год. Началось все с перестройки в СССР, затем о том как эта перестройка Горбачева дошла и до стран социалистического лагеря. Перестройка в ГДР разрушила 9 ноября 1989 года Берлинскую стену, а заодно разрушила и Германскую Демократическую республику. 12 октября 1990 года правительства Германии и СССР заключили договор о «временном нахождении» ЗГВ по 1994 год включительно, на территории Германии. Если по-простому то как сказал бывший главком ЗГВ генерал Матвей Бурлаков: *«Горбачев и другие предали Союз»*.

Если еще проще то после того как Германия объединилась Западная Группа войск согласно договора согласованного с президентом СССР Горбачевым и подписанного министром иностранных дел СССР Шеварнадзе получила приказ как можно быстрее покинуть территорию Германии.



После того как Армия ГДР была уничтожена наша дивизия начала выделять разведывательные роты на бывшую границу между ФРГ и ГДР. Ранее этот участок охранял пограничный полк ГДР, дислоцированный в Гарделегене. После расформирования полка немцы отдали всех служебных собак, со всей экипировкой и паспортами, в 41 мсп, они не хотели передать

их в ФРГ. Собак разместили на караульном городке, за который отвечал наш дивизион. Неделью собаки ничего не хотели кушать и некоторые плакали. Через некоторое время всех собак разобрали офицеры и увезли с собой в Союз.



Но пока суть да дело жизнь продолжалась, опять летние лагеря. Находясь на полигоне нам объявили, что прибыла комиссия из Москвы для проверки всей артиллерии группы по боевой стрельбе прямой наводкой. Был назначен день для нашей дивизии. В назначенный день я поднял дивизион по тревоге и в 5.00 колонна выдвинулась к месту проверки на другой конец полигона, место знакомо, будучи лейтенантом я заготавливал материал и делал мишени для этой директрисы прямой наводки. Прибыли на место. Установили орудия и не теряя времени, в ожидании своего времени, приступили к выполнению первой и второй задачи с вкладным стволиком. Кругом идет боевая стрельба из буксируемых и самоходных орудий. Мимо нас проходит группа офицеров и генерал. Я доложил генералу, он спросил условия упражнения №1 я доложил, а он сказал, что я не знаю условий, я достал из сумки курс стрельб и показал генералу в курсе стрельб условия оценки, тут ему подсказали, что это для вкладного стволика. Ничего не сказав они ушли.

При проверке пушечная батарея поразила все неподвижные и движущиеся цели на отлично, Батарея ПТУР также выполнила все задачи на отлично, сказались результаты почти круглосуточных тренировок на тренажере, ведь ни один командир боевой машины боевыми ракетами пусков не имел.

Мой дивизион занял первое место, отличную оценку никто не получил, а некоторые даже троек не получил. Было тяжело смотреть со стороны как командиры орудий других дивизионов не умели управлять расчетами.

Командование полка отправило на меня представление на награждение орденом «За Службу Родине II степени», в дивизии отправили в штабе армии, но там как мне передали сказали, что «два ордена ему будет много», пережил и это. Служим Родине дальше.



Наступил 1990 год, подошел наш профессиональный праздник День Артиллерии. В Германии на всей территории ввели западные марки, мы тоже стали получать зарплату в западных марках. В магазинах товары со всего света, глаза разбегаются, потихоньку привыкли. Мы с коллективом дивизиона решили праздновать в нашем кафе с семьями. Закупили разного спиртного в городе. Праздник получился на славу, всем понравилось.

9 мая 1990 года последний раз воинские части гарделегенского гарнизона прошли парадным шагом по Гарделегену и пришли на международное кладбище жертв фашизма и возложили цветы на могилы павших.

За день до этого на совещании был получен приказ подготовиться обороне военного городка. По плану обороны городка были выкопаны окопы, как для стрелков, так и для БМП и танков. Все рода войск усиленно тренировались в стрельбе из стрелкового оружия на стрельбища, запугали самих себя, таких мер не принимали со времен окончания Второй Мировой войны.

Немцы смеялись и спрашивали: *«Вы, что 9-е мая будете встречать в окопах»?*



Мне также приказали тренировать дивизион в стрельбе с автоматов и пулеметов установленных на МТЛБ, а также тренировать солдат в метании гранат, для чего их выдали очень много. Стрельбы проходили нормально, но вот как использовать столько гранат, для этого необходимо много времени. Я решил сначала бросать гранаты одиночными солдатами, затем отделением, затем взводом и закончить батареей. Что мы и начали делать, на батарейный залп, услышав такой грохот пришел командир полка я все объяснил, гранаты были израсходованы. Недалеко от стрельбища занимались артиллерийские расчеты, пока батарея ПТУР стреляла из автоматов. К нам подошел командир дивизии с командиром полка.

Командир дивизии стал делать замечания, почему орудийные номера не тренируются занимать позиции для стрельбы из автомата за укрытиями, я ему объяснил, что мы противотанковый резерв и занимать рубежи будем на открытой местности, искать укрытия для защиты орудия не будет времени. Он рассердился и мы пошли в штаб полка, по дороге командир полка сказал, что мой дивизион занял первое место на проверке Москвы, на что он ответил, что пушки сами стреляют. Я его спросил: «*почему же у других они сами не стреляют?*» Подошли к штабу, а там плакат «Лучший офицер части Самардак», заходим в штаб там также висит не большой плакат лучший коммунист части. Командир дивизии повернулся ко мне и сказал, что я свободен.



Прибыл новый призыв и кто-то очень хорошо придумал в наш полк прислали 100 армян, они начали выступать, чтобы им предоставили отдельную казарму и чтобы они служили в одном подразделении. Естественно после курса молодых солдат их распределили по подразделениям. В наш дивизион попало три армянина, двое нормальных, а один отказывался что-либо выполнять. Пришлось его периодически сажать на гауптвахту, других мер командование полка не принимало. Оставшиеся двое вместе со всеми выполняли все работы, на занятиях

старались не отставать от других. Во время наряда по солдатской столовой их избили другие армяне за то, что они работают и забрали у них документы. Я с двумя командирами батарей пошел в столовую, начальник столовой прапорщик был армянином, не найдя его мы поднялись на второй этаж и зашли в его кабинет, больше похожий на склад. Там находилось два армянина, которые руководили всеми своими земляками, мы потребовали у них вернуть документы солдат. Не найдя общего языка мы начали обыск помещения и нашли документы всех солдат армянской национальности, права, военные и комсомольские билеты, огромное количество гражданской одежды и большое количество спиртного. Получалось, что они готовили массовый побег, чем же занимался наш славный 8-й отдел? Появился начальник столовой, он пытался наглотать, но мы его быстро поставили на место. Я приказал расстелить солдатские плащ-палатки и загрузить на них все спиртное и гражданские вещи, документы мы забрали и в последствии раздали хозяевам. Эти три негодяя загрузились плащ-палатками и в колонну по одному, под нашим наблюдением проследовали к кочегарке, в которой все было уничтожено. Затем я негодяев построил на улице и предупредил, что докладывать никому не буду, но если повторится мы к ним не придем, а пришлем сержантов, нас поняли правильно и более эксцессов не было. Это были признаки разложения армии.

Мы знали о том, что предстоит выход их Германии и возможно расформирование, но до последнего дня не готовились, 207 дивизия была привлечена к экспериментальным учениям по мобильной обороне на Магдебургском полигоне. Меня назначили наблюдателем со стороны обороняющихся, хорошо, что мы были в летних лагерях и я взял механика-водителя ПРП-4. Всех наблюдателей (окончивших военные академии) собрали в учебном центре на совещание и поставили задачу записывать и хронометрировать все действия обороняющихся войск, а после окончания дня прибывать на совещания и докладывать свои наблюдения, замечания и предложения. Меня назначили наблюдателем в мотострелковый батальон.

Утром до начала наступления нам показали устройства для дистанционного минирования перед передним краем обороняющихся войск которое применять мог пехотинец, при выстреле оно выбрасывало большое количество мин «лепесток», а второе устройство выбрасывало определенное количество противотанковых мин, к сожалению количество мин не помню, мины были упакованы в емкость в виде тубуса и в случае необходимости выстреливались создавая временное минное поле перед наступающим противником. Через определенное время мины самоликвидировались. Больше никогда не видел такого вооружения.

Наблюдаем за местностью, вдали показались войска противника, узнаю наш 41 мсп. Противник из колонн разворачивается в боевой порядок. В это время в небе появились военные самолеты и начали вверху на широком фронте создавать дымовую завесу, на земле одновременно также на

широком фронте зажгли дымовые устройства, через некоторое время передний край обороны со стороны наступающих стал невидимым. Затем противник попытался высадить тактический десант на вертолетах в тылу обороняющихся, но не удачно. Район высадки совпал с районом огневых позиций самоходного артиллерийского дивизиона «Акация», десант условно был уничтожен. Все вернулись на исходные позиции и мы убыли на совещание. На следующий день повторили наступление. Пока шли учения я находился на одной из высот оборудованных для наблюдения командованием. Сидело невдалеке несколько генералов и рассуждали о проблеме жилья для офицеров. *«Чего они (офицеры) жалуются, что нет квартир, вон сколько брошенных деревень, бери любой дом и живи»*. Нормальное обсуждение проблемы, сами то живут в Москве, имеют дачи. Очень трогательная забота об офицерском корпусе. День прошел, на следующий день назначили нанесение контрудара обороняющимися войсками. Мотострелки пошли в наступление, впереди танки, пехота спешила и двигается за танками, за ними БТРы, открыла огонь артиллерия. Я сидел на броне вместе с командиром батальона и секундомером засекал дальность до разрыва снарядов, пока все было в порядке, но через некоторое время один из снарядов 152 мм. упал перед пехотой, дальность разрыв около 100 метров, хорошо, что во время разрыва снаряда все осколки полетели в сторону от пехоты. Учения прошли и я прибыл в наш полевой лагерь.



Пророчество или программа бывшего государственного секретаря по национальной безопасности США Бжезинского, доведенная до офицеров в семидесятые годы, о том, что Советский Союз развалится по причине межнациональной розни начал сбываться. Советская армия также начала разваливаться.

С развалом ГДР, как государства Армия ГДР была одной из самых профессиональных в Европе. И не случайно руководство ФРГ постаралось побыстрее её ликвидировать. Все офицеры, сотрудники разведки, государственные чиновники, члены компартии и многие другие были уволены и стали получать мизерные пенсии, меньше чем безработные, а многих вообще лишили пенсий. Слова последнего министра обороны ГДР адмирала Теодора Хофмана: *«С объединением Германии ННА была*

распущена. Многие профессиональные военнослужащие подверглись дискриминации». Дискриминации, проще говоря – унижению. А иначе и быть не могло, ибо известная латинская пословица гласит: «Горе побежденным!».

В других бывших соцстранах произошли такие же события.

Если руководство СССР не интересовали судьбы брошенных товарищей в социалистических странах, то граждане СССР, офицеры, прапорщики и сверхсрочники и их семьи интересовали их еще меньше. Честное и беззаветное служение Родине, стало ненужным, как и ордена и медали за честную службу.



В одном из воинских частей командир танкового полка, который был снят с должности за различные махинации, но все еще командовал полком, поднял полк по тревоге и под шумок на автомашине УРАЛ вывез их части секретные боеприпасы с танка и ЗСУ «Тунгуска» для передачи их иностранной разведке. Солдат сидевший за рулем не захотел ехать с командиром, и вернулся в часть. Акция была продуманной, семья ушла из городка и была увезена легковой машиной. Как результат все командование группой, за исключением тыловики была снята с должности.

Когда начали отправлять солдат в Союз меня, с двумя прапорщиками отправили в штаб группы, где мне пришлось сопровождать 300 человек в Баку, все они были азербайджанцами. Загрузили нас в военнотранспортный ИЛ-76 и мы полетели, но не сразу в Баку. В связи с плохими метеоусловиями нас приземлили под Киевом в Борисполе. После приземления я подошел к командиру экипажа и сказал, что по-моему с правым шасси не все в порядке, самолет немного заносило, но он сказал все в порядке и ушел. Летчики открыли грузовые люки и тоже ушли. На улице холодно, руководство пропало, летела группа в составе 3-х самолетов. Затем поступила команда построится на свежем воздухе и по командам расположится в указанных помещениях летной учебной части. Нам выделили спортзал. Разложили маты и личный состав стал отдыхать.

Пришло время и солдат отправил на ужин в сопровождении прапорщиков, а сам остался охранять имущество. Солдаты находясь на службе получали денежное довольствие в марках ФРГ и имели возможность купить приемники и другие вещи которых в СССР купить было бы невозможно в то время. Пытались прийти «гости», но увидев меня ретировались. В других командах ушли на ужин, но охраны не оставили, часть вещей пропала. Утром надо было уходить, но наводить порядок солдаты не хотели, пришлось им объяснить, что в артиллерии так не принято и пехота убрала помещение, затем мы прибыли к самолетам. Начальства долго не было, затем они прибыли, но строится это «войско» не желало. Пришлось опять напомнить разницу между пехотой и артиллерией и свою команду я построил, остальные две еще долго собирали. Наконец-то опять сели в самолеты и полетели. К ночи увидели огни большого города, пошли на посадку, коснувшись посадочной полосы самолет начало носить из стороны в сторону, ну думаю все, приехали. В 1989 году такой же самолет после вылета из-под Баку загорелся и через несколько минут рухнул в Каспийское море самолет Ил-76 с советскими десантниками.



Наконец-то самолет остановился, пронесло. Высадились на землю. Летчики стоят и смотрят на правое шасси, стойка шасси провалилась в фюзеляж. Я спросил командира как же так, он махнул рукой и сказал отремонтируют, а мы уезжаем в свою часть, замечательно – это военно-транспортная авиация.

Прибыли на сборный пункт передали солдат и собрались идти в гостиницу, шли мимо привезенных солдат, они сказали, что у них отобрали все, что они купили в Германии, солдам денежное довольствие выдавали западными марками. Пошел к начальнику сборного пункта, а он говорит: *«Вы привезли, сдали, ну и возвращайтесь в свою часть, это уже не ваше дело»*. Мы полетели самолетом до Бреста и далее поездом.

До ЗГВ была ликвидирована южная группа войск в Венгрии. Затем бывшего командующего ЮГВ Бурлакова, успешно выполнившего задачу партии и правительства, перебросили для ликвидации ЗГВ. Предыдущий командующий застрелился после возвращения из Москвы. Они вместе с

братом командующим Прикарпатским военным округом вывозили и продавали машины из Германии. После этого из заводов в группе остался только тыловик. Началась войсковая операция по выводу и расформированию ЗГВ. И одновременно полный развал Советской армии. Начавшееся движение эшелонов с техникой через Польшу было остановлено поляками. Требовавшими денег за разрушение ее железной дороги. Было моментально принято решение отправлять технику по морю. Солдат отправляли в СССР самолетами, ИЛ 86. Если посмотреть на карту Германии, то понятно, как ЗГВ была приведена в беспомощное состояние. Начали выводиться войска находящиеся около Берлина и в центре Германии. Так 207 мсд. располагалась: штаб дивизии и часть полков в Стендале, в Штатсе танковый полк, в зоне Стендала, большой гарнизон в Гарделегене, который прикрывал Зальцведельский выступ, и т.д. Но это же не только наземные части, это и система ПВО группы, система радиотехнической и радиолокационной разведки. А в Стендале вместо полка армии ГДР развернулся полк армии ФРГ, несмотря на то, что, по договору немцы не имели на это права. Очень удачный план вывода.

С получением команды на вывод в гарнизоне началось повальное воровство, чем выше должность, тем больше возможности. Кто, что мог то и тащил. Кто продавал уголь, за КАМАЗ угля у немцев можно было получить старый советский автомобиль. Кто продавал металлолом, т. е. оборудование полигонов и стрельбищ и так далее.



Прибыли генералы, из штаба группы их поселили в бывшем детском садике, он был закрыт, а дети могут и дом посидеть. Детский садик был напротив коттеджа где я жил. Генералы прибыли с задачей быстрее вытолкнуть гарнизон и освободить территорию. А дабы улучшить их организаторские способности ежедневно приезжали немецкие представители и что-то дарили. Да никто ничего и не прятал в это время.

Почему-то решили вывозить железобетонные панели для дома который не успели построить. Зато были собраны все телевизоры из подразделений, киноаппаратура из солдатского клуба и дома офицеров на одну площадку.

Составлялся акт уничтожения, который подписывался членом военного совета Армии и все это давилось танком. Собранная мебель из подразделений грузилась в эшелоны, по прибытию на Родину, она сжигалась.

Подразделениям было приказано готовить казармы к сдаче. Было приказано облицовку со стен снять, она была из мебельной доски, и сжечь, а стены побелить. Необходимо было очистить все подвалы и также их побелить. Но хлама в них было очень много, и часть подвалов замуровывалось, а стены штукатурились и белились. В новых домах, построенных немцами, была мебель, но ее не разрешили брать и даже не хотели продавать. Но после ухода войск мебель сожгли на свалке. Для придания ускорения генералы собрали офицеров гарнизона на совещание и высказали недовольство темпами подготовки казарм к сдаче, а на вопрос офицеров как им уместить свои вещи в 3-х тонные контейнеры, которые они выделили на одну семью, назвали офицеров барахольщиками, беременных жен военнослужащих генералы требовали вывезти.

В зале стало очень горячо. Я встал и представился генералам как председатель офицерского собрания и настойчиво попросил их выйти. Они были недовольны моим предложением, но они все-таки вышли. В коридоре генералом объяснили, что если они хотят неприятностей, ведь оружие и боевая техника находились в части, то надо спокойно решить вопрос. Генералы повозмущавшись ушли. Но на следующий день прибыл железнодорожный состав с контейнерами. Выбирай любой 5-и или 3-х тонный, а хочешь, бери два лишь бы уезжал быстрей.

Возвращаясь в СССР, офицеры и прапорщики Советской армии из групп войск, Венгрии, Германии, Чехословакии, Венгрии, не знали своей дальнейшей судьбы. НАТО своих войск из Германии не вывело, но по их расчетам для вывода одной бригады было необходимо два года, необходимо было построить жилье для командного состава и казармы. Войска ЗГВ, в которой дислоцировалось, шесть армий и десять отдельных полков и бригад, выводились в ускоренном темпе. Уход наших войск сопровождался драматическими событиями: целые гарнизоны выводили буквально в чистое поле, ломались судьбы, много имущества просто бросали, технику распиливали на металлолом.

Пришло время и мне уезжать, часть техники сдали, другую отправили, солдат передали. Поехали в Молдавию, жену с сыном опять оставил у матери жены в Бричанах, а сам поехал на Украину, там в маленьком городке, названия не помню находился командир дивизии и командир полка. Прибыл в городок встретил своего сослуживца, мы начинали службу в 41 мсп, он командиром взвода управления в гаубичной батарее. А я страшим офицером батареи, поговорили, у него жена после Чернобыльской

катастрофы болеет, постоянная головная боль, ходит все время с мокрым полотенцем на голове. В этом городке ранее стояли воинские части их вывели в другие места. Дело в том, что по прямой до Чернобыля от этого городка не много более 100 км. Прибыл к месту расположения офицеров нашего полка, это была брошенная казарма, сломанные умывальники, все в безобразном виде, только койки и чистые простыни. Многие офицеры пили в ожидании прибытия техники *«боролись с радиацией»*. Я решил тут долго не оставаться, взял проездные и поехал искать свой эшелон. Приехал я в Выборг, в комендатуре узнал где находится временный порт и на следующее утро отправился в порт, нашел. Моя техника стояла на платформах, сержанты на месте. Они рассказали, что перед загрузкой капитан Сцибаровский вместе с начальником бронетанковой службы сняли с боевых машин новые аккумуляторы и поставили старые, короче украли новые аккумуляторы, для последующей продажи, Сцибаровский ведь продолжил службу в ЗГВ. Пошел к начальнику порта и договорился с ним об отправке моей техники во Владимиро-Волыньск, эшелон ушел в этот же день. Я также отправился в этот город.

Прибыл во Владимиро-Волыньск, приятный чистый старинный красивый город с красивыми церквями, устроился в гостиницу и стал ждать эшелона, была одна деталь, паспорта от техники увез командир батареи, где его искать было непонятно. Но произошло чудо он меня нашел, передал паспорта и исчез. С утра посещал воинскую часть которая должна была принять у меня технику. В военном городке располагался штаб дивизии, мне там предложили продолжить службу у них, но я вежливо отказался. Наконец-то пришла техника, ее разгрузили и пригнали в воинскую часть. Тут-то и обнаружилась кража аккумуляторов, в паспортах были записаны номера новых аккумуляторов и год их выпуска. Два дня пришлось подождать, в дивизии не хотели подписывать акт приема техники, но потом они получили приказа принять ее как есть. Я поехал в место нахождения штаба дивизии доложил о сдаче техники, получил личное дело и отправился к семье.

Приехал и с женой подвели итоги, квартиры нет, с дальнейшим прохождением службы неясно, с деньгами также проблема. Но живем дальше. Собрались поехали в Одессу, нашли штаб Одесского округа, жена осталась ждать на скамеечке, а зашел в штаб, иду и слышу сзади кто-то называет мою фамилию и имя, я повернулся и узнал замполита 1 батальона 41 мсп. в бытность мою лейтенантом. Он спрашивает: *«а ты меня помнишь»* я назвал его имя и фамилию. Он говорит пойдём со мной, оказалось, что он полковник и служит в кадрах, ранее когда я встречался с сослуживцами 41 мсп. они говорили, что полковник им помогал. Полковник спросил меня где я хочу служить, я ответил в воинской части, но он мне предложил должность заместителя военного комиссара в городе

Рыбница, эта должность по штату для подполковника, так как у комиссара полковничья. Несколько неожиданное предложение, но долго думать не стал согласился, полковник дал мне предписание и письмо в кадры. Вышли на улицу, мы поблагодарили полковника и отправились в Кишинев. Получив назначение в Рыбницу поехали в Бричаны. Собрав вещи поехал на машине к новому месту службы.

В Рыбнице представился военному комиссару и начал принимать должность. Военкомом был подполковник собирающийся на пенсию, мы с ним поработали несколько месяцев. Заместитель военкома после сдачи должности убыл в Россию. Помимо зама я еще был и начальником 1-го отдела который занимался учетом офицеров, под моим руководством в 1-м отделе было майор и две женщины. Во 2-м отделе который занимался сержантами и рядовыми был майор и капитан. Была финансовая часть и еще что-то плохо помню. С коллективом познакомился проблемы не возникали. Приступил к работе, на сутки в военкомате назначался дежурный из личного состава инструктировал их я, женщины лучше знали обязанности чем мужчины и также хорошо исполняли обязанности. Объехал все предприятия города, познакомился с руководителями.

Через некоторое время военком сменился, прибыл подполковник, ранее бывший военкомом в соседнем районе, он был из студентов, не самый приятный человек. Но в моей службе всегда так, но главное работать он не мешал, да и в военкомате он подолгу не засиживался. Работа военкомата охватывал весь Рыбницкий район.

Сначала жил в общежитии цементного завода, директор завода пошел на встречу. Приехала жена и в первый день чуть не потеряла сознание, еле откачал. В Рыбнице был Металлургический комбинат, Цементный завод, через реку Днестр стоял город Резина в котором тоже был цементный завод, был также еще один завод, Мясокомбинат, Молочный комбинат и две бройлерные птицефабрики. В общем в городе был очень несвежий воздух, особенно летом. Мы с женой искали квартиру, нашли в панельном доме недалеко от Днестра. Договорились с хозяевами, после чего перевезли вещи и сына. Записали сына в школу. И все было бы хорошо шла размеренная жизнь. За время службы в военкомате я занял первое место среди военкоматов Молдавии, тому подтверждение две грамоты военного комиссариата республики.

Перестройка Горбачева завершалась, на горизонте маячила Беловежская Пуща. 2 сентября 1990 года была провозглашена незаконная Молдавская Приднестровская Советская Социалистическая республика. 23 мая 1991 года Верховный Совет МССР переименовал Молдавскую ССР в Республику Молдова.

Приднестровье не подчинялось Республике Молдова и начала создавать свои вооруженные силы и милицию. В один из таких дней меня вызвали в горисполком на совещание в город приехали руководители Приднестровья все сидели за столом и я увидел знакомого полковника, это был начальник склада ядерных боеприпасов в Германии, которые я охранял. Подошел к нему, он почему-то был не очень приветлив, оказывается он в это время был начальником склада 14 армии в Колбасной. На совещании гости из Тирасполя требовали от него выдать оружие и боеприпасы на, что он ответил категорическим отказом, на том и разъехались. Через некоторое время был арестован президент Приднестровья Смирнов. В Тирасполе решили провести внеплановый съезд Верховного Совета. Позвонили с горисполкома и так как не могли найти военкома пригласили меня поехать с ними. Прибыли в Тирасполь, на съезде решали разные вопросы. Затем был поднят вопрос о подчинении военных комиссариатов Приднестровью. Незадолго до этого в Кишиневе было совещание на которое были приглашены все военкомы и их заместители. Совещание проводил новый военком республики Дабижа-Казаров. Итогом совещания был уход военкомов из Приднестровья, кроме нашего Рыбницкого, пришлось досидеть до конца.



На вопрос о подчинении военных комиссариатов Приднестровью все военкомы молчали. Я решил прервать это молчание и сказал: *«Существует Советский Союз и его вооруженные силы, мы подчиняемся Министерству обороны Советского Союза, Приднестровью мы не можем подчиняться»*. Меня выслушали и согласились с моими доводами.

8 декабря Руководители Белоруссии, России и Украины подписали в Минске (Беловежская пуща) соглашение.

26 декабря 1991 года Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР.

На том моя служба в Советской армии начатая в 1967 году закончилась в 1991 году, меня вместе с военкоматом передали в Республику Молдова.

«Судьба – это не дело случая, а результат выбора; судьбу не ожидают, ее создают...».

Ульям Брайн

ЭПИЛОГ

«Думайте о прошлом, только если воспоминания приятны вам».

Джейн Остин,

Много лет назад я начал писать эти воспоминания, затем бросал и снова начинал, но не получалось вырвать ни одной страницы из своей жизни.

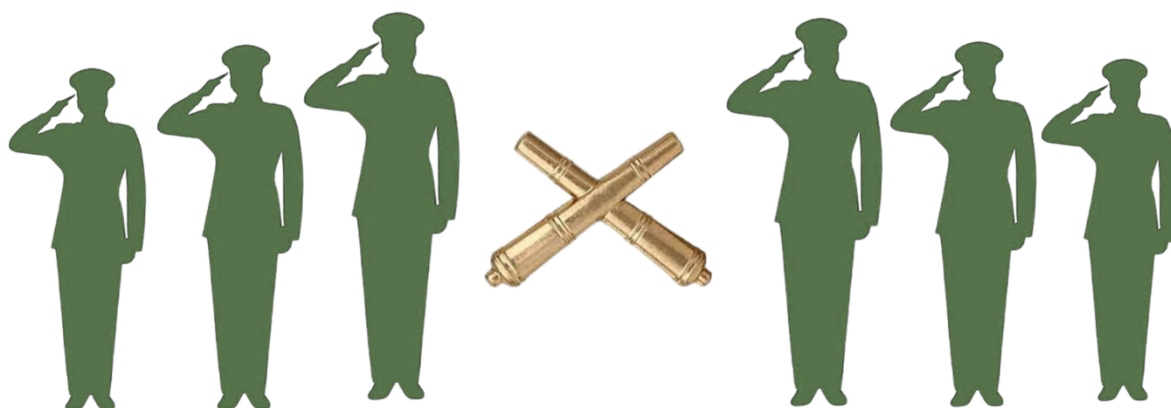
Время идет и хочется оставить память для своего сына, у нас как-то не принято сохранять историю своей семьи так как на Кавказе. Мои родители мало знали о жизни своих отцов и матерей, бабушек и дедушек, а о прадедах еще меньше. При воспоминании, из того, что удалось вспомнить, меня часто охватывало чувство восхищения и преклонения перед мужеством, терпением и жизнеспособностью большинства членов нашей семьи. Мои родители мало, что рассказывали, да и я не очень расспрашивал, а когда решил узнать было поздно. Остались лишь фотографии свидетели истории безмолвно смотрящие на меня.

Советский Союз развалился, началась совсем другая жизнь, но благодаря интернету удалось связаться со своими сослуживцами командирами и подчиненными. Со мной связались даже солдаты с которыми мы вместе служили когда я был лейтенантом. Самое приятное это то, что все отнеслись ко мне с уважением, а некоторые даже с благодарностью.

«Человек достоин этого имени только тогда, когда он себе и другим полезен».

ВООРУЖЕНИЕ И БОЕВАЯ ТЕХНИКА ОСВОЕННАЯ ЗА ГОДЫ СЛУЖБЫ ОФИЦЕРОМ АРТИЛЛЕРИСТОМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

1967 - 1991



АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОГНЕВЫЕ СРЕДСТВА И ТЯГАЧИ



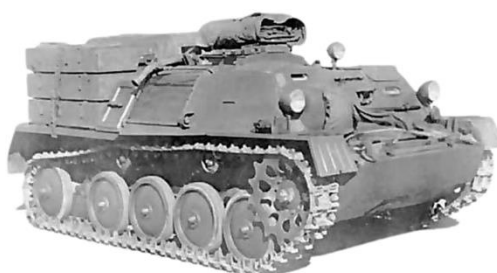
85-мм пушка Д-44



Тягач ГАЗ-63а



100-мм пушка БС-3



Тягач АТ-II



152-мм гаубица Д-1



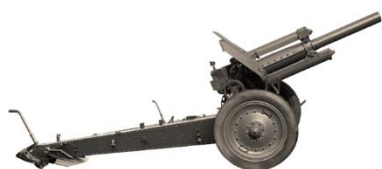
Тягач ЗИЛ-157



Тягач АТС-712



152-мм гаубица - пушка – МЛ -20



122-мм гаубица М-30



130-мм пушка М - 46



76-мм пушка ЗИС 3



100-мм пушка МТ - 12



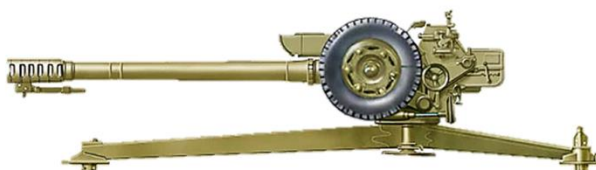
ПТУР Фаланга 2К8



РСЗО Град БМ - 21



Тягач ЗИЛ 131



122-мм гаубица Д - 30



Тягач КАМАЗ 5350



152-мм пушка-гаубица Д - 20



100-мм пушка-пушка МТ – 12 с комплексом «Кастет» с управляемой ракетой



100-мм пушка-пушка МТ – 12 с радиолокационным прицелом «Рута»



ПТУР 9П137 Флейта



ПТУР 9П-149 Штурм – С



ПТУР 9П148 Конкурс



МТЛБ



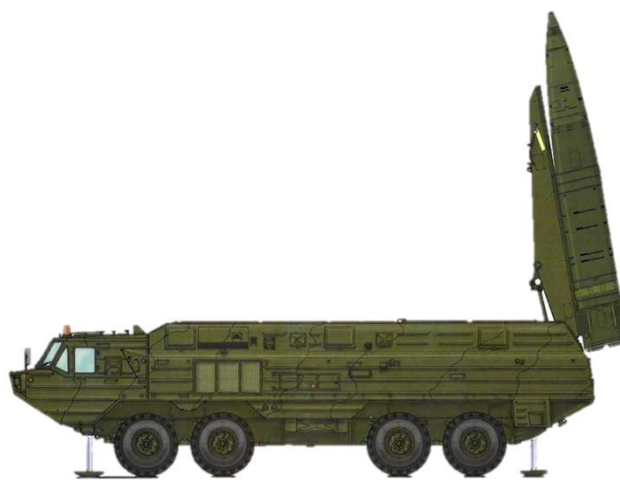
152-мм САУ 2С3 Акация



240-мм СМ 2С4 Тюльпан



Ракетные комплексы: 9К79-1 Точка



Ока 9К7 14

Артиллерийские средства разведки и прицелы



ПРП – 4



ПСНР – 5 Лазерный дальномер ДАК - 2



Ночной прицел АПН-6-40



НПП-21 Стереоскопический дальномер ДС-1



Артиллерийские средства связи



КШМ Р – 145 БМ



БМП – 1 КШ



Командно Штабная Машина Р 118





Радиостанции: Р 105



Р 108 М



Р 107М



Р 113



Р 123

КОМПЛЕКС МАШИН УПРАВЛЕНИЯ ОГНЕМ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА



Машина командира дивизиона

Машина старшего офицера
батареимашина начальника штаба
дивизиона

